ВЛ. Н. ИВАНОВСКИЙ,

проф. Белорус. Гос. унив. в Минске и действ. член Института научной философии при Фак Общ. наук Москов. унив.

Методологическое введение в науку и философию.

ТОМ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „БЕЛТРЕСТПЕЧАТЬ".
МИНСК—1923.

Прев 38с

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

703
93

Главлитбел № 1277 (тираж 5000 эк.) 1-я тип. «Центростречати» Зак. № 396.

Через метод и науку к философии; через науку и философию (как и через технику, общественность и искусство)—к культуре...

1. В основу настоящего труда положен курс, неоднократно читанный мною в университетах Московском, Казанском и Самарском под названием „Введения в философию", а последние два года читавшийся в сокращенном виде в Белорусском Государственном университете в Минске в составе лекций по „Логике и методологии наук". Первоначально я думал назвать его „Введением в научную и философскую методологию"; но затем пришел к убеждению, что содержанию его будет лучше соответствовать название „Методологическое введение в науку и философию".

По мере повторного изложения с кафедры курс постепенно и вырабатывался, и перерабатывался; не смотря на имеющиеся в нем пробелы и недостатки, он в его настоящем виде все же более или менее выражает то, что мне хотелось бы передать моим университетским слушателям, а затем и всем вообще, кто им заинтересуется.

В своем полном об'еме курс мой должен занять приблизительно четыре таких тома, как этот.

План его следующий. После напечатанных в этом томе глав должен идти ряд отделов по методологии отдельных групп наук: математических, естественных (в широком смысле), исторических, прикладных*). Затем должны следовать крупные отде-

*) Первоначально я хотел включить в этот том главы о науках математических и естественных. Но, с одной стороны, продолжительное нездоровье помешало мне за ончить об, аботку этих глав к печати; а с другой—мате, иал напечатанных глав так разросся, что оказалось возможным составить том и без тех двух глав.

лы, посвященные логико-философскому (гносеологическому) анализу знания, затем проблеме бытия и теории систематизации знания; наконец, последняя часть должна быть занята изложением теории „ценностей" (в ее общей, философской постановке) и различных типов оценок, а также методологических основ отдельных культурных систем в их оценивающем, «аксиологическом» аспекте.

Философскую „теорию знания" я считаю гораздо более удобным излагать *после* научной методологии, так как я по опыту знаю, что предварительное уяснение научной методологии существенно помогает пониманию методологии философской, на которой основан гносеологический анализ.

2. В такой работе, какова настоящая, автору все время приходится считаться с двумя противоположными, но почти одинаково существенными требованиями.

С одной стороны, требования *педагогические*. В книге, одна из целей которой служит учебником для начинающих, необходимо сообщать элементы— те первоначальные, основные данные, определения и исходные точки зрения, на которых должно строиться все дальнейшее; необходима известная схематичность построения, известная наглядность и простота изложения; необходимо осторожно и в меру пользоваться техническим, специальным языком философии, переходить постепенно от простого к сложному, от ближайшего к далекому, от несомненного к гипотетическому... Эти соображения заставляли стремиться к краткости, ясности, доступности, чтобы не обременить изучающего ни обилием материала, ни сложностью построения.

И с другой стороны, при обработке деталей все время было искушение войти в *существо* вопросов поглубже, изложить их пообстоятельнее. Добрые старые традиции серьезности и основательности, столь привычные для немецкой философии, не всегда еще признаны и привились у нас, где из *философии, как науки*, нередко берут лишь самые эле-

ментарные „вершки“, учатся в ней «чему-нибудь и как-нибудь», а затем спешат к использованию этих элементов в целях либо моралистической проповеди, либо тех или иных „красивых“ построений поэтически-религиозной публицистики. Моя точка зрения *радикально иная*. Философия есть, прежде всего, *наука*; и раньше всякого „использования“ ее выводов для тех или других целей, надо *серьезно изучить ее самое, как таковую*. И своей работой я хотел бы посильно помочь превращению нашей русской философии в серьезную школу научной мысли.

Эта стадия уже довольно давно достигнута западной философией—и в Германии, и в Англии, и во Франции. Пора и нам *европеизироваться* в этом отношении, поставив в основу философского мышления и образования *философию, как науку*, строго отделив ее от всякого рода вненаучного „уповаемых извещения, вещей обличения невидимых“. Там своя, особая методология, могущая (как это видно в истории) существенно *меняться* под влиянием успехов научного и философского знания, имеющего основное, законоположное значение. И хотя „смешивать два эти ремесла есть тьма охотников,—я не из их числа“. Первое условие успеха во всяком деле—ясное и строгое разграничение того, что различно по существу.

Текст моего курса и явился плодом компромисса между этими двумя тенденциями.

В частности я должен указать на то, что совершенно краткие и элементарные сведения из истории философии во II-й главе никоим образом не должны считаться, хотя бы и кратким, *обзором* истории философии. Первоначально у меня были здесь совсем краткие замечания; но некоторые слушатели говорили мне, что эти замечания их не удовлетворяли и что им хотелось бы тут составить себе хотя бы самое общее представление о *движении* философской мысли в ее истории. *С этой только целью* я и расширил эти замечания. Чтобы превратить их в обзор истории философии, их надо было

бы сделать в несколько раз обширнее и совершенно иначе построить. Я часто довольствовался для характеристики мыслителя какой-либо одной чертой его воззрений и совсем не касался его философии в целом. Так что, поскольку я даю *очень неполные* характеристики мыслителей, я считаю нужным это прямо оговорить.

Следы того, что книга возникла из курса, остались еще кое-где в виде повторений, без которых чтение лекций невозможно в виду их важного педагогического значения.

При окончательной обработке курса в Минске зимой и весной 1923 г. я был лишен возможности пользоваться многими капитальными научными и философскими сочинениями; многое приходилось цитировать на память, так что и в цитатах, и в ссылках могут быть неточности, в которых заранее извиняюсь и за указание которых буду очень благодарен. Очень сожалею о том, что (частию благодаря техническим условиям—неясности корректурных оттисков на шероховатой бумаге) в книге остались опечатки. Прошу, в частности, исправить искажающую смысл опечатку на стр. 48, строка 12-я сверху: вместо „ноге“ дожно быть „паче“*).

3. В книге мне приходится касаться самого разнообразного научного материала, и в этом есть двоякая опасность: специалистам краткие справки по методологии и истории их науки могут показаться тривиальными; новичков-профанов они могут не заинтересовать потому, что у них мало еще знаний и в их собственной специальности, не говоря уже о других областях науки. И тем не менее, я считаю даже элементарное ознакомление с типами наук, с их методами и их основными проблемами чрезвычайно полезным в образовательном отношении. У нас в общем господствует тип чрезвычайно узкого образования: словесник нередко плохо понимает

*) К сожалению также в нескольких местах осталась неправильная нумерация параграфов.

различие вен от артерий; естественник высказывает в области общественно-исторических наук взгляды, в частичное извинение которых можно привести только разве то, что до них он, как судья Тяпкин—Ляпкин «своим умом дошел»; математикой не интересуется почти никто, кроме специалистов в этой области, и т. д. У меня материал по методологии и истории наук накапливался с довольно давних пор—с того времени, как я в 1896 г. начал работать над переводом „Системы логики" Д. С. Милля. И если специалисты найдут частичные погрешности в моих ссылках на научные теории, пусть извиняет это, приняв во внимание трудность накопления и продумывания такого рода сведений.

Мой курс читался в последнее время студентам всех отделений Педагогического факультета: и математикам, и естественникам, и словесникам, и историкам. И если бы мне удалось каждую из этих групп специалистов до известной степени заинтересовать науками, изучаемыми остальными группами, я счел бы себя удовлетворенным. Это было бы некоторым приближением к идеалу более широкого научного образования, скрепляемого в некоторое единое целое научно-философским рассмотрением методологии и истории знания во всех его областях,—к идеалу, дорогу к которому указывает немецкая система «философских факультетов».

4. Мы не знаем еще тех окончательных форм, в которые выльется у нас новый общественный порядок: мы живем в момент перестройки старого здания. Но многое уже стало несомненным; и между прочим, во-первых, то, что, вероятно, нигде в мире нет сейчас такого широкого, демократического базиса для пропаганды научного знания и научно-философской культуры; во-вторых, что многое из того, что введено революцией, начинает уже становиться привычным, начинает входить в нравы, в общее сознание,—и прежде всего, принципиальная равноправность в идейном и общественном отношении всех граждан без различия классового положения.

И этим несомненным фактам должно идти на встречу широкое движение настоящего, научного знания к народным массам. Народы России должны не только выбрать и усвоить все лучшее из культуры прежней эпохи, но и быть в состоянии вести культурную работу дальше; а для этого они должны пройти серьезную научную школу.

На наших глазах старая Россия, несомненно, несмотря на случайные уклонения, в общем европеизируется быстрее, чем это было ранее. Усвоение „западной" теоретической науки отнюдь не должно отставать от горячего стремления быстро усвоить промышленную технику Запада Европы и Америки, и задача ученых дать для этого подходящий и доброкачественный материал.

Принципы нового общественного строя должны вести к известным *производственным результатам* через посредство *трудового начала*. Труд есть исходная точка; производство материальных и умственных ценностей—завершающий момент.

Пусть же и в умственной сфере мы через правильно поставленный труд пойдем к настоящей, плодотворной научно-философской культуре...

Вл. Ивановский.

Минск.
21 мая 1923 г.

ВВЕДЕНИЕ.

I. Социологическая и логико-методологическая точки зрения на «науку».

1. Несомненно, что знание в своей элементарной форме возникает *первоначально* из практической деятельности—в частности особенно из труда, направленного на удовлетворение жизненных потребностей, из производственной практики и обусловливаемых ею социальных моментов. «Всякая наука *родится* из практики, из условий и потребностей жизненной борьбы общественного человека с природой и различных общественных групп с общественной стихией *) или с другими общественными группами». (*Н. И. Бухарин.* Теория историч. материализма, 181). Точно так же и в дальнейшем знание и наука стоят под многообразными влияниями реальной жизни, природной и социальной действительности.

И с другой стороны, столь же несомненно, что наука не является простым, пассивным отражением „жизни", что она имеет и некоторую самостоятельную *цель* (познание „истины"), и свой особый внутренно закономерный строй и состав, свою *логику*.

Оба эти положения равно справедливы; но они относятся к разным сторонам факта «науки». Первое составляет ответ на вопрос о *происхождении отдельных элементов и частей* научного знания; второе касается *систематического состава науки*, как некоторого целого доказанных, проверенных и лишенных внутренних противоречий знаний. Первое

*) Не совсем ясное понятие.

имеет дело с *социально-психологической*, второе — —с *логико-методологической* проблемой „науки".

Социально-психологическое и логико-методологическое (а затем и собственно „философское", которое мы пока оставляем в стороне) рассмотрение науки—это *не два* исключающие друг друга *решения одной и той же* проблемы, а две различных проблемы, две стороны некоторого одного более широкого вопроса.

2. В каких отношениях научное знание и «наука» зависят от природных и социальных условий?

Во-первых, в силу зависимости всякой человеческой психики и всякого мышления от всех природных—физико-химических, физиологических, психологических и др.—основ и сил как самого индивидуума, являющегося суб'ектом научного мышления, так и окружающей его природы. Сюда надо отнести не только природные дарования человека, но и географические, климатические и иные подобные условия. «Наука», т. е. научная работа, невозможна, напр., для европейцев в некоторых, не переносимых ими условиях жарко-сырого, тропического климата; такая работа крайне затруднена для человека, главная масса энергии которого направлена на тяжелую физическую (или вообще далекую от умственной) работу; она требует известной специализации, привычки, известного физиологического приспособления, развивающегося у индивидуума лишь очень постепенно, а отчасти передаваемого даже и по наследству, и т. д.

Во-вторых, „наука" требует сохранения и поддержания жизни и здоровья, а также известных материальных предпосылок работы для тех, кто над ней работает, кто ее создает или изучает или прилагает; а эти предпосылки суть известные функции общественного строя. В первобытных обществах сама человеческая жизнь плохо обеспечена, и большое количество, быть может, весьма ценных сил прямо гибнет. Гёте, напр., родился в состоянии удушения („асфиксии"); его оживили искусственно; а родись

он, положим, в Патагонии, быть может, он бы немедленно после рождения умер. Если бы он и выжил, он легко мог бы быть убит врагами или растерзан зверями, мог бы утонуть на рыбной ловле, умереть от истощения в одну из периодических голодовок, стать неизлечимо больным, калекой и т. п.

В-третьих, „реальная жизнь" влияет на „науку" еще и тем, что первая, так сказать, очерчивает круг и определяет формы выявления и приложения труда и достижений работников науки (и вообще мысли). Допустим, что у патагонцев „случайно" (т. е. в силу неизвестных нам комбинаций наследственных задатков) родился человек с потенциальными талантами Пушкина или Ньютона. Очевидно, что он будет (если останется жив) применять свою гениальность в формах, соответствующих реальным условиям патагонской жизни. Он не будет *писать* стихотворений или драм, раз у народа нет письменности (предположим, что ее нет), не будет создавать научных теорий. На всем его творчестве будет лежать печать реальных жизненных тенденций и возможностей: — они будут сказываться на его идейном содержании, на выборе мотивов, образов, предметов и методов изучения. Влияние его будет ограничено уже тем, что его творения не смогут быть напечатаны, и т. д.

В-четвертых, развитие „науки" зависит от степени *дифференциации*, специализации и разделения общественного труда, от того, выделена-ли группа лиц, специально приставленных к научной работе, и от того, хорошо или нет „оборудована" техника работы этих специалистов и всех вообще занимающихся в данной области лиц.

Конечно, потенциально (в возможности) многие факты, которые использует специалист в своих теориях, находятся в распоряжении каждого члена общества. Но этот материал надо осознать; надо оценить *именно его*, как пригодный (или непригодный) для обоснования на нем науки; надо его «отвлечь», выделить в общей форме «принципа», систематизировать, сделать в нем отбор, формулировать его, показать его на конкретных фак-

тах и т. д. Только тогда он может дать основу для науки. А все это—специальные функции, требующие особой трудовой дифференциации для своего выполнения. Миллионы людей пилили и строгали; миллионы смотрели на небо; миллионы получали заработную плату от фабрикантов. Но лишь Галилей создал механическую физику; лишь Кеплер определил форму планетных орбит; лишь Маркс создал теорию прибавочной стоимости. В науке «реальная жизнь» есть лишь невидимый и неслышимый никем, кроме творца научного знания, суфлер; она говорит лишь устами ученого.

Исторически параллельно с дифференциацией специалистов происходит и «координации» их работы; возникают школы, создается письменность и научная литература,—„наука" получает внешнюю организацию. Научные специалисты получают свободу от других работ и досуг для отправления своего профессионального труда; они имеют для своих занятий библиотеки, лаборатории, музеи и т. д.; они проходят известный стаж, известные испытания, несут определенные обязанности, и т. д., и т. д.

В-пятых, жизнь влияет определяющим образом на „науку" и в том смысле, что она дает изучающему запас опыта, обогащает его аналогиями, пригодными для об'яснения неизвестного, для построения гипотез. Конечно, от глубины понимания, от чутья самого изучающего зависит, какою из аналогий он воспользуется в каждом данном случае; не будь такой »свободы", не было бы неправильных, ошибочных теорий, не было бы частичных и постепенных приближений к истине—в ряду сменяющих друг друга теорий и т. д. Однако, репертуар возможных об'ясняющих аналогий дает, главным образом, „жизнь" (в смысле наиболее привычных переживаний непосредственного опыта и построения).

В-шестых, определяющее влияние „жизни" сказывается и в том, что в каждую эпоху в состав науки включаются лишь те из воззрений специалистов, „ученых" и т. д., к оценке и усвоению которых подготовлена данная эпоха (в лице тех или других групп ее представителей).

Отсюда постоянная возможность для ученого быть «не понятым», «не оцененным», «не признанным» своими современниками, возможность «опередить» свою эпоху. Такие случаи нередко бывали и в действительности: механические предвидения Рожера Бэкона оказались научными лишь через 300—350 лет после своего появления; а мнение некоторых греческих астрономов о том, что Земля вращается вокруг Солнца, было принято даже почти через две тысячи лет, и т. д. «Наука» есть система взглядов, не только проверенная и доказанная, но, с другой стороны, также и *признанная* за истинную известным (не очерченным определенно, понимаемым лишь приблизительно) человеческим коллективом.

Нечто аналогичное имеет место и в отношении к создаваемым на основе научного знания техническим изобретениям, практическим применениям науки. Изобретатель может придумать приспособление которое окажется чудодейственным при известных условиях. Но если этих условий в окружающей среде нет, его изобретение останется *психологическим курьезом*, индивидуальным паритетом, свидетельством гения его творца, но не превратится в *социальный факт*, и может погибнуть бесследно; ибо жизнь могущественно влияет на отбор сохраняемого, входящего в традицию. Множество изобретений (или, по крайней мере, предчувствий их, приближений к ним) или вовсе погибли или ждали долгое время своего практического осуществления, потому что жизнь не предъявляла на них спроса. Паровая машина, как говорят, была раньше Уатта изобретена в Сибири; но модель ее «за ненадобностью» стояла в амбаре, потому что, поскольку была нужна механическая сила, ее было вдоволь в виде мускульной силы подневольного труда.

Наконец, *в-седьмых*, „жизнь“ *в некоторых случаях* оказывает на „науку“ психологически обусловливающее влияние еще и через известные практические, жизненные тенденции, подсказывающие исследователям *определенные решения* теоретических вопросов. *Реально* «наука» воплощается в деятельности тех, кто над нею работает. А эти работники могут иногда (хотя бы безсознательно) отдавать предпочтение одним решениям вопросов перед другими, руководясь, напр., политическими соображениями, классовым интересом, религиозной ревностью, разного рода бытовыми, психологическими предпочтениями, привычкой и т. д.

Таковы некоторые из тех путей и отношений, в каких реальная жизнь воздействует на научное

знание и так или иначе определяет как его форму, так и его содержание и его общественную роль и значение.

Несомненно, что все продукты культуры бесчисленными нитями связаны с реальными условиями жизни; и исследование этих связей и зависимостей составляет в высшей степени важный и поучительный отдел как самого научного знания, так и социальной практики.

3. И тем не менее, все это лишь одна сторона вопроса: в нем есть и другая.

Во-первых, столь же несомненно, что—на ряду с рефлексами жизненной практики и процессов производственного труда—динамика знания коренится также и в особом, независимом теоретическом инстинкте любопытства, любознательности. Удивление, вызываемое новым, неизвестным, непривычным, свойственно уже многим высшим животным, особенно молодым: стоит вспомнить о любопытстве котят, щенков, особенно же обезьян, о их инстинктивном стремлении знакомиться со всем еще неизведанным. В этом состоит *психологическая* основа непосредственного стремления к знанию, к истине.

Во-вторых, у человека очень рано присоединяется к этому другой, высший—*логический* мотив, скоро переносящий познавательный интерес на *систематическое* развитие знания—на исследование того, что непосредственно не имеет уже отношения к жизненным потребностям и не вытекает прямо из трудовой практики, но что связано с ранее познанным отношениями связности, внутреннего сродства, цельности и т. д.

Надо различать, с одной стороны, *сведения, познания* вообще, и с другой—*науку*. Сведения могут быть, хотя бы и многочисленными, но разрозненными, не связанными внутренно; наука всегда систематична, в основе ее всегда лежат некоторые принципы, общие предпосылки, и сведения становятся «наукою» лишь с того момента, как они начинают представлять собою внутренно связное, «логическое» целое. «Восточные цивилизации (египетская, вавилонская, индийская, эгейская) накопили для целей землемерия и архитектуры, для измерения полей в долине Нила, для

постройки алтарей и дворцов в долинах Ганга и Эфрата многочисленные факты и правила; но только греческому гению удалось создать из них науку геометрии». *)

В математике особенно много учений, которые (будучи, конечно, под влиянием „жизни“ в своей *динамике*) по *содержанию* совершенно чужды всякой „практике“.

Из какой «практики» (в узком, социально производственном смысле) возникли, положим, «трансфинитные числа»? Что *вообще* разработка математики в *конструктивном* направлении связана с некоторыми особенностями психики нового времени—особенностями, возникшими между прочим, и под влиянием „практики“ (*но не ее одной*, а напр. и культурной традиции и т. д.), это верно: машина механического мышления поставлена на рельсы всем социальным и духовным складом эпохи. Но *какие в частности теории* будут развиты действием этой машины в каждом отдельном случае, это часто определяется только систематическим моментом, известным связным „обстоянием“ данной области знания, как таковой.

Каждая *развитая* наука есть *систематическое* целое, в котором, чем дальше, тем больше элементы содержания, *прямо* подказываемые жизненным процессом, как таковым, тонут в массе данных, обусловливаемых „реальной жизнью“ *лишь косвенно*, ближайшим же образом возникающих из теоретико-систематического интереса. Конечно, изучение микроорганизмов стало возможным лишь тогда, когда техника создала микроскоп или, по крайней мере, лупу; однако, мотивом изучения микроорганизмов была сначала не та или иная жизненно-трудовая потребность (приложения микробиологии в технике и медицине возникли гораздо позже), а стремление *познать*, изучить известную область действительности Конечно, в этом случае (как и во многих других) то, что было изучено под влиянием теоретического импульса, потом вошло в житейскую практику, но уже *своими результатами*, теми изобретениями и практическими приложениями, какие оно оказалось способным дать.

---

*) Проф. *А.В. Васильев*. Статья „От Эвклида до Гильберта“, предпосланная русскому переводу «Оснований геометрии» Д. Гильберта.

В-третьих, те, кто работают в науке, в подавляющем большинстве случаев *фактически* стремятся познать истину, и именно это стремление является общепризнанным мотивом в данной области труда.

Это очевидно, если принять во внимание колоссальную массу построений и исследований в области наук математических, естественных, лингвистических, частию исторических и т. д. Правда, в некоторых областях, где теоретическое освещение оказывается тесно связанным с оправданием тех или иных интересов, бывает иногда тенденция оправдать эти интересы признанием их «естественности», «необходимости» и т. п. Однако, прежде всего, такие случаи (хотя они очень важны по своему значению) все же составляют в общей массе работы лишь ничтожный процент, являются исключениями. Далее, даже авторы таких теоретических воззрений принципально признают требование отыскания истины и стараются обосновать свои взгляды более или менее правдоподобными аргументами: «ошибка и ложь—для того, чтобы показаться приемлемой,—надевают на себя костюм истины». Наконец, «наука» есть некоторое идеальное *целое*, выходящее за пределы отдельных теорий: каждая такая теория в целом науки есть лишь момент, иногда отрицательный, иногда лишь возбуждающий в отпор себе более правильное решение вопроса. Каждая научная теория подвергается в «науке» критике, пересмотру и нередко потом вовсе отбрасывается. Теории преходят; но «наука» остается, потому что ею оказывается всегда то, что удается доказать наиболее сильными и исчерпывающими аргументами. Сениор думал, что прибыль фабриканта зависит от «последнего часа» труда рабочих и что поэтому нельзя было законом уменьшать количество рабочих часов. Маркс перевернул вопрос, и теория Сениора оказалось тем, чем она была: замаскированной попыткой оправдания своекорыстия фабрикантов. *Наука неопровержима* просто потому, что в понятие «науки» входит, вообще говоря и отрекаясь от злоб настоящего дня, *совокупность наилучше доказанных положений*, каковы бы они ни были по существу: «наука»» всегда с победителем, и в этом признак не ее ветрености, а *формального* характера самого ее понятия, допускающего (в зависимости от логических моментов) постоянную изменчивость ее содержания.

Наконец, *в-четвертых*, надо обратить внимание еще на один момент: на *научную традицию*. Постоянно растущая научная традиция дает все большее количество научных данных, не стоящих в сколько-нибудь прямой зависимости от условий (и особенно от общественных условий) *настоящего момента*. Как

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

бы эти данные ни возникли в свое время (были ли они прямо внушены общественно-трудовыми процессами или возникли из систематико-теоретического интереса и т. д.), к данному моменту они приходят уже *готовыми*. Это не мешает, конечно, их переоценке и отвержению, но *только* в том случае, если окажется, что они не удовлетворяют логическим требованиям обоснованности и доказательности: один факт возникновения их при других общественных условиях не может быть основанием для их опорочения.

Это, конечно, понимают теоретики, указывающие на то, что значение имеет происхождение научных положений «в последнем счете», (напр., *Н. И. Бухарин*. Теория историч матер., 185); но это не всегда принимается во внимание в ходячих взглядах, нередко стоящих на точке зрения того поэтического произведения, которое гласит: «Мы солнце старое потушим, мы солнце новое зажжем», не указывая, что именно разумеется под «солнцем». Конечно от гимна нельзя требовать научной истинности; но, значит, нельзя и руководиться его вдохновенными призывами. Никакое «солнце» (раз оно действительно *солнце*, а не фальсификация)—ни старое, ни новое—тушить нельзя; можно и должно лишь устранять несправедливости в использовании и распределении его света.

4. Одной из наиболее настоятельных задач современности является *использование* «старого солнца», т. е. культурной и научной традиции, в интересах нового общества и нового общественного порядка.

И это тем более так, что даже при „старом" солнце очень многое в науке возникало, хотя и при других общественных условиях, но также на почве трудовой практики,—только результаты этой практики учитывались и теории на ней строились, конечно, не специалистами, вышедшими из пролетариата, а теми, кто тогда нес на себе тяжелое бремя научной работы. Когда говорят о старом и новом солнце, нередко впадают в ошибку, слишком выдвигая *политический* момент нахождения у власти рабочего класса и не принимая достаточно во внимание фактов методологии и истории науки. Когда в конце XVI и в

начале XVII в. Галилей обосновал новую, механическую физику, о политическом значении пролетариата не было и помину; но *трудовой* опыт пролетариата был им учтен (в логически обоснованной, конечно, форме). Действительно, Галилей начинает свое знаменитое «Рассуждение о двух новых науках» (1638 г.) следующими словами двух выведенных там собеседников. Сальвиати, главное лицо диалога, говорит: „Неисчерпаемая деятельность, царящая в вашем арсенале, господа венецианцы, доставляет, как мне кажется, обширный материал для умозрений, особенно в области механики, так как там многочисленные рабочие постоянно выделывают многочисленные машины и орудия". На это отвечает другой собеседник Сагредо: «Вы совершенно правы, милостивый государь; и так как я от природы любознателен, я туда часто хожу, и тот опыт, каким обладают те, кого мы называем за их замечательное искусство «первыми» мастерами, часто открывал мне отношения между причинами и следствиями в удивительных явлениях, считавшихся ранее необ'яснимыми и невероятными". Не надо было ждать перемены политических условий для того, чтобы гениальный ученый открыл теоретические выводы, какие в его голове вытекли из фактов техники производства материальных предметов.

5. Вообще по отношению к тезису о зависимости „науки" от общественной жизни и трудовой практики особенно полезно было бы чаще вспоминать завет нашего глубокого и тонкого общественного мыслителя Г. В. Плеханова о необходимости всякий вопрос освещать и понимать не „метафизически" (в неподвижной, общей формуле, стирающей многообразие действительных фактов и комбинаций), а «диалектически», т. е. принимая во внимание, что один и тот же принцип или факт в одних случаях и при одних обстоятельствах получает одну форму, а в других и при других другую, что нельзя, иначе говоря, решать вопросы слишком упрощенно и схематично.

XIX

Прежде всего, необходимо считаться с *разнообразием* типов, методов и содержаний *наук*—со всем тем, что обсуждается в классификации и методологии наук. И положение, о котором идет речь, несомненно, имеет один смысл в приложении к наукам общественным и совершенно иной в применении к наукам математическим и естественным. В науках общественных зависимость в некоторых случаях *может быть* гораздо более прямой и непосредственной; в остальных (поскольку она вообще имеет место) более косвенной.

Далее, тезис о *зависимости* «науки» от общественности никоим образом не должен пониматься в том смысле, будто наука *своим содержанием отражает, повторяет* общественные отношения—напр., отношения, возникающие из «производства».

Дело в том, что во-первых, поскольку *содержание общественных наук* действительно имеет дело с социальными фактами, науки эти могут (в своем *содержании*) как 1) повторять, отражать, оправдывать, защищать и т. д. существующие отношения, так и 2) их отрицать, критиковать и 3) наконец, их преобразовывать, или творить в этой области нечто новое. Что же касается до остальных наук, то они (будучи, конечно, под влиянием общественности в *других* отношениях), по *содержанию* могут быть совершенно независимыми, могут руководиться собственно теоретическим, логико-систематическим моментом, либо считаясь с «фактическим обстоянием» данного «предмета», либо свободно его построяя. Какая общественная практика «отражается» (не просто влияет, а именно *отражается, повторяется*) в не-эвклидовой геометрии или учении о математическом безконечности, в естественно научных классификациях, в учениях о географическом распространении растений и животных и т д?

Что вообще разработка проблем математики в конструктивном направлении, сопряженная с преодолением так страшившего античность понятия безконечности, связана с некоторыми особенностями психики нового времени, выросшей на почве известных общественно-трудовых моментов, это я уже сказал; но это не есть еще «отражение» общественности.

Вся ошибка пресловутой книги В. Шулятикова «Оправдание капитализма в новой философии» состояла именно в том, что, неправильно поняв многосмысленный термин «отражение», он истолковал философию как *повторение, воспроизведение* (по содержанию) общественно-производственных отношений и потому составил свою схему «оправданий» мыслителями этих отношений, проявив при этом величайшее невежество в истории философии и необычайную конструктивную развязность.

Чтобы сделать невозможными подобные аберрации, надо точно определить, *что значит*, что идеологии отражают социальный базис.

„Отражают" вовсе не значит *воспроизводят* (по существу), или—*оправдывают* и т. п. По *содержанию* теории могут не

иметь никакого сходства с общественной действительностью. «Отражают» значит *зависят в своей динамике*, в сложнейших моментах своего генезиса от *всех* условий среды, всегда оставаясь *в своей собственной сфере*, в области искания истины.

Далее, формула не годится, в качестве *общего* положения. Общественная жизнь в каждой своей реальной форме, несомненно, может дать начало *многим* идеологиям, а не только одной той, которая будет ее «отражать» (в смысле воспроизведения). Из всех этих теорий логическая проверка и сама дальнейшая жизнь делают *отбор*: одни учения проверку выдерживают и получают общественную действенность; другие отбрасываются или остаются ошибочными воззрениями отдельных индивидуумов или небольших групп. Общественная жизнь действует, как и вся живая природа,—не по предрешенной целесообразности, а по дарвиновскому принципу выживания пригодного и исчезновения непригодного. Если бы дело обстояло иначе, как возможны были бы ложные теории, ошибки и т. д.?

Наконец, формула о зависимости науки (и вообще идеологических построений) от социальной действительности, будучи крайне полезной и ценной, в качестве принципа *объяснения уже возникших* теорий, не касается динамики создания новых воззрений. Когда научные теории уже *созданы*, бывает очень интересно и поучительно вскрыть их корни, найти в них отражение тех или иных выросших из жизни тенденций. Но пока научные теории еще не выработаны, пока идет, на ряду с чисто логическим и систематическим изучением, *живой процесс* взаимодействия между реальной жизнью и мышлением, *это взаимодействие и его результаты составляют саму сущность умственной работы мыслителя* и подчиняются законы не «об'яснительного», а так сказать, *созидательного* характера. Тут *нет еще* места для рефлексии и об'яснения: принцип зависимости науки от общественной действительности *осуществляется*, конечно, (в нужной мере) *фактически*; но *в своей сознательной и общей формулировке* приложения не имеет. Давление жизни действует *реально* и *бессознательно, формируя самого мыслителя и его мысль*, так сказать, изнутри; а затем мысль эта создает плоды, *в которых можно узнать это влияние жизни* уже *потом*—на стадии осознания и об'яснения законченного мыслительного процесса.

6. Нередко развиваемое положение, что «наука возникает из трудового опыта человечества» (или даже «состоит из отложений такого опыта») располагает некоторых к неправильному пониманию процессов создания и выработки науки. Начинают возникновение науки считать каким-то автоматическим процессом, будто бы неизбежно следующим за на-

коплением трудового опыта. Но очевидно, что это не так.

Когда Галилей из наблюдений над производственными процессами пришел к убеждению, что природа действует именно так, как ремесленники и рабочие: слесаря, кузнецы, столяры и т. д., т. е. ударом и давлением, разделением (пиленьем, строганьем, разрезыванием) и перемещением, вообще *механическим движением и напряжением*, он эту концепцию создал *сам*. „Принципы" механического действия искони веков, с зоологических предков человека, „содержались" в *фактах* сбработки материальных предметов. И тем не менее, колоссальное количество времени принципы эти *не была осознаны* Лишь Галилей „осознал", *нашел* их, извлек их из конкретного многообразия моментов технических. процессов, *увидел в них об'яснение фактов*, обобщил формулировал, подчинил математическим вычеслениям и соотношениям, проверил на опыте и положил в основу нового мирооб'яснения.

И все это не было, конечно, отнюдь чем-то самоочевидным, —ибо иначе люди не могли бы миллионы лет жит другими об'яснениями.... Нужен был весь великий ум, вся гениальность Галилея, чтобы произвести эту реформу. «Социальная действительность» понятие очень сложное, и многое нужно, чтобы уметь увидеть в ней как раз *тот* элемент, который даст ключ к пониманию. Галилей взял из этого сложно целого для об'яснения природы *механический* принцип *труда* рабочих; Шулятиков положил в об'яснение всей новой философии принцип *классового разделения труда* и *оправдания капитализма*. Выбери и Галилей для об'яснения природы из сложного целого труда рабочих в венецианских арсеналах этот последний принцип, не было бы механического естествознания: вышел бы не Галилей, а Шулятиков!... От великого до смешного один шаг! но какой шаг!..... Оба принципа правильные... но только *для тех областей*, в которых каждый из них правилен. Мало просто *знать наизусть* правильные принципы; надо еще *уметь* их применять там и так, где и как нужно. Настоящий научный исследователь не применяет без разбора готовых шаблонов; он *ищет*, идет творческим, созидающим путем. Не будь этого, каждый совершал бы научные открытия,—т.е., иначе говоря, научных открытий вовсе бы не было.

И это положение справедливо но только в применении к крупнейшим открытиям, начинающим со-

бою мировые эпохи, но и ко всякому самостоятельному иследованию, как бы мелки ни были его результаты. Ибо все эти мелкие исследования суть не что иное, как детальные проведения в небольших областях, на ограниченном материале *тех принципов об'яснения, которые установлены творцами мировых открытий.* Одни идут по колее мысли Галилея и Декарта, другие—Дарвина, третьи—Рёнтгена или Кюри или Рёзерфорда, четвертые—Маркса, и т. д., и нередко на долю сравнительно мелких исследований выпадает честь внесения поправок или ограничений этих принципов, новой их частичной формулировки и т. д.

7. Что сказать о значении, общественной ценности этого процесса подлинного научного творчества?.... Всякому понятно, что значение это безмерно,—в нем совершается медленное поступательное движение человеческого *ума*, движение несомненное, как бы пессимистически кто ни смотрел на прогресс в других областях жизни....

При этом вполне возможно (и нередко бывает), что эти оригинальные исследования будут и *трудными для усвоения*, и «отвлеченными», «сухими», мало понятными, покажутся «оторванными от жизни», и т. д. Кроме трудностей самих проблем по существу, тут могут сказаться и личные недостатки исследователей: далеко не всякий умеет ясно писать, коротко и наглядно выражать свою мысль... И тем не менее, быть на это в претензии крайне неблагоразумно: *новые* и *ценные* мысли, факты и законы приходится принимать из рук их творцов в том виде, в каком они их нам дают. Можно пожалеть о том, что сочинение Коперника «О вращених небесных кругов» мне недоступно из-за его математического аппарата или что Кант, Гегель и другие не писали более общепонятно... но победателей не судят, и все жалобы на «непонятность» и прочие грехи произведений, давших нам новое научное знание, надо признать основанными на недоразумении. Для человечества безконечно полезнее *новая* истина, изложенная хотя бы самым варварским и малодоступным образом, чем очень ясно и отчетливо изложенная, *но старая* мысль. Для понимания и ясного изложения *уже добытой* мысли всегда найдется много людей; ее всегда сумеют ввести вообще сознание, приложат ее на практике, словом, завершат социальный цикл научной истины.

8. Но существует ли, может ли существовать „истина, как таковая"?

В этом вряд ли кто сомневеется... Спор идет только о том, *чьи* воззрения истины. Но что истина (пусть не полная, не вечная, не окончательная и не абсолютная; пусть частичная, приблизительная, временная и относительная) возможна и отчасти достигнута, в этом согласны все, кроме, быть может, таких „релятивистов", как нашумевший недавно Шпенглер. Как известно, Шпенглер отрицает и единство человечества, и мировое единство знания и науки, дробя всю культуру на частичные и условные аспекты—достижения отдельных, замкнутых в себе «душ» отдельных „культур".

Каким образом вырабатывается эта „истина"?... В применении к общественным наукам теперь часто дается ответ в том смысле, что в них истинны те воззрения, которые развиваются представителями «пролетарской науки». Причину этого *Н. Бухарин* (Теория ист. мат., 10) видит в том, что „пролетариат не заинтересован в сохранении старого и поэтому гораздо более дальнозорок... Пролетарская наука выше буржуазной потому, что глубже и шире рассматривает явления общественной жизни, потому что она способна заглядывать дальше и подмечать то, что не в состоянии подмечать общественная наука буржуазии".

В этом воззрении, в применении к *общественным* наукам, много справедливого (мы коснемся этого вопроса ниже). Но в качестве общего ответа на вопрос о происхождении научной истины, положение это слишком узко. Несомненно, что источником научной истины (в ее целом) является *накопленный культурный материал, историческая традиция научной мысли, в каждый момент обогащаемая, конечно, достижениями новых общественных групп* и отдельных личностей и постоянно *проверяемая* логическими критериями обоснованности и доказанности. Традиция эта не составляет одного общепризнанного кодекса: в ней неизбежно бывают колеба-

ния, внутренние трения, смены господства одних принципов господством других. Можно сказать, что развитие науки происходит по некоторой восходящей и расширяющейся спирали: в нем нередко чередуются различные (а частию и противоположные) мотивы, возвращающиеся каждый раз в более широкой постановке, обогащенные содержанием, вынесенным из проработки мотивов противоположных. Поэтому полный „культурный капитал истины" есть, конечно, лишь идеал, никогда вполне не осуществляющийся. Поэтому и логическая проверка является не абсолютной... Но это не уничтожает целиком значения этого капитала, потому что и в пределах *новой* стадии науки, нового поворота точек зрения многие *старые* достижения остаются в виде *частичных истин*: к ним привходят новые частичные истины и, с другой стороны, получает новое истолкование вновь образованное *целое*.

9. Мне кажется, этот процесс исторического накопления частичных истин и все новых общих точек зрения можно представить приблизительно в таком виде.

Каждый человек, каждая однородная группа людей, под влиянием жизненных обстоятельств и потребностей, составляют себе более или менее ясные представления о тех сторонах жизни, с которыми они особенно близко сталкиваются, которые их особенно затрогивают, интересуют. Часть этих достижений (то большая, то меньшая) оказывается выдерживающей критику и логическую проверку и входит в состав общечеловеческого капитала «знания»; прочие части теорий остаются преходящими (личными или групповыми) взглядами, мнениями, предрассудками и интересуют лишь историков мысли и культуры.

При этом наблюдается крайне важный факт: в состав общечеловеческого капитала истин входят *выдержавшие логическую проверку* элементы таких идейных систем, которые были задуманы и разработаны вовсе не из одной «любви к истине», а под влиянием самых разнообразных жизненных целей. Научная истина является в таких случаях в качестве «побочного продукта»—так сказать, «по дороге к другой цели». Так, один (*способный к научному мышлению человек*), желая *обогатиться*, пробует составлять золото из менее ценных материалов (алхимик),—и в этой работе подмечает целый ряд *научных*, относящихся к химии фактов и законов. Другой исходит из горячего *этического* стремления помочь людям в выработке лучших форм

общественного устройства и, *в качестве средства для этой цели*, разрабатывает теорию правильного мышления; так Д. С. Милль пишет свою „Систему логики" для того, чтобы проложить путь правильным (с его точки зрения) методам общественных наук. Третий по аналогичным мотивам предпринимает общую систематизацию научного знания: О. Конт составляет свой «Курс положительной философии» с целью сформировать и ввести в состав наук новую науку „социологию", от успехов которой он ждал наступления лучшего общественного строя. Так, Г. Спенсер начинает с интереса к условиям социально-этического прогресса (в своей первой большой работе—«Социальной статике»); а затем, выработав свой принцип «эволюции», возвращается к прежней теме и систематически использует этот принцип в своих теориях психологического, социального и морального развития человечества. Еще другие, движимые *религиозным* энтузиазмом и все повышая тон своей космической идеализации, начинают в конце концов мыслить мировую силу безконечной, превышающей все человеческие представления—и тем прокладывает путь, с одной стороны, для *научной* идеи *безконечности мира*, а с другой, для положения критической философии о *непознаваемости мира*, как целого, и *божества* (Плотин). Энтузиастический религиозный мечтатель, гениальный Беркли, желая доказать *онтологическое* (т. е. помимо конкретных восприятий) небытие «самих по себе» материи и протяженности, придать им только производное значение, сведя всю мировую реальность (не эмпирическую, а метафизическую) на бытие духов, попутно производит для этой цели замечательные, *строго научные* (подтвержденные тогда же знаменитыми опытами д-ра Чезельдена над слепорожденными*) и легшие в основу психологической оптики) анализы процессов внешнего восприятия и выработки из них понятий. Так, в XIX в. Карл Маркс, движимый сочувствием к тяжелому положению, нуждам и страданиям рабочего класса, создает основные учения *научного* социализма. И т. д.

Все это разнообразие мотивов, побуждающих мыслителей к разработке научных вопросов, нисколько не мешает входить в состав «науки» всем тем положениям, которые оказываются *в состоянии выдержать опытную проверку и опереться на до-*

*) Суть этой части теории Беркли в том, что зрение не дает восприятия пространства, след. форм, удаленности предметов и т. д., но что все это результаты *осязательно-двигательного* опыта, лишь потом, в процессе опыта же, ассоциирующиеся с зрительными впечатлениями. И действительно, когда вскоре после выхода сочинений Беркли (в начале XVIII в.) знаменитый английский окулист оперировал слепорожденного и вернул ему зрение, оказалось, что пациент *зрением* не может ни различить шара от куба, ни определить расстояния от него этих предметов. Он смог это сделать, лишь *ощупав* эти предметы (т. е. связав с новыми для него зрительными образами свои *прежние*—осязательно-двигательные) и восприняв те движения, которые ему нужно было сделать, чтобы *подойти* к ним (т. е. переводя «зрительную» удаленность предметов на язык движений).

статочные доказательства. Логическая точка зрения доказанности, истинности, «значимости» *обезличивает* все эти достижения мысли, отрывает их от их суб'ективных корней и мотивов и вводит их в состав «науки».

Так в русле большой реки сливаются воды самого различного происхождения. Одни текут с гор—от тающих снегов горных высот; другие собираются из орошающих склоны гор и равнины дождей; третьи—из потоков вешних талых вод; четвертые питаются болотами; пятые—подземными источниками. и т. д. и все они образуют единую реку.

Так и отдельные потоки общей «реки» научных истин то вытекают из стремлений чисто теоретической любознательности, то из побуждений общественно-этического, социально-классового. религиозного, эстетического и т. д. характера. Всё это касается *психологии* исследователя, и все входит в «науку», пройдя через горнило *логики.*

Из всего этого материала, постоянно его пересматривая, критикуя, мы стараемся составить возможно более широкое и стройное представление о действительности. Конечно, когда мы эту работу закончим,она—не смотря на все наше стремление к широте и обоснованности—все же окажется опять-таки неполной, односторонней (это и естественно, потому-что, схвати мы полную истину, развитие науки закончилось бы). Однако, это не лишает такую работу ценности: ибо сама *неполнота* и *односторонность* постепенно, в историческом процессе, до известной степени выправляются,—представления о действительности становятся все *шире* по захвату и *сложнее* по структуре, приближаясь («асимптотически»—без возможности полного совпадения) к идеалу знания.

Поэтому, что бы ни говорил Шпенглер, *есть* человечество, *есть* наука, есть культурная традиция, и все своеобразные понимания числа и величины, времени и пространства, красок и линий, вещей и процессов, покоя и движения, конечного и бесконечного,—понимания, свойственные отдельным «культурам» и их «душам», суть фразы развития и логические члены некоторой (лишь в идеале нам рисующейся) всеобъемлющей познавательной системы.

10. Этим определяются и законные права того, что называют „пролетарской наукой". Пролетарская наука есть вклад нового общественного класса в исторический капитал истин, отнюдь не отменяющий всего того, что было, как *проверенное и доказанное*, установлено при других общественных условиях. Есть целый ряд областей, в которых выстраданные пролетариатом и выношенные его вождями и мысли-

телями точки зрения, методы и материалы в широкой мере содействует достижению истины и, несомненно, войдут в общечеловеческую культуру и науку. Такова особенно область проблем общественных... Но, напр., в математике,*) астрономии,**) физике вряд ли возможны новые, специфически „пролетарские“ точки зрения.

Ни один пролетарский мыслитель не отрицает механической картины мира; между тем, эта картина выработалась постепенно в ряде эпох совершенно различных друг от друга по своим «экономическим базисам» и состояниям производственных отношений. Древние греки с Архимедом, средневековые схоластики с Рожером Бэконом, Николаем Орезмом и др., мыслители буржуазно-капиталистической эпохи--Галилей, Декарт, Гоббз, Спиноза, Лейбниц, Кант, Лаплас и многие—многие другие—все они не были ни пролетариями по происхождению, ни близкими к пролетариату по настроению и самоопределению... Механическая картина мира—один из отстоявшихся, логически проверенных и доказанных пластов, отложенных культурами прежних эпох, вошедших в общечеловеческий капитал и доставшихся нам по традиции, по наследству, и задача общечеловеческой науки и философии, обязательная и для пролетариата—собрать, систематизировать и повести дальше эти прочные приобретения прежних эпох. Истина не потому истина, что она выработана лицом такого-то происхождения или классового настроения и самоопределения, а просто потому, что она «истина», т. е. проверена и доказана (что не противоречит, конечно, возможности особого, так сказать, «жизненного» предрасположения известных общественных классов к предпочтительному и особо ясному пониманию определенных областей действительности).

---

*) Какая путаница бывает иногда в популярных, ходячих рассуждениях на эти темы, можно судить хотя бы по такого рода факту. Мне пришлось в 1920 г. присутствовать на большом собрании школьных работников в провинции, на котором приехавший из «центра» инструктор доказывал буржуазный характер математики тем, что в арифметических задачниках фабулы задач часто берутся из сферы отношений купли—продажи и частного найма, запрещенных в коммунистическом обществе.

**) А. А. Богданов признает возможность специфически пролетарской астрономии. «Существенно новый материал, какие-либо специальные открытия пролетарские методы вряд-ли могут внести в астрономию: у рабочего класса, до его полной победы, своих обсерваторий, надо полагать, не будет» говорит этот автор („Социализм науки“, М. 1918, стр. 21), откуда следует, что все это придет после «полной победы»,—тогда, когда в рабочих обсерваториях будут применяться „пролетарские методы“. Н. Бухарин более разумно считает специальной областью пролетарской идеологии и культуры проблемы общественные (Теория ист. мат., в разных местах).

11. В понятии „науки", как оно применяется в популярных суждениях, об'единяется целый ряд существенно различных моментов, которые я и попытаюсь выделить. В «науке» надо различать:

1) ее *содержание*, как логически проверенного и связного, систематического целого;

2) процессы *выработки*, создания этого содержания,—без которых наука не может, конечно, ни существовать, ни применяться;

3) *социальный подбор личного состава* деятелей, как создающих, хранящих и преподающих науку, так и применяющих ее выводы к жизненной практике;

4) *строй* как элементарного, так и высшего научного *образования*,

5) *использование* науки а) в форме творчества в области изобретений и „техники" в самом широком смысле слова; б) в форме социального распределения благ этой техники—в области материальной и духовной, индивидуальной и социальной культуры;

6) наконец, *просвещение* народа, распространение знания в широких слоях.

12. *О содержании* науки я уже говорил. Оно не представляет собою чего-то вполне завершенного, неподвижного; напротив, оно постоянно находится в процессе пересмотра, проверки, переработки, расширения, обобщения и т. д. Даже в математике наиболее, казалось бы, незыблемо установленные положения допускают, по меньшей мере, «обобщение», т. е. начинают пониматься как частные случаи более широких и общих соотношений.

Конечно, *в каждый отдельный момент* мы признаем *условно* каждую науку за нечто относительно завершенное; но с более широкой, *исторической* точки зрения наука находится в постоянном процессе развития. «Наука» в этом мысле есть *живой процесс научного творчества и доказательства.*

Таким образом, «идеальное», строго логическое содержание науки становится *нормой* для всех процессов ее *выработки.* Отсюда вся важность для «науки», с одной стороны логико-методологических норм и правил, а с другой—всех процессов научного творчества, наблюдений, экспериментирования, проверки и т. д.

Подбор личного состава деятелей науки есть уже проблема не философско-методологическая, а *социальная.* Фактически в разные периоды истории деятели науки принадлежали в социальном отношении к различным общественным классам; в бесклассовом

обществе они будут, конечно, выходить из той единственной в таком обществе группы, которая не будет носить уже никакого «классового» характера... Декарт, Фр. Бэкон и многие другие из тех, кто формулировали те или иные частные истины, были дворяне; Гельвеций, Бентам происходили из торгово промышленной среды; Гоббз, Локк, Лейбниц—были отпрысками буржуазной интеллигенции, Спиноза, Маркс—интеллигентного пролетариата... Но всех их мы оцениваем с точки зрения «истинности» их теорий.—Как я сказал, это не мешает тому, что в известные периоды истории определенные общественные классы получают преобладающее значение в этом процессе накопления культурного капитала истин— частию в зависимости от привилегированности их положения, дающей им все возможности успешного умственного труда и все удобства для исследования проблем, частью в силу особого социологического «сродства» их классового самосознания с известными объектами и областями научных истин.

Строй научного образования—как элементарного, так и высшего, специального (организация школ, их типы, состав и характер преподавания и т. д.) определяется очень сложными моментами, из которых одни связаны с самим существом и содержанием преподаваемых наук, другие имеют социальный характер. На этом здесь останавливаться не место; но во всяком случае не только собственно социальные моменты образования, но и „школьные предметы" нельзя, как это часто делается в популярном словоупотреблении, отожествлять с понятием „науки". Это особая область социального бытия.

13. Что касается до *использования науки* в области материальной и духовной, индивидуальной и социальной культуры, то оно состоит из двух фазисов. Сначала специалисты, руководясь общественными потребностями, «изобретают» новые технические приемы, вырабатывают новую технику во всех областях деятельности, начиная с обжигания кирпичей и кончая техниками воспитания, управления, поэтического или музыкального творчества. Эта часть задачи требует работы специалистов, вооруженных всем арсеналом научного знания. Известно, напр., что в Германии, где в наибольшей мере наука использовалась для технических изобретений, некоторые заводы держали не одного-двух, а гораздо больше специалистов (напр., химиков), вся задача которых состояла в производстве научных исследований и выработке, на их основании, всякого рода усовершенствований техники...

В Германии давно знают, что в деле изобретений, прогресса техники сильная научная мысль, крепкое ядро хороших специалистов имеют огромное значение. В этом смысле „наука" есть огромного значения аккумулятор общественной энергии, и глубоко прав был, напр., А. В. Луначарский, «вполне присоединившийся к той оценке роли науки какую дала Франкфуртская газета» (см. заметку А. В. Луначарского «Наука в Германии и у нас» в «Известиях В. Ц. И. К» в первой половине авг. 1922 г.). Вот что

писала эта газета по поводу возвания новой организации «Об'единения для спасения немецкой науки к частным лицам, к германскому народу и к немцам, живущим за границей». «В отчаянной борьбе за существование, какую ведет за последние годы немецкая наука, дело идет не только о личной судьбе многочисленных заслуженных ученых,... но также о *самых важных отечественных хозяйственых нуждах*. Если наука не в состоянии будет закупать иностранной литературы, если лаборатории не смогут держаться на достаточной высоте, результаты научных исследований отстанут....*Наука начнет отмирать*, и этим будет нанесен огромный удар немецкой культуре, нашему национальному самосознанию, нашей репутации среди других народов, наконец *уничтожающий удар нашему хозяйству... Кому же не известно, что в Германии именно наука была важнейшим импульсом хозяйственного развития*».

У нас, к сожалению, не всегда так смотрят, и иногда видят «основной недостаток старой высшей школы в строго научном образовании, которое она давала, игнорируя то, что 90 проц. студентов выходили из школы не для научной, а для практической работы»(юбилейный сборник Главпрофобра Р. С.Ф.С.Р. „Профессионально-техническое образование в России в 1917—21 гг.» М. 1922, стр. 18). Здесь неправильно противоположение «строго научного образования» и «практической работы»: *сама практическая работа требует* научного образования, самостоятельного *научного мышления* и уменья научно исследовать каждый вопрос в своей специальности. И если в чем можно упрекать старые высшие школы, то не в том, что они давали «строго научное образование», а в том, что они, во-первых, выпускали *слишком мало* научно подготовленных специалистов, а во-вторых, в том, что *на наряду* с такой «строго научной» школой не был создан другой тип школ—более непосредственно прикладного характера, для обслуживания *других* функций.

Научные открытия и изобретения является плодом *высоты научной мысли в стране*, создаваемой высокой оценкой значения науки, «строго научной школой», обилием ученых исследователей и надлежащей обстановкой их работ. Наука—сила, и ее развитие не обременяет общество, а увеличивает его мощь.

Вторая сторона, „использования науки“ имеет чисто *социальную* основу: использование открытий и изобретений может совершаться либо на пользу *всех* (или огромного большинства), либо на пользу *привилегированного меньшинства*. В этом отношении до сих пор господствовала недопустимая несправедливость, и филантропы давно уже (Кампанелла, напр., еще в XVIIв.) обличали цивилизацию, при которой

„верхние 10 тысяч“ пользуются благами культуры, а остальное население погрязает в нищете, в грязи и невежестве. Социалисты также давно поставили эту проблему во главу угла жизненных реформ Унас Л. Н. Толстой резко порицал такой порядок, возлагая за него ответственность на „науку“. Но это очевидное смешение понятий: тут дело не в „науке“, как таковой, т. е. не в системе доказательных истин, а в *социальном использовании* научных изобретаний *в зависимости от условий распределения благ в классовом обществе.* И та самая медицина, которую так бичевал Толстой, как прихоть с жиру бесящихся людей, была и тогда *в возможности* стать, при иных общественных условиях, целительницей всего человечества. Использование науки в интересах немногих есть факт *социальный*, а не свойство науки, как таковой. Толстой это плохо различал.

14. Наконец, в состав популярного понятия «науки» входит и *просвещение народа*, распространение научного знания в широких слоях трудящихся. В общем это можно назвать „популяризацией“ науки. Такая популяризация может сообщать те или иные практически важные и полезные сведения; может заинтересовывать трудящихся научным знанием, расширять их умственный кругозор, повышать тон их внутренней жизни и их нравственный уровень; может благотворно отражаться и на их профессиональной работе. Качественно популяризация науки может колебаться от опошливающей серьезные проблемы „вульгаризации“ до сознательного укрепления в умах научных сведений и развития способности к более или менее самостоятельному научному мышлению (это можно назвать „демократизацией“ науки).

Особо можно поставит «социализации» науки— *приведение* научного знания в связь с основными сторонами социального бытия. О „социализации“ знания говорит А. А. Богданов в своей книжке „Социализм науки“ (М. 1918), понимая под этим термином, повидимому, *преобразование науки, как таковой*, реформу *самого научного знания* по *существу*,—

подобную той, какой подвергается в умах пролетариата политическая экономия и история, принимая вид „экономической и исторической теории марксизма“ (30). Так приходится понять не совсем ясные выражения автора. Однако, далеко не все науки могут быть реформированы при перемене классовой точки зрения (хотя автор говорит и о «пролетарской» сравнительной филологии, и о пролетарской астрономии; но тут, очевидно, недоразумение: автор имеет в виду не особые, пролетарские науки, а некоторые факты и теории в сравнительной филологии и астрономии, *психологические корни* которых, быть может, доступнее психике пролетариев, чем других классов общества). Большинство наук сохраняет традиционный состав,—что, не мешает им, конечно, теперь обогащаться (как это имело место и всегда раньше) новыми достижениями, в частности и „пролетарскими.“

Социализация, по моему мнению, должна состоять не в этом—не в какой то социальной ломке *существа* научных положений (такая ломка и невозможна, поскольку она не вызывается *логическими* моментами), а в ином: в том, чтобы все науки—*наряду* со своим методическим построением и систематическим составом—вступали своими выводами в некоторую *связь с социальной жизнью*, освещались ею. Мне такая связь представляется возможной в трех видах. Наука может *иллюстрировать трудовые* процессы: напр., весь годовой оборот сельско-хозяйственной жизни может быть изложен в связи с астрономическими данными, распределение страслей индустрии в стране—в связи с геологическими, географическими, климатологическими фактами; подобным же образом физиология может осветить процессы труда, математика—процессы измерения и т. д. Это не будет, конечно, реформой *самих наук*,—науки останутся такими, какими они были. Это будет лишь очень полезным, конечно, истолкованием жизни в свете научных данных. Во-вторых, науку с общественностью может связать фактически обоснованное *изучение истории науки, научных открытий и изобретений, их методов, борьбы за эти открытия* и т. д; такое изучение, связывая науку ближайшим образом с теми прошлыми фазисами социальной жизни, когда наука возникала и входила в общее сознание, несомненно, приближает науку и к современной общественности. Наконец, в-третьих, данные наук могут дать материал для художественного творчества во всех его видах, начиная с вдохновляемой научными перспективами лирико-

ской поэзии и кончая тем, что, быть может, можно назвать «научными мистериями», в которых в образной, театральной форме передавались бы научные проблемы, их достоверные и возможные решения, а также все те глубокие и сложные чувства, какие могут возбуждать в человеке эти проблемы. Проблемы безконечности (или конечности) Вселенной и множества миров, возникновения живых существ, механической причинности и творчества, первых ступеней культуры, различных фазисов общественного строя, смены нравственных и общественных идеалов, борьбы за науку и за человеческую личность и т. д.—все это может дать новым, прошедшим хорошую научную школу литературным талантам возможность «социализировать» науку таким, эстетическим путем. Само собой разумеется, такое эстетическое превращение науки в актуальную общественную силу нисколько не заменит ни всех процессов выработки науки с их специфическими методами, ни систематического состава науки: и то и другое должно сохраниться при всякой «социализации» знания.

15. Что научные интересы и научная работа имеют благотворное *этическое* влияние, это вещь известная. Научные занятия приучают к внутренней дисциплине, к отказу от субъективных, непроверенных взглядов и предрассудков, к критическому отношению к своим и чужим мыслям; наконец, некоторым научная работа открывает широкие перспективы, развивает в них до этого ими самими не подозревавшиеся внутренние силы, направляемые на служение общему благу в чисто-ли теоретической, или в прикладной области. Дух стремления к знанию и истине веет, где хочет, и часто создает героев мысли из самых, казалось бы, заурядных людей.

16. Таким образом, сложное социальное явление «науки» содержит в себе целый ряд сторон, или моментов, которые необходимо различать для того, чтобы выйти из господствующей в этом вопросе путаницы взглядов. Одни из этих моментов имеют характер *социальный* (классовый подбор лиц, работающих над наукой или ее применяющих к жизни; социальное использование научных открытий и изобретений; просвещение народных масс; «социализация» научного знания); другие представляют моменты техники научной работы, моменты *логико-методологические* и *философские* (выработка науки, создание,

критика и проверка научного знания,—их методы, принципы, основы; идеал систематического состава научного знания, как единого, не содержащего противоречий целого). Проблемы первого рода могут регулироваться планомерным социально-политическим воздействием общества и государства—классового или безклассового; вопросы же логико-методологические требуют еще и голоса специалистов, как таковых. Будут-ли эти специалисты выходить из пролетариата или (пока существуют классы) и из других слоев*), им в большинстве наук придется считаться с выработанным в историческом процессе капиталом научного знания. И когда трудящиеся овладеют „наукой", они получат в ней не простое пассивное отражение своих интересов, а об'ективную силу понимания и активного, планомерного регулирования жизни, силу господства над природой и освобождения человека. Но для этого им придется исполнить совет Фр. Бэкона: Homo, naturae minister et interpres, tantum facit, quantum de naturae ordine re vel mente observaverit... Natura enim non nisi parendo vincitur, т. е. „человек, слуга и толкователь природы, делает (на практике) столько, сколько он (реально или в

---

*) Некоторые писатели полагают, что одного пролетарского происхождения мало для того, чтобы специалист—ученый оставался в идейных рамках пролетарской науки и идеологии: необходимо еще, чтобы он фактически продолжал в течение всей жизни ту работу, на какую он поставлен в производстве материальных ценностей (ак. Е. А. Преображенский изображает профессора русской истории, работающего, в качестве слесаря в жел.-дор. мастерских. Не возражая против этого, как идеала в исключительных случаях можно поставить вопросы о его достижимости и о его пригодности в случаях средних. Иметь *две разнородных специальности* (а не просто работать для отдыха, интереса и т. п. в *дополнительной* к своей специальности сфере) - дело очень трудное и выходящее за пределы средних человеческих сил. В таких средних случаях дело может свестись к тому, что человек *ничего* не будет выполнять *как следует;* причем его слабость, как ученого, будет извиняться тем, что «он рабочий», а его негодность, как рабочего,—тем, что он ученый. Вообще утопические точки зрения на практике часто оказываются вредными.

В статье „Коммунисты в ВУЗах" (Известия В.Ц.И.К, 27 дек. 1923 г.) Зелинский (Бакинский) противополагает нежелательным „спецам *из* рабочих"—желательных „рабочих спецов", продолжающих свою производственную работу. По нашему мнению, то, что желательно, в совершенно достаточной мере может быть обеспечено *общими политическими условиями* и подлежащим *духом* и настроением всего общества и не нуждается в таких рискованных средствах, как распыление сил на несколько специальностей.

уме) наблюл относительно порядка природы... Ибо природа побеждается *только тем, что человек ей подчиняется* (изучая ее так, как она *есть*)". И этого элемента—*природы* (и физической, и умственной), *как она есть*, никогда нельзя забывать. Идеал науки, конечно, не пассивное отражение „производственных отношений" и не оправдание классовых интересов, а *изучение природы, как она есть.*

II. *Основные точки зрения, развиваемые в настоящем сочинении, и их отношение к другим философским направлениям.*

1. Основные точки зрения, из которых я исхожу, должны вполне выясниться лишь в результате ознакомления с настоящей работой в ее целом. Однако, я считаю полезным уже сейчас кратко их указать.

Прежде всего, та философия, которая лежит в основе излагаемых мною взглядов, есть *философия научная.*

Термин «научная философия» может употребляться в нескольких смыслах. Некоторые мыслители (в частности основатель позитивизма О. Конт) полагали, что вся философия должна *сводиться* на систематизацию данных и выводов отдельных, специальных наук, каковы математика, астрономия, физика, химия и т. д. Мнение это неосновательно, потому что, как вы увидите, философия не исчерпывается такой систематизацией научного знания,—она имеет свои особые задачи и предметы изучения.

Для других «научной» философией будет та, которая *опирается* на положения тех или иных частных наук. Некоторые полагают, что философия должна ориентироваться на механике и физике, как науках об основных формах бытия. Или же рассуждают приблизительно так: истинная философия может возникнуть лишь на почве трудовой идеологии; трудовая идеология развивается в связи с индустрией и высокой техникой труда; техника опираается на естественные науки; следовательно, истинная философия должна опираться на естественные науки. Это рассуждение также ставит вопрос в неправильную перспективу. В философию, как вы увидите, входит в самой широкой мере *методология*, в том числе и теория методов самих естественных наук. А раз это так, то не философия должна опираться на положения естественных наук, а наоборот—естественные науки должны (с *методологической* стороны) опираться на положения логики и теории научного знания.

Итак, ни сведение философии на простую сумму положений и законов отдельных наук, ни обоснование философии на какой—либо одной частной науке (или группе наук) не соответствуют надлежащему, правильному соотношению между отдельными науками, с одной стороны, и философией, с другой.

2. „Научною" будет та философия, которая, *во-первых*, будет такой же теоретической дисциплиной, как „науки" (в их основном—теоретическом типе); которая, *во-вторых*, строится теми же (в основном) методами, что и „науки"; которая, *в-третьих*, считается с положениями и выводами наук и не только не пытается противоречить им или создавать для тех или иных областей действительности особые реальные об'яснения, но берет эти научные положения за исходной пункт и об'ект своих анализов; которыя, наконец, *в-четвертых*, использует историю науки и философии как материал для общей теории научно-философского мышления.

Сущность, основное ядро науки и философии составляет *метод*. и *второю* основной мыслью настоящей работы будет *методологический подход* ко всем вопросам; все они будут ставиться и освещаться в духе *критическом* (в широком смысле этого понятия).

Наконец, большое значение будет мною придаваться вообще *историко-эволюционному* моменту, в силу которого все как излагаемые, так и защищаемыя возрения будут по возможности представляться в их динамике, в процессах их творческого создания под влиянием разнообразных жизненных условий и потребностей.

3. Что касается до наиболее распространенных у нас и пользующихся (в различных группах философски мыслящих и интересующихся философией людей) наибольшим кредитом направлений, то отношение наших воззрений к ним в общем приблизительно таково.

По адресу *русской национальной* философии мы должны заметить, что «национальный характер» есть категория относительная, формальная и историческая; в нем нет постоянного, вечного и необходимого содержания. В истории и на наших глазах непрерывно меняется содержание национальной мысли народов, и

мировыми национальными культурами, дающими наибольшие вклады в общечеловеческую культуру, являются как раз те культуры, которые не ограничеваются повторением (или хотя даже разработкой) исторических задов, а проявляют способность охватывать все новый и новый материал и создавать новые построения, новые творческие синтезы. И все, что будет кем-либо создано под действием стремления познать *истину* и что выдержит определенные процессы логической проверки, все это будет «национально»: «национальность» есть естественная *форма* освоения и творчества, действующая автоматически, бессознательно и не только не требующая нарочитого соблюдения, но и не допускающая неподчинения себе. Это нечто органическое, нечто такое, от действия чего, все равно, нельзя уйти. Поэтому ее надо умственно «вывести за скобки» и просто заняться научной работой искания истины.

4. Среди некоторой части русского общества пользуется кредитом специально *православная* (а частью вообще *религиозная*) философия. Некоторые мыслители ставят задачей своей философии «оправдать веру отцов».

Это направление русской мысли вызывает на следующие размышленоя. Задачей философии может и должно быть только познание истины и действительности, а не оправдание чьих бы то ни было верований и уверенностей. Далее, в истории мы видим, что философия у народов появляется лишь тогда, когда передовыми умами изживается стадия собственно религиозного, мифологического мышления. Философия требует свободы, она не может развиваться в атмосфере конфессиональной связанности. Кроме того, главными задачами философии являются проблемы, вовсе не входящие ни в какие конфессиональные кодексы; таковы все проблемы научно-методологические, научно-систематические и т. д. Религиозная философия игнорирует их и в силу этого проходит мимо важнейших проблем современной культуры. Вообще религиозная философия, сосредоточиваясь на проблемах, безусловно имеющих большое *эмоциональное* влияние на человеческую психику, не отдает должного логическому, рациональному моменту. Она вращается скорее в стихии поэзии, чем науки. К сожалению, далеко не всегда проводят надлежащее различие между этими областями; и одним из первых шагов отчетливой мысли должна быть установка ясной грани между поэзией и знанием, настроениями и наукой, мечтами и упованиями и доказанными фактами. Наконец, религиозных философий столько же, сколько есть религий, церквей, вероисповеданий; философия же, как и наука, имеет монистическую тенденцию,—в идеале она едина для всех людей. Она стремится объединить на своих положениях все человечество.

Религиозная философия существует у нас в двух разновидностях: в виде философии духовных лиц и учреждений и в виде философии частных, светских мыслителей религиозного склада.

Профессионально религиозная философия всегда вызывала недоверие именно в силу своей профессиональности, отсутствия в ней свободы—необходимой стихии мысли. К тому же светская и духовная власть своими насилиями над учеными духовных школ (среди которых встречались замечательные умы), с одной стороны, передко губила лучших из них, с другой—всячески дискредитировала остальных. Религиозная философия светских мыслителей мало дала для научной стороны философии, но имела влияние (напр. у Достоевского, у Толстого) на постановку интересных этико-общественных проблем. У многих же (напр., у Мережковского) она выродилась в невыносимую «схоластику».

5. Родственны религиозной философии направления *спиритуалистическое* и *бытиственное*.

Спиритуализм представляет собою один из видов метафизики, в такой же мере, как и все другие, лишенный строгой научной доказательности, представляющий собою гипотезу, быть может интересную и ценную, но научно не доказанную. Кроме того, в наше время от каждого мыслителя можно и должно требовать освещения вопросов научно методологических, которые философов спиритуалистов интересуют мало.

Не удовлетворяет нас и философия «бытийственная», также игнорирующая гносеологическую и методологическую постановку вопросов, без которой невозможно дать себе отчет в философских проблемах.

Из других направлений, наиболее у нас распространенных и имеющих кредит, *кантианство* имеет очень большие заслуги как раз в области научной методологии. Признавая ценность этого элемента, мы отрицательно относимся ко всем онтологическим попыткам правоверного кантианства, в роде «царства свободы и целей», «умопостигаемого характера», и т. п.

6. Наконец, с большинством представителей материалистического направления я расхожусь, *во-первых*, в том, что как раз выдвигаю на первый план методологию и гносеологию, которую, напр., такой признанный авторитет, как Г. В. Плеханов, считал вещью совершенно второстепенной. Г. В. заключает „предисловие автора“ к «Очеркам по истории материализма» следующими словами: «Быть может, читатели найдут, что я недостаточно подробно остановился на теории познания разбираемых в книге мыслителей... Не принадлежа к сторонникам столь модной в настоящее время теоретико-познавательной схоластики, я не имел желания подробно останавливаться на этом совершенно второстепенном вопросе». Я надеюсь, мне удастся показать, что вопрос этот и не второстепенный, и не схоластический (в порицательном смысле). Я думаю, мне при всем колоссальном социологическом значении воззрений Плеханова, в этом пункте он ошибался,—потому, конечно, что эти вопросы не стояли в центре его интересов: они были «второстепенными», но лишь для тех целей прояснения общественного сознания в области вопросов

социальных, которому отдал свои силы и жизнь этот замечательный мыслитель. Но для иных целей,—напр., для ориентирования в научном знании, как таковом, эти вопросы должны иметь самое существенное значение. Во-вторых, я не вижу *необходимой* (в логическом смысле) связи между материализмом общественым и собственно философским. Что фактически эти два воззрения очень часто соединяются в системах взглядов мыслителей, это совершенно верно; но они соединяются *не* потому, чтобы они были *логически* связаны между собою, чтобы одно обусловливалось другим, а скорее потому, что оба они обусловливаются некоторым третьим моментом,—*оба имеют некоторый общий социально-психологический корень*. Мои собственные взгляды на эти вопросы я изложу в своем месте; там же я остановлюсь и на воззрениях, о которых идет речь; обсуждение их требует предварительного отчетливого установления значений основных философских терминов.

III. *О задачах момента в области научно-философского образования.*

1. В России за последние 50 лет, несомненно, существует большой спрос на философское знание. Но он имеет, скорее, так сказать, учебный, школьный характер. Выходит много пособий по философским наукам; эти пособия изучаются молодыми поколениями. Но самостоятельная научная работа в этой области оставляет желать многого. У нас слишком мало научных работников в этой области; и хотя мы имеем некоторое число оригинальных исследователей, однако, наша продуктивность в этой области далеко ниже наших успехов в большинстве других отраслей науки (особенно в некоторых естественных науках—в физике, химии, географии и др., а также в истории и социологии).

Причина этого—конечно, не недостаток в стране талантов,—обнаруживаются же они в большом количестве в других областях, а неблагоприятные внешние условия.

Философское знание заявляет большие претензии,—большие, чем другие науки. Оно требует для себя права решать вопросы о том, что такое знание и наука, нравственность и искусство, религия и общественность; оно указывает каждой из этих сфер пределы ее компетенции, обсуждает их методы, права на обоснованность и общезначимость, и т. д. Поэтому оно, *с одной* стороны, есть знание *наиболее ответственное*; а с другой—требует наибольшего простора и *свободы* для достойного отправления своего высокого назначения.

Между тем, в России философия, начавшая прививаться слабыми ростками только с конца XVIII в. (Сковорода), дальше жила, в сущности говоря, «от погрома до погрома». И едва она успевала оправиться от одного гонения, как уже в ее двери стучалось новое.

2. В Италии, Франции и Англии самостоятельная философская мысль зачатками восходит еще в IX век (Иоанн Скот Эриугена). Она там развивается и созревает медленным и долгим путем переработки средневекового варварства. Если даже выкинуть из философии *все средневековье* (что далеко не правильно, как мы увидим ниже), то и тогда надо считать победу (светской) философии, по меньшей мере, с половины XVII века (Галилей, Фр. Бэкон, Декарт и др.) И даже в Германии, отставшей от передовых стран, освобождение философской мысли от теологии и схоластики восходит, по меньшей мере, к половине XVIII в. (эра приблизительно 1740 г.—воцарение Фридриха II в Пруссии и начало торжества философии Хр. Вольфа).

В России первые же слабые ростки философской науки были разгромлены в 20-х годах XIX в. псевдо-мистической, „полицейско-охранительной" реакцией кн. Голицина, Рунича, Магницкого и их сподвижников. Едва-едва отдышавшись, потеряв самодовлеющее значение и научные позиции, из которых могло вырости самостоятельное исследование проблем, обреченная на усвоение немецких философских теорий, применявшихся преимущественно к общественным вопросам, философия, как таковая, в 40-х годах XIX в, когда у нас так быстро расцветала историческая наука и готовился подъем естествознания, играла довольно жалкую роль. Но и эти зародыши ее были вновь убиты запрещением в 1850 г. преподавания ее в университетах «в виду предосудительного направления, приданного этой науке некоторыми современными мыслителями» (разумелись левые гегелианцы), как было сказано в высочайшем повелении. Оставлены были в университетах только элементарная логика и «опытная психология»—с поручением преподавания этих наук священникам университетских церквей*).

---

*) Мартиролог русской философии смотри в интересной статье проф. А. И. Введенского «Судьбы философии в России» (сначала в журнале «Вопросы философии и психологии» и отдельной брошюрой, а затем в сборнике статей проф. Введенского), а также в талантливо написанной книге проф Г. Г. Шпета «Очерк развития русской философии», первая часть которого вышла в 1922 г., и в сочинениях по истории университетов, где изложены перипетии «суда» над профессорами за высказывавшиеся ими научно-философские взгляды.

Повторные погромы философии университетской и давление на нее властей заставили русское общество, запросы которого на философское знание все росли, искать им удовлетворения у представителей общественно-политической мысли, группировавшихся около журналистики. Когда частию совсем замолкло или исказилось, частию было дискредитировано печатью официальной „благонадежности" слово университетских кафедр, философская гегемония перешла к таким писателям, как Герцен, Чернышевский, Лавров, Михайловский и др *Общественное* влияние этой философии было очень велико и благотворно; недостатком ее было то, что она разрабатывала только те из философских проблем, которые могли иметь применение в общественно-политической области Она не ставила всех вопросов философии в ее целом, она использовала лишь некоторые *выводы* некоторых направлений философии в их применении к общественным проблемам; она

Когда в 1860 г. задумали, наконец, восстановить в университетах преподавание философии, в России уже не оказалось достаточного числа подготовленных людей для занятия кафедр. Постепенно, с помощью заграничных командировок и мобилизации немногих имевшихся сил, ко второй половине 60-х годов в большинстве университетов кафедры философии были, наконец, замещены. Но и этим немногим пионерам пришлось опять начинать все с начала,—тем более, что с наступлением политической реакции в 1866 г. философия опять подпала под особое внимание властей.

В 1884 г. реакция вновь обрушилась на университеты в виде университетского устава этого года, согласно которому весь обязательный курс философии должен был ограничиваться произведениями Платона и Аристотеля. Таким образом, первое время после введения этого устава даже логика и психология читались на правах «необязательных» курсов; история же новой философии и специальные философские дисциплины (методология наук, гносеология, этика, эстетика и др.) стали регулярно читаться лишь через несколько лет, в частности после того, как кадры университетских преподавателей начали после 1890 г. быстро расширяться обильным притоком новых сил—«приват-доцентов» (институт этот был введен уставом 1884 г. и составлял почти единственный пункт его, оказавшийся благотворным для русской науки).

3. Тем не менее, и это относительное богатство философских сил в университетах не могло быстро поднять русскую философию на должную высоту. С одной стороны, неблагоприятное влияние оказывала отрозненность философии от большинства отделов собственно научного знания. В этом отношении немецкой философии оказывают громадные услуги сохранившиеся в Германии „философские“ факультеты, об'единяющие в себе все науки математические, естественные, словесные, исторические и даже экономические. Поэтому в Германии „философы“ выходят из математиков, физиков, врачей и т. д., и это благотворно отзывается на философии, делая ее научной. У нас же „философы“ владеют по большей части лишь литературно-словесной, в лучшем случае исторической подготовкой. С другой стороны, у нас все еще недостаточно ценят строгую и деловитую *философию, как таковую*, как совокупность дисциплин, имеющих свои собственные, *совершенно научные* задачи,—слишком ищут в философии

не была школой самостоятельного, независимого теоретического изучения *философских проблем, как таковых*, во всей их сложности, и в их полном объеме. Она не создавала и не хотела создавать ни истории философии, ни логики, ни гносеологии, психологии и других философских дисциплин, как систематических наук, помимо общественного применения части их положений. Поэтому *философии, как систематической науки, и это влиятельное движение мысли не создало.*

удовлетворения эмоциональных запросов, настроений, что превращает философию из науки в смесь поэзии с пророческими вещаниями.

Сейчас философия переживает у нас новый кризис. Хотелось бы думать, что она выйдет из него преобразованной и возрожденной; хотелось бы видеть, наконец, торжество не прикладной (к религиозным или политическим настроениям), а подлинной, *независимой*, теоретической философии.

Во всяком случае я позволяю себе выразить глубокую уверенность в том, что именно в этом направлении, в признании прав и великой ценности «научной» философии заключается ближайшая в этой области задача трудящихся всех племен и народов, объединяемых в настоящее время Союзом Советских Соц. республик.

И оказать своими скромными силами помощь этой великой культурной задаче является одной из надежд, одушевлявших меня при составлении настоящей книги. И да позволено мне будет надеяться на то, что эта надежда моя осуществится.

4. В этом отношении я могу, как кажется, опереться на такие голоса, как, напр., А. В. Луначарского, наркомпроса Р.С.Ф.С.Р. (см., напр., его статью «Еще к вопросу о культуре» в «Правде» в первых числах ноября 1922 г. и многие другие заявления) и Н. Крупской. Последняя (в «Правде» от 8 окт. 1922 г.) так формулирует задачи „пролетарской" науки в ее отношении к науке «буржуазной»: «пролетарская наука берет из буржуазной *доказанные*, *положительные части науки*». А таковыми *я* считаю: 1) науки математические, 2) естественные, 3) весь *фактический* материал наук словесных и исторических (освещение и истолкование его—дело другое), 4) науки философские в их методологическом обосновании и построении, так как *сами науки математические*, *естественные* и *исторические опираются на научно-философский анализ методологических проблем, без выяснения* которых непонятна сама «научность» науки.

Конечно, в отдельных пунктах возможны разногласия, в зависимости от весьма различных условий. Но исходные мотивы тех писателей, на которых я только что ссылался, я вполне принимаю. И думаю, что одной из ближайших задач трудящихся российского государства должно быть именно усвоение культурной традиции в ее научном истолковании.

ТОМ ПЕРВЫЙ

ГЛАВА I.

Культурные системы.

1. Необходимой основой жизни человечества является *труд*, т. е. сознательное, целесообразное и планомерное напряжение физических и психических сил для достижения тех или других полезных целей.

Труд может—а) либо непосредственно производить те или иные полезные об'екты—„ценности" (как материальные, так и духовные) или оказывать „услуги" (напр., труд врача или работника транспорта, не создающий прямо полезных «об'ектов , а лишь координирующий, или изменяющий соотношения между существующими предметами), б) либо непосредственно ценностей не производить и услуг не оказывать, а изменять, совершенствовать в том или ином отношении самого трудящегося человека. Таков всякий труд над усвоением знаний, всякая работа над самим собой, над самовоспитанием и самообразованием во всех их отраслях, всякое образовательное художественное наслаждение—восприятие произведений искуства, чтение поэтической литературы, посещение театральных зрелищ и разного рода общественных собраний и т. д.

Труд, непосредственно производящий ценности и оказывающий услуги, обычно делят на труд физический, или мускульный, и умственный. Деление это имеет лишь относительное значение: в строгом смысле *всякий* труд имеет двусторонний, психофизический или физико-психический характер. В том, что обычно называется „физическим» трудом, есть масса ум-

ственных, психических элементов: акты внимания, разнообразные трудовые приспособления для наилучшего, точного и акуратного выполнения работы, всякого рода комбинации сил как собственного организма трудящегося, так и машин, инструментов и орудий. придумываемых и вырабатываемых человеком,—все это, несомненно, психические явления, а не просто физические факты. Точно так же и в составе «умственного» труда немало физических (подговительных и т. п.) элементов, не говоря уже о том, что каждый умственный процес сам имеет свой материальный коррелят. Поэтому правильнее труд производительный делить на труд, производящий материальные ценности, и труд, производящий ценности нематериальные (умственные).

Трудовое напряжение сил в значительной мере входит и в те жизненные процессы, совокупность которых мы называем *отдыхом*, восстановлением сил и т. п. Сюда относится не только более легкий труд, связанный с потреблением материальных благ и использованием материальных ценностей, но и всякого рода труд, поскольку он дает отдых утомленному организму переменой сферы работы, отвлечением внимания в другую психическую область, менее утомленную, и т. д. Таков труд, связанный со спортом, путешествиями, а также смена физического труда умственным и обратно. Наконец, такое же напряжение сил входит (и иногда в значительной мере) и в *игру*, *развлечения* и *удовольствия*, которые вследствие этого иногда утомляют человека не менее, чем его обычная, профессиональная работа.

2. Труд создает *культуру*. Слово «культура» (от латинского корня *col*, или *cul*) значит первоначально *обработка*, или разработка. Культурой мы называем и совокупность трудовых процессов по обработке или усовершенствованию чего бы то ни было, и результаты таких процессов—само усовершенствованное состояние об'ектов культивирующего труда. Мы говорим о культуре полей, растений и животных, о культуре тела и духа, об эстетической культуре и т. д.

Культура человека и его психики образуется, с одной стороны, из *естественно* накопляющихся *отложений его трудовой жизни* в форме присоблений, навыков, привычек, с другой—составляет об'ект планомерной работы над „воспитанием" человека (в самом широком смысле).

Если взять культуру не с ее генетической (или исторической) стороны, не с точки зрения ее происхождения, а *феноменологически*, т. е. как подлежащее уяснению, описанию, расчленению, отграничению явление («феномен»), как известное «содержание» или «предмет» мысли, то в составе ее можно выделить несколько основных сфер или областей, между которыми и распределится все содержание жизни и деятельности человека—все его восприятия и мысли, воспоминания и построения, все его чувства и настроения, желания, акты воли и действия. Некоторые из этих областей культуры более или менее общепризнаны,—вы найдете их в учебниках; таковы наука и искуство, религия, нравственность, философия. Немецкие мыслители называют их иногда „культурными ценностями», наш соотечественник Е. В. де-Роберти употреблял для них термин „факторы культуры". Нам оба эти термина кажутся не совсем удачными, и мы предпочитаем называть их «культурными системами», областями, или сферами культуры. Каждая из этих областей культуры имеет свое особое содержание, коренится в особых сторонах человеческой природы, развивается по свойственным ей законам, имеет свои критерии положительного и отрицательного,—словом, представляет собою область, принципиально отличную от других сфер культуры, хотя и стоящую со всеми ими в теснейшем взаимодействии. На это их взаимодействие в значительной мере сводится развитие, усложнение и усовершенствование каждой из них. Развитие каждой начинается с элементарных, грубых, близких к зоологическим, проявлений и постепенно доходит до все более тонких, усложненных, дифференцированных и богатых содержанием форм:

каждая имеет свою лествицу эволюционирующих ступеней.

3. Мы насчитываем всего *девять* таких культурных систем.

Первою мы ставим сферу *личных* (*эгоистических*) *интересов* суб'екта. Эта сфера в эволюционно-биологическом порядке, несомненно, основная и первичная; она тесно связана с инстинктом самосохранения во всех его формах и разновидностях и оберегает физическое бытие и благополучие человека. В нее входят аппетиты, т. е. естественные периодические потребности организма, ощущения пяти внешних чувств, а также чувств органических, многие инстинкты, представления и мысли, чувства и настроения, желания и действия, связанные с удовлетворением потребностей повседневной жизни. Термин „интерес" (латинское interest—то, что важно, имеет значение) употребляется также и в широком смысле, включающем „высшие" иатересы; в этом смысле говорят об интересах эстетических, научных, об интересах духовного развития и т. п. Мы употребляем здесь этот термин в более узком смысле: а) всé, что относится к удовлетворению потребностей в пище, питье и отдыхе, одежде и жилище, к поддержанию чистоты и здоровья, возможно лучшей гигиенической обстановки труда, а также б) все производственные деятельности человека, направленные на добывание и выработку нужных для этих целей продуктов, и в) все отношения, в какие люди вступают между собою, занимаясь этими производственными деятельностями, поскольку сами эти отношения, в свою очередь, строятся на личных интересах в указанном выше смысле. Начинаясь с несопровождающихся сознанием, чисто зоологических форм, сфера эта эволюционирует постепенно к все более тонким, сложным, сознательным („одухотворенным"): от дикой „войны всех против всех" человеческая деятельность в сфере производства мало-по-малу переходит к мирному трудовому сотрудничеству людей, от чисто военных методов действия к свободно трудовым.

Близкий к животным, зоологически дикий человек считает возможным добывать нужные ему продукты природы и человеческого труда насилием и хитростью, грабежом и убийством; на высших ступенях культуры торжествует *трудовой принцип*—использования того, что создано своим собственным трудом. Равным образом и в способах потребления происходит эволюция от не-экономных, неряшливых, хищнических приемов ко все более целесообразным и экономичным. На высших ступенях развития тут складываются так наз. „прочные блага", или „постоянные цели" индивидуальной сферы, каковы, напр., сохранение жизни, здоровье, обилие жизненных сил, общая бодрость и жизнерадостность настроения, количество эквивалентов общественного труда, приходящееся на долю индивида (напр., денег) и т. д. Будучи первичной, являясь поэтому „базисом" остальных, сфера эта имеет, с известной стороны, определяющее значение по отношению к остальным, являясь их необходимым условием, или предпосылкой. Мало того, что она занимает такое положение *по существу*,*)—она является еще, так сказать, материальным эквивалентом той меры многих *общественных актов, относящихся к другим культурным системам, в какой в них принимает участие отдельный индивидуум.* система эта определяет для каждого лица степень возможного для него участия в деятельностях научной, художественной и др. Основными критериями в этой сфере являются понятия „жизненно необходимого", а также полезного, выгодного, удобного, приятного, благотворного в данном отношении, затем экономичного, дающего максимум полезного результата и т. д. Осложняясь и обогащаясь содержанием других культурных систем, сфера личных интересов начинает охватывать *все содержание личности*,—элементарный эгоизм превращается постепенно в принцип *личности, как живого аген-*

*) Т. е. поскольку материальное бытие человека обусловливает возможность психической жизни.

та и носителя всей культуры; в сферу „личного“ начинает входить все культурное богатство, поскольку все оно становится неотделимой функцией именно данной *личности*, поскольку оно в ней укореняется, делается ее органической составной частью.

4. *Второю* мы поставим сферу *интересов альтруистических*—интересов *других* людей (и отчасти животных), воспроизводимых деятелем в силу *симпатии*, сочувственного переживания их состояний. Это сфера по структуре своей более высокая и более сложная, чем сфера интересов личных, сознание *существа* которых она предполагает; она распространяет все эти интересы *на других суб'ектов* и тем радикально изменяет *форму* самого переживания и его значение в строе жизни. Альтруистические интересы охватывают целый ряд расширяющихся кругов личностей, начиная с наиболее тесного—семьи—и достигая (через группы племенные и национальные, местные и коммунальные, профессиональные и классовые, вероисповедные и государственные) наиболее широкого целого—человечества. С эволюционной точки зрения, альтруистические интересы заключены уже в том самом факте, что человек (как и животное) родится в обществе и нуждается хотя бы в некотором уходе матери (при чем наиболее первичным обществом надо считать не семью в современном смысле, а стадо, орду). Интересы эти, расширяя содержание жизни личности, могут часто вступать в конфликт с интересами эгоистическими и побеждать их—вплоть до крайних форм самопожертвования и самоотречения.

5. *Третья* культурная система, имеющая дело на первом плане (как и первые две) с мотивами человеческих действий, это система *этическая*. Отмечу сейчас же, что я употребляю этот термин в *узком* смысле. Часто в сферу „этики“ вводят *все поведение человека*. Я считаю более правильным всю деятельность человека в ее целом обозначать именно этим последним термином—„поведение“. Поведение же складывается под влиянием мотивов эгоисти-

ческих, альтруистических и „принципиальных“ (этических).

Этическая система *по существу* сводится на интересы—преимущественно альтруистические, но отличается от первых двух систем *формой*, в которой переживаются относящиеся к ней состояния сознания. «Этика» предполагает действование по *принципам*, по известным правилам, которыми действующий считает нужным регулировать свои действия, которые он ставит себе «нормами». *Содержание этих норм изменчиво*; оно меняется из страны в страну, из эпохи в эпоху, отражая весьма сложные общественные моменты. Это хорошо понимал еще в XVI веке Монтэнь, говоривший, что часто по одну сторону реки добродетелью считается то, что оказывается пороком на другом берегу; на этой теме в XVII в. построил Локк свое опровержение врожденных принципов морали (в I кн. „Опыта“). И тем не менее, характерная для этики форма *принципа*, *нормы* этим не уничтожается: только содержание этих принципов и норм получает, с об'ективной, научной точки зрения, всего лишь условное, относительное, преходящее значение (чем бы они ни были с точки зрения самого суб'екта). Эта „форма“ принципа имеет важное значение, является полезным биологическим приспособлением. Для деятельности часто крайне неудобно и трудно бывает высчитывать возможные отражения того или другого отдельного действия на интересах самого действующего и других людей. И вот, общие принципы, формулируемые суб'ектом в виде „велений долга“,—того, чего требует „совесть“ и т. д., являются правилами, которые оказываются пригодными в значительном *большинстве случаев* („не лги“,—хотя, чтобы скрыть человека, которого сумашедший хочет задушить, столь же *обязательно* солгать). Для „этической“ сферы характерна эта форма общего положения: в ней мотивация действия отрывается от соображений данного внешнего момента и начинает определяться моментом внутренним, обобщающим, *идеализационным*. Конечно, эта постановка принци-

пов и содержание последних отнюдь не отрываются от связей с реальными жизненными нуждами и запросами; но эти последние, проходя *через сознание человека*, начинают определяться общим строем всей его личности, учетом самых разнообразных моментов, выходящих за пределы данного, отдельного случая. Поэтому «этика», собственно говоря, может быть делом только личным, индивидуальным. Элемент самоопределения, присущий действиям этическим, отличает их от действий, подлежащих регулированию нормами права. Подчиняясь требованиям права, человек остается в пределах сознаваемых им своих интересов: для него полезно, выгодно, приятно и т. д. не навлечь на себя кары, установленной за нарушение закона. Но если у человека появляется тяжелое чувство после того, как он совершил из злостных намерений поступок, не наказуемый законом и оставшийся никому не известным, то это будет фактом из области этической, потому что тут поступок затрагивает не „интересы" человека (этим интересам он может вполне отвечать), а его душевный мир, стройность и внутреннее согласие его психики, т.-е. моменты идеологические. Идеологический момент самоопределения при этических поступках сказывается также и в том, что требования этические (в противоположность нормам права, как это хорошо выяснено проф. Л. И. Петражицким) не бывают *распределены*, т. е. не бывает указано, *по отношению к* кому должно быть выполнено то или другое действие,—это устанавливает сам деятель. Основными понятиями этической области являются понятия «добра» и „зла", „нравственно хорошего" и „нравственно дурного", „должного" и „недолжного" и т. п. Происхождение этих понятий различно об'ясняется мыслителями; несомненно одно,—что в их развитии играют большую роль „идеологические" моменты (напр., предвосхищение возможных наказаний и осуждений, наград и похвал за различные поступки, —„перенесение" внутрь общественной оценки действий, как на это указывал еще в XVII в. Гоббз, а

также многое другое в том же роде). Этическая сфера также подлежит постепенному развитию: в связи с общей эволюцией идеализационных функций человека, она заканчивается вполне развитыми и постепенно входящими в плоть и кровь человека принципами—тем, что называют (Г. Спенсер) „органической нравственностью".

Перечисленные три культурных системы охватывают, в своей совокупности, все поведение человека. Из разнообразных комбинаций непосредственно сознаваемых интересов (эгоистических и альтруистических) и «принципиальных» (этических) формулировок и нормативных обобщений этих интересов слагается система мотивов человеческого поведения, как оно формируется в общественной обстановке, причем основные группы мотивов вступают в различные отношения в зависимости от условий общественного момента, переплетаются, одни для других служат средствами и т. д. В силу этого и конкретные нормы поведения, как целого, также не остаются неподвижными, а всегда живут и меняются, постоянно обновляя общественность со стороны ее психологической динамики.

6. После этих трех культурных систем, в которых центральное место занимают мотивы поведения, мы переходим к другим (также трем) в известных отношениях внутренно родственным между собою культурным системам, в которых такое центральное место принадлежит чувствованиям (или эмоциям) и „эмоциональному" мышлению и творчеству. Это эмоциональное мышление сильно отличается от мышления „познавательного", имеющего задачей *познание*. Эмоциональное мышление можно назвать „мышлением выразительным", потому что оно выражает в образах и в понятиях чувства, настроения, интуиции человека, подчиняется не требованиям логики, обоснования и доказательства, а своим особым, мало еще изученным законам. Соответственно этому и значение и ценность этого мышления совсем другие: оно не в праве претендовать на *познавательное*

значение; его методология совсем иная: оно не в состоянии охватить „действительность“ так, как это делает наука,—оно дает лишь творческие человеческие документы, в которых может отражаться, конечно, вся жизнь, которые могут быть интересны, поучительны, могут иметь воспитательное значение, (могут и не иметь его). Это „выразительное“ мышление имеет две главных разновидности: художественную, или поэтическую и религиозную.

В близкой связи с поэтическими настроениями и поэтическим мышлением стоит первая из этих трех систем (*четвертая* в общем порядке), обнимающая те чувствования и настроения, а также вызываемые ими мысли и действия, которые вызываются отношениями человека к окружающей его природе и обществу и обратным влиянием на него природы и социальной обстановки и самооценкой, самочувствием и самосознанием человека в связи с этой окружающей его *реальной* жизнью. Обычно эту область не выделяют в особую категорию; но она вполне этого заслуживает в виду ее особой важности для человека. Ум, при всей его огромной жизненной важности, имеет для человека все же, прежде всего, служебное значение: в своей внутренней основе, в интимном ядре своей личности человек живет преимущественно чувствами и настроениями. Его эмоциональное самочувствие окрашивает для него все остальные переживания, служит для них как бы общим фоном .В поисках за подходящим названием для обозначения этой сферы я остановился в конце концов на термине „жизненная лирика“—по аналогии с той областью поэзии, содержанием которой являются чувствования и настроения. Особенно важное значение в этой „жизненной лирике“ имеют две пары контрастирующих групп эмоций, могущественно влияющих на самочувствие человека, придающих его жизни красоту и ценность или лишающие их. Это, с одной стороны, самооценочные чувства *силы*, власти, гордости, повышенного самосознания и т. д., соприкасающиеся в области внешней оценки с коррелятивным

им чувством *гнева*; с другой (самооценочные же) чувства *слабости*, безсилия, униженности, подавленности, забитости—с коррелятивным им чувством *страха*. Такова первая пара противоположных эмоций. Вторую пару составляют все многообразнейшие формы и оттенки могучих чувств *любви*, нежности, привязанности, обожания, благоговения и т. д. и противоположных им—отвращения, ненависти, презрения и злобы.

Все эти эмоции и вызываемые ими умственные проявления и действия подлежат культуре; все они могут эволюционировать от самых грубых проявлений дикой силы, тупого самодовольства, низменной, животной любви, жалкой забитости—до самых тонких, красивых и благородных форм чувства собственного достоинства, глубокой и горячей любви, пробуждающей в человеке все лучшее, все таящиеся в нем силы и восможности, творящей в нем новые чувства и мысли, внутренно преобразующей все его существо, —до отражающих глубокую внутреннюю культуру скромности и уважения к другим людям, признания их достоинств. Не всегда понимают, что вся эта область психики есть также одна из „культурных систем", подлежащая, наравне с другими, обработке и совершенствованию, и что можно и должно культивировать чувства самооценки, а также „учиться любить", что необходима сознательная работа в этой тонкой и интимной сфере культуры.

7. Вслед за «жизненной лирикой» мы поставим *искусство*, которое мы можем, с достаточной для нашей пропедевтической цели точностью, определить как руководимую вдохновением творческую деятельность человека (и совокупность продуктов ее), выражающую состояния человеческой психики (а через них и всякое другое содержание) в чувственных восприятиях, образах и идеях, удовлетворяющих особого рода безкорыстным чувствованиям, обозначаемым общим термином „эстетических", и вызывающую художественное наслаждение и особого рода духовный под'ем. Искусство по содержанию не ограничено ка-

кой-либо особой, специальной областью жизни,—оно может иметь предметом решительно все; оно является поэтому особого рода универсальным „языком" человеческой психики. Безкорыстность, незаинтересованность эстетических чувствований состоит в том, что они оказывают свое благотворное действие на психику не через какие-либо соображения пользы, выгоды и т п., а через простой факт освобождения ими творческих сил человека, через тот общий под'ем, каким они сопровождаются.

Принципиально область искусства мы всегда отчетливо отграничиваем от той „реальной" жизни, в которой действует жизненная лирика (хотя, с точки зрения содержания, многие элементы жизненной лирики близко сродни искусству). В искусстве мы имеем дело с продуктами творческого воображения и ясно сознаем это, и всякая подмена эстетических чувствований реальностями жизненной лирики немедленно разрушает эстетическое отношение к об'екту. Этот элемент „не-реальности" не мешает, однако, как содержанию произведений искусства, так и их художественной форме могущественно влиять на психику, обогащая ее, создавая в ней новые отношения к предметам.

В прежнее время говорили, что предмет искусства—«красота». Однако, понятие красоты, прежде всего, неопределенно и сбивчиво, а затем слишком узко для обозначения области искусства. В искусство может входить и некрасивое, безобразное, ужасное и отвратительное, раз все это *выражает* интересные содержания психики художника и представлено им в эстетических формах и образах. К эстетическим чувствованиям относятся чувства красивого, прекрасного, возвышенного, трогательного, потрясающего, трагического, изящного, смешного и др., поскольку они возбуждаются произведениями воображения.*) Все эти чувствования проявляются в одной форме в психике творящего художника и в несколько иной—у воспринимающего зрителя, слушателя, читателя. Сущность творческого процесса глубоко коренится в подсознательной основе человеческой личности: произведения искусства зарождаются и зреют там, подчиняя себе наконец—на известной сту-

*) А также природой, поскольку человек вкладывает в нее свои чувства и образы своего воображения.

пени зрелости—сознание, по большей части под влиянием произвольного стремления человека дать им внешнее выражение.

В зависимости от рода внешних воплощений творчества искусства делят на действующие через зрительные органы и действующие через слух. В известном смысле, вероятно, возможны и искусства, действующие через остальные системы телесных восприятий (осязательную, обонятельную, вкусовую, двигательную, органическую), и быть может, мы в праве говорить по поводу особенно удавшейся горной прогулки или особенно счастливого настроения, вызываемого солнечным светом, морским воздухом и покоем в их влиянии на организм—говорить о своего рода поэзии движений и органических ощущений.

С другой точки зрения искусства делят на изобразительные (живопись, скульптура) и построительные (музыка, архитектура); поэзия и мимика стоят между этими двумя классами.

Наконец, среди искусств можно выделить искусства «пространственные», допускающие восприятие произведения в один момент времени (живопись, скульптура, архитектура) и «временные» (музыка, поэзия, мимика с танцем).

Особое место занимает театр—синтез всех искусств в котором общее впечатление достигается их одновременным, совокупным действием *)

Будучи выражением психики художника, искусство—через эту психику—получает и реальное содержание. Оно может и просто воспроизводить реальную жизнь (конечно, сгущая, концентрируя ее содержание, придавая ему особенно характерные черты); может и преобразовывать эту жизнь, изображать ее в идеализированном виде; может, наконец, давать чистые продукты воображения, образы фантастические, лишь *вызываемые* жизнью, но ее не воспроизводящие (эти два случая надо строго различать) —лишь бы все эти образы удовлетворяли эстетически требованиям. При равных прочих условиях произведение искусства тем значитель-

---

*) Для театральных представлений необходимо именно *совместное* действие всех входящих в его состав элементов: выражаемого словами (разговором, монологами) содержания, действий и мимики участников, музыки, декораций, изображающих внешнюю обстановку, и т. д. Каждый из этих элементов должен что-либо вносить от себя, —ни в одном из них не должно быть «пустых мест», «провалов» ничего не вносящих в пьесу. Нарушением этого требования об'ясняется, кстати сказать, неудача некоторых попыток символического театра—тех пьес, где все содержание высказывается какой-либо (может быть, даже интересной) сентенцией, а остальные театральные средства в это время либо бездействуют, либо назойливо *повторяют* эту сентенцию в виде буквальной ее иллюстрации (таких мест не мало, напр., в Балаганчике Блока более интересном в чтении, чем на сцене). По нашему убеждению, театр в основе вообще реалистичен; в нем все должно жить самостоятельной (но конечно, согласованной) жизнью, и успех такой пьесы, как „Синяя птица» Метерлинка об'ясняется обилием реальных подробностей, какими обставлена символистическая фабула.

нее, тем выше, чем важнее для жизни и ее понимания, чем глубже выражаемое им содержание.

Хотя произведение искусства и вытекает из эстетических и иных эмоций его творца и заканчивается эмоциями и настроениями воспринимающего, но в его создании играют очень большую роль и процессы мышления. Только это мышление имеет, как мы говорили, не познавательный, а *выразительный* характер: оно имеет задачей не (дискурсивное) исследование проблем, а выражение в эстетических образах и символах уже сложившихся (все равно, из научных изучений или же интуитивно) представлений о жизни, творчески преображающих пережитое, продуманное, выстраданное жизненное содержание.

В искусстве творчество человека особенно свободно,—оно свободнее, чем в науке. В искусстве гораздо меньше того сдерживающего полет воображения момента, каким в науке является постоянно ей присущий и ее регулирующий критерий «истины». Отсюда возможность претендовать на звание «произведений искусства» таким творениям, в которых нелепость содержания и развязность формы равняются только смелости и крайнему суб'ективизму их авторов. Такое искусство, несомненно, надо признать вредным с общественной точки зрения. Настоящее, здоровое и большое искусство живет всеми великими вопросами как специально своей эпохи, так общими всем векам проблемами жизни, как целого («быть иль не быть»), любви и смерти, достижимости или тщеты идеалов, связи с прошедшими и грядущими поколениями, назначения человека и его зависимости от великого космоса и т. д.

Наряду с возможностью аберраций и отклонений от нормы присущая искусству свобода дает особый простор для развития сил человека. Поэтому там, где действительно любят и ценят искусство, человеческая личность жива и не может быть задавлена никаким внешним гнетом. И не может быть великого народа и великой мировой культуры без глубокого и значительного, «великого» искусства.

8. Последнею из трех коренящихся в чувствованиях культурных систем (*шестою* в общем порядке) мы ставим сферу *религиозную*. С этой областью мы имеем дело почти исключительно в виде организованных «религий"—крайне сложных психологических и общественных образований, возникших путем долгого исторического процесса. В былое время эти установленные, „положительные" религии претендовали на авторитарное руководство мышлением и жизнью человечества, и лишь тяжелой борьбой и кровью многих крупных и сильных личностей удалось мало-по-малу изменить прежнее отношение между

философией (и вообще наукой) и богословием, выражавшееся в известной формуле «философия служанка богословия» (philosophia ancilla theologiae), и заставить прежнюю госпожу подчиниться оценке со стороны научной философии. И только при такой независимости от всякой вероисповедной доктрины возможно научное изучение явлений религиозной области.

В настоящее время идет упорная борьба против религии вообще в двух направлениях, с двух сторон: со стороны притязаний религиозных учений и положений (или догматов) на *истинность* и со стороны *классового* характера церкви, как организации, поддерживающей интересы господствующих классов.

Однако, как то, так и другое—как догматы, так и церковь—являются в религии, как целом, образованиями производными; а потому, хотя в общественной жизни, быть может, чаще всего приходится иметь дело с этими именно сторонами религии, однако *исходного пункта* ее надо искать в другом. Таким исходным пунктом, центральным зерном всей религиозной сферы являются, несомненно, *чувствования*,—известный класс их, о котором мы скажем ниже. Поэтому сфера религиозная родственна сферам искусства» и „жизненной лирики": все эти три системы коренятся в эмоциях; во всех мышление имеет не познавательный, а выразительный характер; все могут глубоко и интимно (положительно или отрицательно) захватывать человека; все стоят в тесной связи друг с другом... Так в религии постоянно ощущается присутствие чувств из области «жизненной лирики»: под'ем самочувствия или, наоборот, упадок духа и самоуничижение, горе и страх, надежда и радость, любовь и благоговение, половое чувство, часто выступающее даже на первый план, и т. д. И с другой стороны, вся религиозная область, можно сказать, пропитана элементами искусства: основные религиозные представления почти неотделимы от поэтических произведений; в культе, как и в театральных представлениях, участвуют поэзия и музыка, мимика

и танец, живопись и скульптура, архитектура и декоративное искусство, благоухания и др. эстетические моменты.

Существенное различие между этими тремя областями сводится в корне к тому, что в «жизненной лирике» чувствования направлены на окружающую человека *реальную* жизнь и на те отношения, в каких он находится к этой жизни, к людям и самому себе (в актах самооценки); в искусстве чувствования имеют об'ектом создания творческого *воображения*; в религиозной сфере они бывают направлены, хотя и на *реальный* предмет, однако, такой, который во всей его полноте познанию не доступен, а потому и допускает в наибольшей степени построение его при помощи образов фантазии. Таким об'ектом в религиозных переживаниях является *мир* (вселенная, универс) и его части или силы (всеобщие или же частные, местные и временные) и отношения между этими творимыми воображением человека созданиями, с одной стороны, и им самим—с другой. Зависимость человека от окружающего его безпредельного мира глубока и всеоб'емлюцца: человек, особенно первобытный, слабое и безпомощное создание этого мира. Однако, с другой стороны, человек обладает сознанием, умом, способностью творчества... Деятельностью этих сил своей природы он выходит из подавленного состояния, рисуя себе мир в образах существ, могущих ему сочувствовать, ему близких, благожелательных .. Страх и слабость, с одной стороны, и надежда, идеализация, вера, ощущение твердой почвы и силы—с другой,—таковы полюсы религиозного сознания с его основной, эмоциональной стороны.

9. Теорий, об'ясняющих происхождение и основное содержание религиозного сознания и религии, очень много; но большинство их об'ясняют отдельные стороны или частные случаи и не охватывают всей проблемы в ее общей форме. Такого же рода частичное значение имеет и та теория, которую (вслед за *А. А. Богдановым* и др.) принимает *Н. Бухарин* (Теория историч. материализма, 192 сл.) Сущность религии, говорит этот писатель состоит в «вере» в сверх-естественные силы, в чудесных духов; а

понятия «души» и «духа»—отражения особой экономической структуры общества, когда выделился старший в роде... другими словами, когда разделение труда привело к выделению организаторского труда, труда по управлению и т. д. И повсюду, где есть отношения господства-подчинения, там есть и религия, отражающая именно эти отношения».

Хотя *Бухарин* и считает эту теорию происхождения религии «абсолютно правильной» (Теория историч. матер., 194) и отвергает взгляд *М. Н. Покровского* (восходящей к Спенсеру и еще гораздо дальше), согласно которому религия возникает из страха смерти и тому подобных моментов, однако, мы считаем последнее мнение более близким к истине. Факт «выделения старших в роде» имеет, конечно, и свою экономически-производственную сторону; однако, в основе это факт *биологический*.

В первобытном «роде» (точнее, «стаде», орде), как и в более поздней индивидуальной семье старший—ранее, чем стать «организатором труда»,—является *родителем* (отцом, матерью, дедом, бабкой и т. д.), охранителем и кормильцем новых поколений. И привычка прибегать к его помощи и после его смерти (в форме его „души») есть продолжение обыденной жизненной практики. Неверно и то, будто понятие *души* первоначально происходит из экономической структуры общества, когда выделился старший в роде и т. д.—с его организаторскими функциями. «Душа» и «дух» (по латыни *anima*, *animus*), несомненно, близки к греческому *anemos*, что значит «ветер», «дуновение.» Душа есть *принцип дыхания*, а через это и *жизни тела* (так как первое бросающее в глаза отличие мертвеца от живого то, что первый «не дышет»). Таким образом, понятие души также имеет биологическое происхождение. Этот вопрос достаточно освещен в классических трудах Тайлора, Г. Спенсера («Основания социологии», т. I; обращаю ваше внимание на эту довольно доступную книгу) и др. Явления „тени человека», отражений его тела в воде, сон и обморок, бред и смерть и другие подобные факты—вот источники представления о том, что внутри человека живет некоторый его двойник (становящийся потом «душою»), оживляющий его при жизни, временно уходящий из него во время сна и навсегда покидающий его в момент смерти. В этом, несомненно, первоначальный источник раздвоения человека на тело и душу. Отголоски этого воззрения мы находим еще у Аристотеля, для которого душа есть «первая энтелехия (завершенное состояние, полная актуализация) органического, обладающего способностью жизни тела (буквально: имеющего жизнь в возможности)".

Конечно, вскоре сюда могут присоединяться и разные другие аналогии—в том числе и с производственной организацией, с выделением организаторских функций, с отношениями господства-подчинения и т. д. Но все эти моменты не имеют первичного характера: первобытный анимизм коренится не в одной эко-

номике, а *во всей жизни, как целом*, и прежде всего в явлениях биологических.

Точно так-же неосновательно и сведение религии на «отражение отношений господства-подчинения». Это лишь *частный случай*, один из многих (правда, нередко существенный) аспектов религиозного миропредставления Неосновательно и связанное с этим мнение, будто сущность религии состоит в «вере» в сверхестественные силы, в чудесных духов; ибо есть религии без всякой мифологии. Буддийская Нирвана не есть дух и не есть «отражение отношений господства-подчинения»; а известно, что для опровержения определения достаточно даже одного не подходящего под него случая данного явления... «Сущность религи" надо искать в другом.

10. Однако, для ясности нам необходимо сначала выделить в общем. неопределенном целом „религии" ее отдельные элементы, пласты, лежащие один на другом и друг друга поддерживающие, иначе говоря, установить *феноменологическую схему* религии.

Первичным и основным движущим началом религии—и как суб'ективного явления, и как системы догматов и внешней, церковной организации—являются, несомненно, известного рода *чувствования* и *настроения*—то, что можно назвать „личной религиозной настроенностью", «религиозной потребностью», «суб'ективной религиозностью» и т. д. (об этих чувствованиях ниже). Не будь этого личного настроения, не было бы и остальных аспектов религии: сама небесная идеализация «отношений господства и подчинения» стала возможной только потому, что она использовала некоторый естественный, биологический росток в человеческой психике. В XVIII веке религию считали только «обманом жрецов»; в XIX и XX вв. многие считают ее только измышлением эксплуатирующих для того, чтобы эксплуатируемые стояли смирно, когда их стригут. Ни то, ни другое мнение не об'ясняет религии *вполне:* остается еще некоторая самопроизвольная тенденция человеческой психики, которую и надо об'яснить, а не выкидывать просто *из истории* только потому, что она не нужна *нам.*

Когда эта личная тенденция начинает в *сходных* формах (что об'ясняется сходством жизненных, трудовых, общественных и бытовых условий) охватывать целый ряд лиц, когда она становится коллективной, когда она нивелируется, обостряется и разгорается под влиянием общения одинаково настроенных людей, некоторые из них, более способные, пылкие, более творческие умы создают постепенно системы образов, представлений, понятий и теорий, служащих выражением или воплощением основных религиозных чувствований и возбужденных ими процессов фантазии, актов творческого воображения. Продукты этих процессов очень близки по характеру к произведениям поэтического творчества; они отличаются от последних тем, что им (*в силу особенной ценности* для суб'екта религиозных *эмоций*) придается *характер реальности*, и даже не простой, обыденной, окружающей нас, а высшей, лежащей в основе всего остального, что существует или может существовать. Тут «ценность» для суб'екта ведет за собой признание об'ективного бытия на основании того простого и сильного в глазах людей соображения, что не может иметь ценности то, что *реально* не существует, и что следовательно, раз что-либо ценно, то оно непременно должно существовать. И лишь прошедший научно-философскую школу ум привыкает, во-первых, различать и раздельно трактовать эти области суб'ективно ценного и об'ективно существующего, а затем находить границы достоверного познания, ясно отграничивая его от дальнейших догадок гипотетического характера. О естественной диалектике, заставляющей верующего придавать этим предположениям характер об'ективной реальности, говорил еще Фихте Старший. Постепенно мифологический характер систем догматов разоблачается не только их философской критикой (ею был полон весь XVIII век с его спорами о „чудесах“ и т. д.; см. *Leslie Stephen*. The History of the english Thought in the 18 century), но и фактом столкновения многих различных систем догматов, имеющих одинаковые притязания на реальность. Та-

ким образом, самый факт выхода этих систем из изолированного состоения, их встреча, сопоставление, проверка и взаимная критика ведут к ограничению их притязаний. Оказывается, что все аргументы в пользу каждой из этих систем требуют принятия чего-либо на веру, без доказательств, и единственным, уже не логическим, а чисто житейским аргументом является приведение противника к согласию путем насилия... Так обычно и шла история.

Не надо думать, как это часто делают, будто религиозные мирооб'яснения с самого начала принципиально были враждебны „научным". Первобытное сознание было совершено не выдрессировано в методологическом отношении; оно не различало реальности от плодов воображения, гипотезы от очевидной истины, об'яснения от наблюдаемого факта и т. е. (об этом в дальнейшем),—оно имело нерасчлененный, недифференцированный характер,— все его содержание было как бы в одной плоскости... Поэтому в первобытное время «научное» знание, поскольку оно тогда существовало, сливалось с религиозными представлениями. И позже, когда научное знание уже дифференцировалось, его результаты также включались отчасти в состав вновь образовывавшихся религиозных систем. Так было с христианством, которое выбрало в себя греческую философию и науку. Вообще системы религиозных воззрений и учений, или *догматов*, составляются из весьма разнообразных элементов, сливаемых, соответственно наивным представлениям об „истине", в одно однодное целое. В них входят и древнейшие мифы (т. е. попытки мирооб'яснения в образной форме) и предания, саги, и благочестивые легенды, и исторические факты, и поэтические производения, и продукты моральной рефлексии, и положения характера гигиенического, социально-экономического и политического и данные науки и философии той эпохи, в которую формировалось известное религиозное учение. И весь этот материал, детально разрабатываемый, приводимый в систему и обогащаемый дальнейшим творчеством

теоретиков, получает в уме верующего характер *реальности*; самые разнообразные домыслы становятся *догматами*. об'яснениями мира и человека, их происхождения, перипетий их истории, падений и искуплений человека, его конечной судьбы...

Когда этот процесс религиозного мирооб'яснения приведет к той или другой концепции мировой силы —божества (или божеств), человек создает различные формы проявлений этой силы (или сил) и ставит ее в разнообразные отношения к себе, а себя к ней. Божество мыслится как проявляющее своё отношение к миру и человеку творением и промыслом, попущением греха и искуплением, или спасением, предопределением и конечным судом, дарованием блаженства и осуждением на муки, ниспосланием благодати в таинствах и чудесах, предзнаменованиями и предсказаниями, или пророчествами, чудесными «явлениями», откровением, принятием молитв и т. д. И обратно, человек начинает обращаться к божеству с молитвой славословящей, просительной, благодарственной, начинает выполнять обряды, совершать таинства и проч. Многие из этих актов человека по отношению к божеству выполняются периодически, составляя то, что называется *культом*.

Культ обычно вырастает на почве уже сложившейся *общины* верующих («церкви») и, в свою очередь, является важным фактором для дальнейшего оформления и развития общины. Для отправления культа выделяется часть членов общины, образующая постепенно профессиональную группу и *общественный класс* специалистов по культу (*жречество, священство, иерархия*). Класс этот вступает в самые разнообразные отношения к другим общественным классам, входит составным членам в классово организованное и опирающееся на отношения господства-подчинения общество.

Охватывая всю общественную жизнь, религия— через лежащие в ее основе процессы «идеализации»— становится в известные эпохи *общей формой* деятельности человеческой психики. Будучи сама поэзи-

ей мировой реальности, она в значительной степени создает и затем в самой широкой мере использует все виды *искусства*: музыку и мимический танец, скульптуру и орнаментику, архитектуру и живопись, поэзию и драматическое искусство, а также постепенно пропитывается элементами *этическими* (имевшими первоначально свой особый, независимый от религии корень: первичные религии были чужды этического элемента, и этика вышла не из религии,— она только впоследствии получила в последней свою высшую санкцию).

Таким образом, как мы видим, культурная система, выросшая первоначально из *эмоционально-оценочного* зерна, постепенно захватывает и область познания, и всю реальность в целом. Причина этого замечательного факта лежит, повидимому, в том, что давно еще отмечали Ю-м и другие теоретики знания: в сильном положительном влиянии эмоций на уверенности. Те представления, которые для человека окрашены сильным чувствованием, легко становятся для него реальностью. И только при условии такой «реальности» становится для мыслящего в терминах обычной жизни человека понятным и возможным *реальное* действие на него и для него об'ектов этих представлений: ему кажется нелепой религиозная идеализация того, что, может быть, «реально» и не существует. И лишь более тонкая, зрелая и смелая критическая мысль может, исходя из идеи «непознаваемости" мировой реальности, отделить «реальность» от тех образов, в которых воплощаются религиозные настроения, т. е. отграничить мышление познавательное от эмоционально-выразительного и водворить эмоциональные «оценки» и внушаемые ими образы в их собственную область, не делая из них реальностей.

11. Какие же чувствования лежат в основе религиозной оценки и идеализации? Иначе говоря, в чем первичная «сущность» религии?

По этому вопросу, как мы отмечали, было высказано много мнений, значительная часть которых

отмечает моменты *реальные, но лишь частичные и производные.* Нам кажется, что наиболее общей, схватывающей основной элемент является формула датского мыслителя *Г. Гёфдинга* в его книге «Философия религии»*).

По Гёфдингу, исходным пунктом религии являются не догматы, не теории мирооб'яснения, а *известные чувствования* и *настроения*, и лишь затем уже внушаемые этими чувствованиями и настроениями образы и мысли, а также вызываемые всеми этими моментами акты воли и действия. Эти чувствования и настроения (психологическая „религиозность") связаны с *отношениями человека к миру*, с исканием в мире поддержки для своих нужд, потребностей, стремлений, идеалов. Внутренно человек живет преимущественно чувствованиями,—все остальное (познание и действие) имеет целью создание в человеке благоприятных, радостных и т. д. эмоций: человек „живет" тем, что он любит, к чему он привязан, что для него дорого, ценно,—живет „ценностями". Первобытный человек живет ценностями элементарно - материальными и преимущественно эгоистическими; человек развитой культуры—ценностями сознания (так наз. „духовными"), общественно-альтруистическими. Все „ценное" для человека зависит, в своем реальном существовании, от мировых сил, бесконечно превышающих человеческие силы. Все касающееся самого человека и его близких—игрушка в руках этих сил: они дают солнечный свет, посылают ветер, дождь и бурю, тепло и холод, урожай и голод, болезни и смерть, удачу или неудачу на войне и охоте и т. д. И для человека важно, как относятся к нему эти силы—мир и законы, которым подчиняются мировые процессы: благоприятно или неблагоприятно,—кто он в мире:-

*) Очень рекомендую вам ознакомиться с нею: она хорошо вводит в понимание вопроса. Автор ее совершенно свободен от каких бы то ни было конфессиональных лозунгов (об этом вы можете судить по тому, что на русский язык книга эта была переведена И. И. Степановым и В. А. Базаровым), и ведет исследование вполне научно.

любимый сын или пасынок... То или иное представление об этих силах могущественно влияет на самочувствие и самоощущение человека. Немцы выражают эту мысль в форме одного из любимых ими „вицов" (острословий, эпиграмматически-неожиданных ответов на более или менее загадочные вопросы). „В чем сущность всей философии?" спросил меня однажды один очень известный немецкий профессор философии, и мои попытки научно ответить на это тотчас же прервал словами: «Гораздо проще... у нас есть такой «виц». Сущность философии состоит в разнице двух букв: W и N». На мое недоумение он сказал: „Ну да... Суть философии в вопросе, чем является *для мира* то, что *для человека* важно (wichtig),— также важным (wichtig) или ничтожным (nichtig)"... Человек стремится *верить* в «сохранение в мире ценностей»—в то, что то, что для него на земле важно, ценно, что он в жизни любит, чем он живет, что все это не безразлично и для мира в целом, все это имеет основание и в об'ективном строе мира. Согласно с этим Гёфдинг определяет сферу религии как совокупность всех тех чувствований и настроений, а также вызываемых ими образов и мыслей, действий и движений, которые возникают из стремления верить в сохранение в мире ценностей.

Само собой разумеется, что при этом естественно на *об'ектах* религиозной идеализации отражается все разнообразие тех ценностей, которые любят, которыми живут люди. Тот, кому всего дороже удача на охоте или убийство своего врага, тот верит в помогающую ему, направляющую его стрелу или топор силу; тот, кому всего важнее утвердить свое земное господство (в каких бы то ни было целях), тот религиозно идеализирует отношения господства -подчинения (формула А. А. Богданова и Бухарина). Но ведь исторически несомненный факт и то, что многие верующие идеализировали эту мировую силу как принцип любви, милости, благости, что давало им (суб'ективную конечно, но существенную) опору для борьбы с трагической стороной жизни — с ее горем и

лишениями, утратами близких и любимых, давало силу превозмочь этот трагизм жизни. Не надо забывать, что религия давала не только идеализаторов «отношений господства-подчинения», но и великих «милостивцев» (таков хотя бы Франциск Ассизский). И широкая формула Гёфдинга (для обоснования ее я отсылаю к обстоятельной и детальной аргументации этого автора) дает возможность включить в нее все эти *бесчисленные* содержания религиозных настроений и столь же разнообразные типы религиозных построений, „космологических идеализаций". Идеализация отношений господства-подчинения является реальным, но лишь частным содержанием общего явления.

12. В историческом процессе содержания такой «веры в сохранение в мире ценностей» постепенно меняются, начиная с самых элементарных и грубых и кончая сложными и утонченными. Первобытному человеку всего приятнее и дороже удача на охоте и победа в битве, обилие дичи и богатый приплод его стад, —и он верит, что и для мировой силы также не безразлично то, что дорого для него, и просит эту силу помочь ему подстрелить одного врага и ограбить другого, незаметно подкрасться к зверю, и т. д. Постепенно, под влиянием общественно-этической рефлексии образы этой космической (религиозной) идеализации наполняются более глубоким жизненным содержанием, утончаются и осложняются и создают в течение веков огромное богатство символов, драматических сюжетов, характеров и положений, которые, проникая в народные массы, приобщают их (в элементарной форме) к символическим традициям мировой культуры.

В настоящее время новое идейное творчество в области религиозной идеализации вряд ли возможно. Оно затруднено, с одной стороны, тем, что наука дает уже достаточно связную, полную и определенную картину мировой реальности (как это обстоятельно показывает Гефдинг в той книге, на которую мы выше ссылались), а с другой, тем, что философский анализ приучил нас понимать, где граница достоверного знания, и придавать домыслам, выходящим за эти пределы, значение всего только недоказуемых гипотез. Мы сейчас уже не создаем новых символов мировой реальности, не примыкаем ни к одной из исторически выработанных систем об'ективно-космической идеализации. И тем не мене, известные *поводы*, ведшие в прежнее время к таким системам, существуют и в настоящее время, заставшея волноваться поэтов и мыслителей, совершенно чуждых всяких конфессиональных тенденций. Каковы же эти „поводы"? какие есть дорогие и для со-

временного, научно-мыслящего человека «ценности», которым он, пускай, не ищет опоры в об'ективном мире, но которые он *суб'ективно*, в своем сознании идеализирует?

13. Это, прежде всего, *жизнь*,—конечно, не жизнь физическая, как таковая, а жизнь психическая, сознание—и телесная жизнь, как носительница этого сознания. «Чужое сознание»—вот что особенно дорого человеку, дорого превыше всего,—вот чем живет он в глубине лучшей части своего „я". От самого себя, от узости эгоистических стремлений человек бежит к другим людям —к своим близким, любимым, к родному коллективу; самим собой, отрешенно от других людей, человек тяготится. Пустое „я" —источник не радости, а жесточайших страданий... Настоящая, богатая содержанием жизнь—это жизнь, отданная другим людям, полная ими, их интересами, радостями и печалями, надеждами и страданиями... И вот, эта чужая жизнь, столь дорогая для нас, внезапно и часто совершенно нелепо обрывается смертью. Посмотрите на то, что оставляет после себя человек, ведший интенсивную умственную жизнь или общественную работу... Неоконченные сочинения, невысказанные, неразвитые мысли, письма, говорящие об оборвавшихся отношениях к людям,—общее впечатление тщетны человеческих планов, жизненной борьбы и усилий... Посмотрите на мать, потерявшую своих детей, — детей, занимавших центральное место во всей ее духовной жизни: с ними гибнет для нее все, чем она жила... Чужое, но близкое нам, дорогое для нас сознание—вот высшая жизненная ценность, и наша собственная психика, с этой стороны, нужна нам преимущественно для наполнения ее этим содержанием. Мы не создадим никакой теории, никакого догмата об об'ективном бытии человеческого сознания после смерти, но *суб'ективно* мы легко можем быть склонны считаться с этим «несуществующим», как с существующим. Эти проблемы жизни и смерти, бытия и небытия, вечного и преходящего составляют важнейший центр религиозной идеализации. Чрезвычайно отчетливо вы можете проследить процесс внутренней борьбы за эту идеализацию по великолепным человеческим документам—религиозным сочинениям Льва Толстого, особенно по его «Исповеди». Вы увидите там судорожные, исторические старания великого духа побороть, преодолеть трагизм эфемерности человеческой жизни могучим усилием идеализирующего чувства и воли. В конце концов, героическим усилием Толстой приходит к некоторому свободному религиозному мироощущению, дающему покой его душе, позволяющему ему почувствовать значение и значительность своей личной жизни, как посланничества, миссии, возложенной на него мировым началом понять себя и свою жизнь не как простую случайность, а как подвиг, как выполнение известного „призвания"[1]).

---

[1]) В этом отношении столь же характерен и великий антагонист Толстого, его одновременно друг и противник—Тургенев. У

Интересной иллюстрацией к этой проблеме *суб'ективного* переживания, как *существующего*, того, что *об'ективно не существует*, может служить интересный рассказ глубокого художника-мыслителя Ф, Сологуба «Поцелуй нерожденного». Суть рассказа в том, что одна женщина, родившая мертвого, недоношенного ребенка. всю жизнь потом живет идейным общением с этим «нерожденным», получая великое утешение от его *воображаемых* ласковых, ободряющих слов и поцелуев, тогда как ее сестра, имеющая реальных, живых детей, терпит от них одни душевные страдания. В конце концов, один из этих детей кончает самоубийством. Мать «нерожденного» едет к своей сестре, вбегает на лестницу и, запыхавшись, садится на ее верхнюю ступеньку... И она чувствует, что ее «нерожденный» сын утешает и целует ее, и она, подбодренная, входит в квартиру сестры... Всякий человек, имеющий общественные идеалы, соприкасается этими идеалами с «нерожденными» еще сознаниями грядущих поколений, во имя которых он живет и действует, к благу которых и направлены его стремления, его жизненная борьба. Нет необходимости в об'ективно-религиозной идеализации этих поколений (в виде, напр., учения о предсуществовании душ); но суб'ективные процессы представлений о „не-существующем" неизбежны.

14. Другим возможным об'ектом идеализации является *человечество, как целое, и земля, как носительница его жизни*. Если вдуматься поглубже, продолжение существования нашей планеты в каждый момент представляет собою всего только случайность. В безпредельных глубинах мировых пространств каждый момент происходят великие катастрофы: небесные тела сталкиваются, воспламеняются или разлетаются в куски... И возможно, что такая участь грозит и нашей Земле. Быть может, конец ее наступит через год, через месяц? Где гарантии того, что этого не случится? Их нет... Но мы не останавливаемся на этих об'ективных возможностях и (суб'ективно) надеемся и верим в то, что Земля и человечество будут существовать, если не вечно, то в течение неопределимо большого промежутка времени; и если у нас

Толстого и до его «обращения» вопрос о смерти трактовался на фоне некоторого пантеистического настроения; предметы природы и симпатичные ему люди умирают спокойно («Три смерти», предсмертные думы Андрея Болконского, мысли Пьера Безухова, когда он ожидал расстрела), – и как антитеза, испорченные «культурой» и буржуазной скажем мы) пошлостью смерти в Крейцеровой сонате", «Смерти Ивана Ильича» и др. Тургенев, в противоположность Толстому, всегда ужасался смерти и до конца жизни не нашел суб'ективно примиряющего к ней отношения. Его «Стихотворения в прозе» сплошной вопль ужаса перед смертью (см. «Старуха», «Собака», «Со ерник», «Конец света», «Черепья», «Насекомое», «Что я буду думать» и др.) Мысль обоих писателей часто направлялась на жизнь, как целое, на ее отношение к бытию и небытию, но освещали они этот вопрос с противоположных точек зрения. Их отношение к этому вопросу может дать материал для интересного сравнительного изучения.

появляются сомнения в этом, мы гоним их от себя, мы преодолеваем космической идеализацией трагические возможности жизни. И не будь этого торжества нашего сознания, наших надежд над загадочной мировой реальностью, живи мы ожиданием возможного конца,—к чему было бы нам строить планы, создавать идеалы, жить для лучшего будущего? Ведь вся жизнь может в каждое мгновение оборваться от действия неведомых космических сил...

Эти мысли также с давних времен занимали лучшие умы... Наш мир—Земля и человечество—не вечны; они погибнут,—но как? Один очень древний ответ гласит: от огня! Все сгорит в мировом пожаре, а из пепла, как Феникс, чудесная птица, вновь возникнет новый, такой же мир, в котором (по мнению многих) повторится до мельчайших подробностей все, что происходит в нашем мире: будет „вечное возвращение всех вещей". Просуществовав „мировой год", и этот новый мир, в свою очередь, погибнет от огня... Не говоря о древнейших мифах, мы находим этот мотив в греческой философии (у Гераклита, стоиков и др. школ, у многих гностиков); элементы его есть и в христианской мифологии; наконец, возможность такого исхода подтверждает современная астрономия.

Согласно другому представлению, человечество погибнет не сразу (как от огня), а постепенно—от холода. Земля замерзнет, как уже замерзла Луна; а с Землей окоченеет и умрет все человечество. Эта тема также не чужда современной науке, допускающей возможность постепенного рассеяния мирового тепла в безпредельном пространстве и замерзания небесных тел („энтропия"). Теме этой посвящена великолепная байроновская „Тьма" (кстати сказать, переведенная на русский язык тем же И. С. Тургеневым). „Я видел сон... Не все в нем было сном. Погасло солнце светлое, и звезды скитались без цели, без лучей в пространстве вечном; льдистая земля носилась слепо в воздухе безлунном... Перед огнями жил народ: престолы, дворцы царей венчанных, шалаши... в гостры слагались... города горели... Кто лежал, закрыв глаза, да плакал... другие хлопотливо суетились вокруг костров и в ужасе безумном глядели смутно на глухое небо, Земли погибшей саван... а потом с проклятьями бросались в прах и выли... Страшный голод терзал людей... Лишь двое граждан столицы пышной—некогда враги—в живых остались... Встретились они у гаснущих остатков алтаря, раздули огонек, взглянули друг на друга, вскрикнули и умерли от ужаса"...

Этот образ замерзающей Земли, на которой человечество гибнет от холода, вообще очень занимал воображение Тургенева. Среди его „Стихотворений в прозе" есть „Разговор" двух громад, двух великанов, вздымающихся по обоим сторонам небосклона: Юнгфрау и Финстераархорна. «Юнгфрау говорит соседу: Что скажешь нового? тебе видней.. что там внизу?—Проходит несколько тысяч лет—одна минута. И грохочет в ответ Финстераархорн...: там внизу все то же: пестро, мелко... все еще копо-

шатся козявки, знаешь, те двуножки... люди". После нескольких обменов репликами Финстераархорн констатирует смерть человечества от холода: „Теперь хорошо... опрятно стало везде, бело совсем, куда ни глянь... Застыло все.. И спят громадные горы; спит зеленое, светлое небо над навсегда замолкшей землей"...

Современная наука о мироздании и внушаемые ею популярные представления допускают и другие возможности гибели человечества. Быть может, планета Земля сохранится невредимой, но все люди и вся жизнь на Земле погибнут, если Земле придется пройти около какой-либо кометы (или сквозь комету), в сфере которой разлиты гибельные для жизни газы... Или же человечество погибнет от потопа. Сказания о всемирном потопе восходят до глубокой древности и, несомненно, опираются на действительные факты далеких эпох. Из вавилонских источников сказания эти перешли в библию, когда во время пленения составлялись первые книги Моисеева пятикнижия. И в наши дни людям нередко снится конец человечества в форме великого наводнения. Припомните у того же Тургенева стихотворение в прозе, озаглавленное «Конец света». В этом «сне» Тургенев изображает себя вместе с десятком других лиц в большой низкой комнате... пустой, без мебели .. Все ждут чего-то страшного, и тянет за душу однозвучный голос мальчика: «боюсь!..» Вдруг мальчик кричит тем же жалобным голосом: «Глядите! земля провалилась!» Все бросаются к окнам. Действительно, отовсюду наступает море... «одна сплошная, чудовищная волна охватывает весь круг небосклона. Она летит, летит на нас!.. Все задрожало вокруг; а там, в этой налетающей громаде, и треск, и гром, и тысячегортанный, железный лай!.. Га! какой рев и вой! Это Земля завыла от страха... Конец! Конец всему!»*)

Таким образом, мысли о конце мира, о смерти Земли и человечества нередко приходят людям в голову, и нельзя отрицать их сродства с теми настроениями, которые внушали людям космическую идеализацию в религиозной оболочке. Люди чувствовали себя слабыми, жалкими игрушками неведомых мировых сил; но они преодолевали возможное при таких обстоятельствах отчаяние, идеализируя мир, представляя его себе не окончательно враждебным, а доступным умилостивлению... При этих условиях люди находили в себе силы жить не со дня на день, в ожидании бессмысленной гибели, а с перспективами будущего, жить для грядущих поколений, строя далекие планы, работая для своих общественных идеалов...

15. Есть и другие возможные об'екты космической идеализации. Таким является, напр., этическая природа самого человека...

---

*) Это «стихотворение в прозе» с художественной стороны кажется мне не совсем удачным и убедительным, хотя бы уже потому, что обычно в сновидениях не бывает *слуховых* образов. Но оно характерно, как выражение настроений и дум большого человека своего времени — в известном возрасте, на закате жизни, надо прибавить..

Мы твердо *уверены* в том, что человек в основе своей хорош; мы не можем допустить, чтобы он был безнадежно плох низок, зол, чтобы «лучшие» черты его характера были лишь делом расчета или маской для наиболее удобного достижения эгоистических целей, чтобы он был благороден и честен только тогда, когда он вынуждается к этому суровыми условиями жизни, и чтобы он обнаруживал свои подлинные черты—эгоизм, злость, дерзость и высокомерие, когда это станет возможным. Мы верим, что это не так что всеобщее братство людей не только мечта, а имеющая придти в свою черед реальность; мы верим, что в существе своем человек хорош, что все дурное, что мы в нем находим, все это лишь искажения его природных задатков, лишь результаты влияния нелепых, дурных социальных условий. С их изменением будет меняться и природа человека, в которой нет ничего, что могло бы парализовать это ее прогрессирующее улучшение.

Наконец, и весь строй мира, весь хор водящих его круговорот законов мы представляем себе в известной оптимистически-идеализирующей окраске. Если бы у нас возникла мысль, что строй мировых законов с необходимостью обрекает наши идеалы на крушение, это было бы для нас жесточайшим испытанием. Но мы *уверены* в том, что этого нет,—что строй мира не составит непреодолимого препятствия, и это даст нам силы для жизненной борьбы.

Таким образом, мотивы космической идеализации составляют естественный факт нашей психики. И если в прежнее время они являлись основой для создания религиозных верований, а сейчас действие их не выходит за пределы идеализации установленных наукою положений, то это различие зависит, в конечном счете, от *прогресса методологических точек зрения*, сложившихся в результате многовековой работы научно-философской, критической мысли. Этот факт имеет большое значение, так как подчеркивает всю важность той основной „методологической“ точки зрения, из которой мы будем исходить в наших рассуждениях. Об основных апориях (безысходных противоречиях) религиозного мышления мы скажем в отделе, посвященном философии религии,—в дальнейшей части нашего курса.

Там же будет речь и об *эмоциональной* стороне религиозных переживаний, составляющей самую суть религиозной психологии и религии вообще. Здесь, в предварительных, кратких замечаниях я ставил себе целью лишь отграничение религиозной сферы от познавательной, от науки и философии.

17. Прибавлю несколько замечаний об исторической диалектике религиозной сферы человеческой психики. *Сила* и *острота* эмоций и настроений, связанных с космической идеализацией, касающихся самых насущных для человека жизненных проблем, заставляют людей придавать особое значение, особую ценность и неприкосновенность („святость") всей этой области переживаний. Неприкосновенность ведет к застою, к неподвижности, а затем и к отсталости от неустанного движения живой мысли. Роковая диалектика ведет религиозную мысль от живых, суб'ективно-эмоциональных переживаний к застывающим и застывшим продуктам творчества, претендующим на об'ективную реальность. Свободное идейное движение в этой сфере все более стесняется; а всякая независимая мысль наталкивается на авторитарные традиции,— начинается борьба с этими традициями.

В средние века философия (и вся вообще наука) была, согласно известному выражению, «служанкой богословия». В настоящее время „госпожей" является наука и ее отец – человеческий разум, отводящие самой религии то место, какое ей должно принадлежать на основании приговора свободной от авторитета мысли.

Борьба науки и философии с религиозной традицией была тяжела и упорна: в ней погибло много крупных независимых умов и со стороны «верующих» были пущены в ход величайшие насилия над теми, кто осмеливался поднимать свой голос Протест начался с морального негодования части верующих на распущенную и праздную жизнь духовных лиц. Когда церковная иерархия стала жестоко подавлять этот протест, критика перешла и на самый принцип иерархии, на обосновывавшие его догматы и на общественно-культурную роль церкви. Постепенно утверждается мысль, что различия в догматах, отчуждающих вероисповедания одно от другого, имеют второстепенное значение, что самое главное в религии—известные чувства и настроения. Еще во второй половине XVI в. француз Жан Бодэн, свидетель жестоких преследований гугенотов, выводит в своем *Dialogon Heptaplomeres* семь лиц различных исповеданий, которые все в результате разговора приходят к мысли, что разделяющие их догматы не имеют под собою незыблемых, непреложных оснований, и заканчивают беседу пением гимна в честь братской любви и радости, напоминающего знаменитый гимн радости из 9-й симфонии Берховена; все они приходят к убеждению, что истинная религия состоит в доброй жизни и любви к людям. Ту же тему мы находим у Лессинга (в «Натане мудром») в рассказе о 3 кольцах, соответствующих 3 религиям (христианской, еврейской и магометанской) и не допускающих решения вопроса о том, которое из них (конец) и которая из религий подлинно истинная... Сходные мысли развивали деисты, начиная с XVII века и кончая Львом Толстым, признававшим ценными все жизненно действенные веры. Основатель позитивизма О. Конт также определяет религию как «систематизацию чувствований» и, решительно отвергая теологические попыт-

ки мирообъяснения (в законе смены трех фазисов, или стадий мысли: теологического, метафизического и научного), сам делает попытку удовлетворить запросам чувства в своей новой, положительной религии Великаго Существа (le grand Être)—Человечества.

Решительную атаку на религию вообще вели в XVIII веке многие английские и французские мыслители. Английские споры изложены в 2-томном сочинении Leslie Stephen'a, на которое мы ссылались выше (History of the english Thought in the 18 century). Резюме всех возражений, делавшихся в XVIII веке против религии, быть может, всего полнее и концентрированнее сделано в «Анализе влияния естественной религии на земное счастье людей», изданном в Лондоне в 1822 г. знаменитым впоследствии историком Греции Джорджем Гротом на основании рукописей его идейного учителя, не менее знаменитого реформатора права и законодательства Iер. Бентама. Мною был сделан перевод этого небольшого трактата, пока еще не увидавший света.

Что с *познавательной* точки зрения все религиозные представления одинаково ложны, или, точнее, не имеют отношения к „истине", лежат в иной плоскости—выразительного, близкого к поэтическому мышления, это видно уже из простого факта чрезвычайного обилия религиозных картин мира, как целого, и его отдельных свойств, частей, предметов. Истина едина; правда, «приближений» к истине может быть много, но они не могут в такой степени противоречить друг другу, как имеет место в религиозных миропредставлениях.*) Но, с другой стороны, *эмоциональное* влияние религиозных настроений и чувствований—факт несомненный широко распространенный и не исчезающий ни от какого разрушения теоретических заблуждений религиозного сознания и указания противоречий в религиозных представлениях. Эмоции допускают борьбу с ними, главным образом, лишь при помощи *направления их на другие объекты.*

18. Нам остается сказать об остальных трех культурных системах, которые тоже в некоторых отношениях связаны одна с другой, в других же различны. Здесь в центре стоит знание**); мышление имеет уже не эмоционально-волевой, символически-выразительный характер, а *познавательный*: здесь

---

*) Здесь мы имеем в виду «истину» в собственном смысле—доказанного, достоверного положения. В ином смысле понятие это употребляется в таких сочетаниях, как „истины морали" и т. п.; тут истина имеет смысл обоснованного *требования*, а не констатирования факта. Еще в ином смысле говорят о правде, истине поэтического изображения: там «истина» означает не точное констатирование реальности или ее законов или систематических построений ума, а *типичность*, *аналогию* изображенного с реальностью.

**) В этом элементе знания их сходство; одно из важнейших отличий *технической* системы от *науки* и *философии*—то, что в ней столь же важную роль играет и *практика*, применение знания.

область „истин" в собственном смысле этого слова. При этом истины эти обращены частью к познанию „бытия" (в самом широком смысле слова), частью к познанию „действий" и способов, или приемов их выполнения. Знание первого рода называется обычно *теоретическим* (от греческого theoreo — созерцаю, наблюдаю), второго рода — *прикладным*, или *практическим* (от греч. prasso — делаю, работаю). Знание практическое в его развитом виде везде опирается на положения знания теоретического, — хотя в элементарных формах своих может довольствоваться и теми сведениями, которые получаются чисто практически, в жизненно-трудовом процессе и могут не принимать систематической формы знания научного.

Теоретическое знание распадается на две больших области: на *науку* в более узком смысле слова и *философию*. Знание практическое, или прикладное везде представляет систему правил (конечно, с их теоретическими обоснованиями), которые человек должен выполнять, чтобы достичь ставимых им себе целей. Совокупность этих, крайне разнообразных и в высшей степени важных во всех отношениях норм составляет содержание того, что можно выделить в особую культурную систему под названием *техники*.

Более детально нам придется говорить о технике в тех параграфах, где пойдет речь о науке и о классификации наук. Здесь же мы только перечислим главные отделы этой области — важнейшие „технические системы". Некоторые из этих систем имеют дело с материалами *природы неорганической*: с металлами и их соединениями, с землями, камнями и т. д. Таковы технологии металлургические, керамические, „химические" (в узком смысле), механические, строительные, машиностроительные и многие другие. Другие системы приемов и технических методов направлены на мир *живой* — на растения и животных и их продукты: техники растениеводства и животноводства, технологии мясная, спиртовая, дрожжевая, пивная, текстильно-красильная, выделка одежды и обуви, и т. д., и т. д. Третьи, наконец, имеют

дело с *человеком*. Сюда относятся: 1) *медицина* с гигиеной и санитарией, как система приемов заботы о телесном и психическом здоровьи человека и о лечении расстройств и болезней; 2) *педагогика* (в широком смысле), как учение о способах содействия физическому, умственному и нравственно-общественному воспитанию людей; 3) *право*, как система норм, при помощи которых общественный коллектив и его органы стараются заставить людей выполнять одни действия и воздерживаться от других; 4) всякого рода *политика*, т. е. системы планомерного воздействия одних людей или групп на другие, на те или иные сферы жизни (в „политику" в широком смысле войдет и право, как технико-практическая система и иные техники: можно говорить и говорят, о „воспитательной" политике и т. д.; в более узком смысле в „политику" выделяют *динамику* образования техник, момент создания и актуализации норм, будут ли они иметь более или менее постоянный характер, как в праве, или же будут декретироваться отдельными распоряжениями по конкретным, частным случаям). „Политика" может иметь содержанием сферу „управления" в тесном смысле, экономику и хозяйство, проблемы финансовые, вероисповедные, международные, рабоче-трудовые и т. д. Наконец, 5) разнообразные специальные культурные техники: напр., техники *художественная*, *поэтическая*, *стихотворная*, *музыкальная*, *ремесленные*, техника *труда* и *трудовых процессов* и т. п.

Во всякой вообще технической системе основными будут понятия целесообразного, эффективного, соответственного, практически пригодного, подходящего и т. п. Ими определяется подбор в данную технику теоретических положений, которые оказывается возможным использовать для достижения выдвигаемых жизнью целей.

Развитие технического *знания* надо отличать от *фактического состояния самой техники* в той или другой стране (или вообще на той или другой территории), в ту или иную эпоху. Техническое знание,

выработанное *на почве других общественно-трудовых отношений*, может быть само по себе очень высоко, в качестве «технической науки»; но в какой мере соответственно ему будет организована сама реальная техника, это зависит, в последнем счете, от состояния хозяйства (в широком смысле) и общественно-трудовых отношений *данной* страны.

Фактическое состояние всех техник в данной стране имеет огромное значение для всей жизни, вплоть до самых, на первый взгляд, далеких от «техники» сторон ее. За деталями по этому вопросу отсылаю к руководствам и курсам по „общественному материализму", где эта тема разрабатывается с большой полнотой.

Вместе с культурными системами, исходящими из „мотивов деиствий", сфера „техник"—в самом широком смысле этого термина (т. е. включая и прикладное знание, и фактические техники)—составляет ближайшее содержание общественности, социальной стороны жизни, как таковой. Эти системы являются поэтому, с известной стороны, *основными для фактического строя общества.*

19. Перехожу к *науке*. Так как методологические вопросы и связанные с ними терминологические точные различения являются для нас в высшей степени важными, то позвольте мне по поводу термина «наука» обратить ваше внимание на факт, характерный для всего человеческого мышления и речи,—на *многосмысленность* употребляемых людьми понятий и терминов. В этой многосмысленности один из важнейших источников сбивчивости и ошибок в мышлении и взаимного непонимания людей (как это можно наблюдать на ежедневных столкновениях мнений и спорах); и первым средством борьбы с этим злом является внимание к точным и основным значениям понятий, к разграничению их разных смыслов, к определению всех терминов... В таком сознательном отношении к «орудиям умственного производства»—первый признак надлежащей научной школы и первое условие успешного мышления.

„Наша речь похожа на зыбучий песок". говорит один логик, и это положение правильно и в применении к термину «наука». «Наукой» называют и всякое вообще *научение*, в том числе и чисто жизненное, практическое. „Вперед тебе наука!" говорят человеку, сделавшему неосторожный поступок. «Вот тебе наука!

будешь вперед мясо таскать»... упрекают кошку, похитившую кусок мяса. В этом же смысле в басне Крылова «Щука и кот» автор обращается к щуке с увещанием: «и это, щука, тебе наука: вперед умнее быть и за мышами не ходить».

В других случаях под «наукой» разумеют ремесло; так, в прежнее время говорили: «отдать девочку в науку к портнихе». В более узком и строгом смысле термин «наука» охватывает всякое «знание» (как теоретическое, так и прикладное, техническое); в еще более узком значении под «наукой» разумеют одно теоретическое знание; наконец, в самом узком смысле употребляют это слово французы, понимающие под ним только «точные» науки -в противоположность всем наукам гуманитарным, объединяемым у них в термине les lettres (т. е. как нечто связанное с языком письменностью и литературой). Отсюда Facultès des sciences—«факультеты физико-математические» и Facul ès des lettres—«факультеты гуманитарных и общественных наук» во французских университетах.

„Науку" мы можем предварительно определить так. Это совокупность общих и частных „познаний", систематически охватывающих какую-либо область действительности или мысли или деятельности человека, создаваемая, помимо всякого внешнего авторитета, разумом человека, состоящая частью из достоверных, частию из предположительных утверждений, опирающихся на проверку и доказательства и сопровождаемых указаниями относительно того, кем, когда и как эти положения были выработаны и установлены.

Наука, научное знание составляет высшую ступень *познавательной* деятельности человека. „Познание" отличается по существу от других типов высказываний: от вымыслов, приказаний, пожеланий, советов, вопросов, и т. д. Своим содержанием оно имеет (в качестве *задачи*, конечно, не всегда ее вполне достигая) *истину*. Область истины есть как раз область *познающего* мышления,— в отличие от мышления выразительного Конечно, и выразительное, эмоционально-символическое мышление, как оно имеет место в искусстве и религии, в значительном об'еме использует результаты познающего мышления. Искусство творит свои образы, применяя данные научного познания (напр., истории, социальных на-

ук, эстетики, археологии и т. д.) как для своего содержания, так и для своей формы и техники: бытовая, историческая, общественная поэзия, эпос; результаты научного изучения пропорций и форм человеческого тела и др. об ектов скульптуры; использование научных данных в технике живописи, музыки, слова и т. д. Мало того, произведения искусства обладают своей *собственной истиной* (в условном смысле), своей особой внутренней логикой, в силу которой одни элементы оцениваются как подходящие к стилю, согласные со строем целого, другие отвергаются как неподходящие, фальшивые, несоответствующие. Однако, это «истина» совершенно иного типа, чем истина научная, познавательная: „истина" в искусстве есть либо (в его техниие) *приложение* научной истины, либо *правдоподобие*, либо внутренняя *связность*, *согласованность*. Наоборот, в науке „истина" *должна быть* (в идеале, в пределе) *полным совпадением с какой-то нормой действительности*.

Точно так же и область религиозного мышления частию иногда прямо использует данные науки (*того времени*, когда создается данная система догматов и учений), иногда же творит самостоятельно, *пытаясь идти* в направлении научной истины. Но заимствования из науки так и остаются заимствованиями из чужой сферы; а самостоятельное творчество, поскольку оно не руководится критериями научной доказательности, остается на стадии выразительного мышления и не дает гарантий научной истинности.

Научное знание есть высшее проявление, высшая ступень знания обыденного, жизненно-повседневного, обиходного. Оно отличается от последнего своей широтой, более или менее исчерпывающим характером, методологической обоснованностью, критичностью, доказательностью, сознанием пределов своих притязаний на истинность. Науке, т. е. рассмотрению с точки зрения „истинности" (и ложности) подлежит решительно все: каждую вещь, каждое

событие, каждую мысль или чувство—вообще каждый „предмет", о котором мы мыслим или говорим, мы можем подвергнуть такому рассмотрению. Поэтому научное знание, научное изучение сводится к особому—*научному*—отношению ко всякому предмету, причем с других точек зрения этот предмет будет подлежать разнообразным другим „подходам" (эстетическому, этическому и т. д.) и будет входить в материал других культурных систем. *В основе науки лежит особое отношение ко всякому возможному материалу; наука есть совокупность результатов, достигаемых при этом, специфическом отношении к предметам.* Об этой „научной" точке зрения, составляющей одну из проблем методологии науки, мы будем говорить в дальнейшем.

20. Последнею из культурных систем мы ставим *философию*, также имеющую своей задачей изыскание истины, а потому и стоящую в близком родстве с „наукою" в собственном, более узком смысле. Философии мы посвятим отдельную главу.

21. Добавлю одно замечание о взаимных отношениях друг к другу различных культурных систем.

В развитии человеческой культуры как в ее целом, так и в ее отдельных областях сказывается общий формальный закон всякой эволюции, установленный особенно отчетливо известным английским мыслителем Гербертом Спенсером. Согласно формуле Г. Спенсера, всякое развитие состоит в «переходе от бессвязной однородности к связной разнородности»,—иначе говоря, в постоянном параллельном функционировании принципов, с одной стороны, дифференциации и спецификации*), а с другой — интеградии и координации**).

Под эту формулу подходит и общая эволюция «культурных систем». Первоначально, несомненно, имело место безпорядочное соединение в одно целое самых различных, с нашей теперешней точки зрения, элементов. Первобытный человек (или, может быть,

---

*) Дифференциация (от латин. differentia — разность) значит различение, установление различий; спецификация (латин. species—вид, facio—делаю) — разграничение видов, выделение более частных групп.

**) Интеграция (латин. integer—цельный) значит образование целого из частей,—спаивание, сплачивание частей в целое. Координация (латин со—с, вместе; ordo—порядок)—упорядочение, распределение в известном порядке.

зоологический предок человека) не различал сновидений от переживаний бодрственного сознания, состояний патологических (бреда, состояний экстатических, опьянения и других отравлений, галлюцинаций и т. п.) от состояний «нормальных»; внутри переживаний нормальных он не был в состоянии провести границу между «восприятиями» и построениями фантазии и вообще творчества («предвосхищения» будущего; догадки, гипотезы, об'ясняющие «восприятия; умственные построения в форме обобщений, интуиций, и т. д., и т. д. Он переплетал и ставил в один ряд, в одну связь настоящее с воспоминаниями прошлого; он не различал состояний эмоциональных от познавательных (а потому для него не имело смысла и наше отличение мышления выразительного от мышления познавательного); для него в одном плане лежала «теория» и «практика», познание и действование, и сплошь и рядом, то, что было *нужно*, *желательно* (для практики), признавалось (в силу одного этого желания) существующим. Мышление первобытного человека представляло собою хаос, самое причудливое сплетение в одно недифференцированное, сплошное целое различных по существу элементов... Отсюда беспомощность первобытного человека в его отношениях к природе, в его понимании ее и овладении ею, беспомощность и перед самим собою, перед созданиями своего собственного творчества.

Однако, постепенно критическая мысль человека начинает разбираться в этом пестром клубке. Происходит это преимущественно, благодаря более внимательному изучению *методологических* основ и *механизма* процессов, образующих различные типические группы переживаний. Элементы сходные начинают выделяться мыслью из целого, соединяться в группы по сходству: сновидения к сновидениям, восприятия к восприятиям, эмоциональные построения к другим таким же и т. д.; изучаются специфические законы образования каждой из этих групп, устанавливаются их методологии, а в связи с этим определяется удельный вес достижений каждой из них; выясняется степень их обоснованности, степень, в какой можно на данные каждой из них положиться, и т. д. В этом сложном процессе (на который я здесь, конечно, только намекаю) состоит важнейшее достижение научно-философской критики познания, совершавшейся на глазах человечества, начиная с первых мыслителей Греции и кончая анализами новейшей гносеологии. В результате этой работы частью уже получилось, частью еще должно получиться некоторое стройное целое основных форм культурных переживаний человечества, состоящее из ряда ясно отграниченных друг от друга типических групп (дифференциация), тесно связанных в известное систематически слаженное целое, где каждой группе (на основании ее типических признаков и ее специфической методологии) отводится именно ей соответствующее место (интеграция и координация). Мышление человечества эволюционирует от хаоса, от неопределенной и недифференцированной бессвязности первобытной мысли

к стройному и связному, проверенному научно-философской критикой целому определенных и ясно отграниченных друг от друга групп переживаний.

Некоторые стадии этого процесса постепенного очищения и осветления человеческой мысли совершались на памяти истории; некоторые совершаются еще и сейчас. Вся античная древность и все средневековье смешивали еще, с одной стороны, исследование реальности, с другой—творческое создание произведений изящных искусств, и с третьей—наконец—задачи нравственного поучения. Поэтому *историю* писали, как роман, как беллетристическое произведение, не стесняясь вносить в нее не только «украшающие» события речи и др. вставки поэтического характера, но и прямые выдумки. И очень часто эти выдумки имели целью моральное воздействие на читателя. Новая наука, наоборот, исходя из вполне ясного методологического представления о различии между исследованием прошлых фактов, поэзией и моральной проповедью, вновь переделывает (в обратном, аналитическом направлении) работу прежних веков и из сложного, некритически построенного целого, положим, Ливиевых книг Ab urbe condita («От основания Рима») выделяет раздельно 1) факты римской истории, 2) методы и приемы историографической работы Ливия (в том числе и сочинение им вставочных речей) и 3) моральные тенденции Ливия, поскольку они сказываются в его истории.

Другим крайне распространенным примером недифференцированности мышления являются многие формы мышления религиозного: в них безразлично смешиваются и эмоциональные состояния людей—горести, страдания, страхи, надежды, чувства любви и т. д.—и внушаемые этими состояниями идеализации жизни и мира, и «реальные» восприятия, и оценки нравственного сознания, и обусловливаемые ими построения, и данные «науки» своего времени... Все это образует сложные целые «религиозных миропониманий». Как я уже говорил, сила религиозных эмоций, глубина их влияния на психику заставляет людей признать особо важными и ценными связанные с этими эмоциями представления, т. е. об'явить их *истинными*, а их об'екты — *реальными*. И больших трудов стоит научно - философской мысли расщипать обратно эту прочно сраставшуюся ткань на составляющие ее отдельные нити. Однако, постепенно эта работа выполняется, и формы религиозного мышления прошлых эпох разлагаются наукой на их элементы.

Само собой разумеется, что в случаях необходимости мы и сейчас можем связывать моменты одних культурных систем с другими: мы можем достигать *моральных* эффектов при помощи *поэзии*, можем облагораживать эгоистические интересы или «жизненную лирику» влияниями искусства (требованиями изящества, гармонии, красоты поведения и самочувствия человека и т. д.) и нравственности, и т. п. Но все это будет существенно отлично, от нерасчлененности первобытного мышления: там все эти влия-

ния и переходы осуществляются бессознательно, все они случайны, об'ясняются одной психологией человека; напротив, критически мыслящим умом все такие связи устанавливаются сознательно, на основе логических расчленений и ясных методологических принципов, в соответствии с многосторонностью действительных связей элементов мысли в реальной жизни; там они сбивают мышление и действование, здесь помогают им в осуществлении их целей и задач.

Отсюда вы ясно можете видеть все громадное значение научно-философских, методологических и критико-гносеологических исследований и всю великую пользу их как для науки, так и для практики. Гносеологический анализ знания и вообще всех переживаний человека, всех форм его культурного сознания есть палладиум философии: именно отсюда исходит то освобождение и возвышение мысли человека над отдельными, частными формами его сознания, которое составляет лучший дар критической философии и которого лишена некритическая мысль и догматическая философия.

Литературные указания. I. По вопросу о «культурных системах» и взаимных отношениях между ними см. статью *В. Дильтея* «Сущность философии», в книге «Философия в систематическом изложении». Это перевод одного из томов большой немецкой коллективной серии, охватывающей все важнейшие стороны современной культуры как в историческом, так и в систематическом и в прикладном ее аспектах и выходившей под общим заглавием Die Kultur der Gegenwart; отдельные статьи в ней написаны лучшими немецкими учеными, и вся серия дает колоссальный и в общем свежий научный материал, а потому и может служить хорошим руководством для кратких обзоров современного состояния научных проблем; см. также ст. акад. *В. И. Вернадского* «О научном мировоззрении» (сначала в журнале „Вопросы философии и психологии" за 1895 г.; потом в «Сборнике статей по философии естествознания", наконец во II вып. „Очерков и речей", изд. Научным Химико-Технич. изд-вом в Петрограде в 1922 г.; другие статьи этого выпуска также очень ценны). См. также различные работы *Г. В. Плеханова* и других представителей марксистской точки зрения (*А. А. Богданова*, *В. И. Ленина*, *Н. И. Бухарина*, *М. Н. Покровского и др.*) по вопросу об отношении между „социальным базисом" и „идеологическими надстройками»,—подробно эта литература указывается в курсах „исторического (или диалектического) материализма",—см., напр., курс *С. Я. Больфсона* „Диалектический материализм". Минск, 1922.—Уделяется место вопросам, о которых идет речь, и в многочисленных „Введениях в философию". Обычай составлять такие университетские курсы идет из Германии, где на „философских" факультетах (обнимающих наши прежние историко-филологические и физико-математические, а отчасти и юридические и потому насчитывающих массу студентов) философия преподается в большом

об'еме. Из немецких пособий этого рода укажу переведенные на русский язык: *О. Кюльпе* (наиболее элементарное, краткое, но довольно сухое и не вводящее в более глубокое рассмотрение философских проблем), *В. Вундта* (с обильным историческим материалом и довольно детальным изложением проблемы классификации наук), *Г. Корнелиуса* (в духе немецкого позитивизма), *В. Ерузалема* (точка зрения биологически обоснованного психологистического феноменизма), *Фр. Паульсена* (точка зрения, близкая к Фехнеру; хорошее изложение); переведено также «Введение в теорию познания» *А. Мессера*. Из других немецких курсов этого рода, не изданных в русском переводе, укажу на курсы *В. Виндельбанда* (точка зрения нормативистического критицизма), *Р. Эйслера* («Введение в философию» и „Введение в теорию познания"). Переведены по-русски также «введения» английского математика-философа *Б. Рёсселя*, датского мыслителя *Г. Геффдинга* („Философские проблемы"), польского философа *Г. Е. Струве*. Из оригинальных русских курсов: *Г. И. Челпанова* (широкое использование философской литературы; точки зрения несколько эклектические), *А. Н. Гиляроза* („Философия в ее существе, значении и истории. Руководство к изучению философии», 1 изд. 1916 г., 2 изд. I часть 1918, Киев; книга несколько перегружена материалом, но написана живо; в онтологии примыкает к Фехнеру и потому близка к „Введению" Паульсена), *А. О. Маковельского* (2 вып., Казань; очень сжатое, но богатое мыслями пособие), *Н. О. Лосского* (книга представляет введение в собственную философию автора и недостаточно ориентирует в философии, как таковой, во всем многообразии ее проблем и точек зрения; основные положения автора разобраны мною,—см. *В. Ивановский* «О некоторых недоумениях, вызываемых интуитивизмом Н. О. Лосского» в «Сборнике к 70-летию проф. Д. А. Корсакова», Казань, 1913 г.), *С. Л. Франка* (краткое пособие, по основным точкам зрения близкое к Лосскому). Характер „введения в философию" имеет отчасти «Логика, как часть теории познания» *А. И. Введенского*, а также солидная «Система философии» *В. Вундта*, «Грамматика науки» К. Пирсона и некоторые др. работы.

II. По вопросу о религии см. *Г. Геффдинг* „Философия религии" и *У. Джемс* «Многообразие религиозного опыта», а также этнологическую литературу (*Тайлор* «Первобытная культура», *Г. Спенсер* «Основания социологии», т. I и новейшие работы), а также H. Vaihinger. Die Philosophie des Als Ob. Более подробные указания ниже.

ГЛАВА II.

Философия.

1. Термин „философия", в его обычном употреблении, покрывает собою, в сущности, целый ряд не совпадающих одно с другим понятий.

Во-первых, под этим термином разумеют совокупность чисто практических, жизненных *настроений* и бессознательно складывающихся привычек поведения. Так, говорят, о «философском спокойствии», с каким кто-либо перенес тяжелую утрату, о «философском отношении к лишениям и тягостям жизни», о «философском взгляде на мир и на жизнь» и т. д.

Во-вторых, «философией» называют системы личных, субъективных *воззрений* и *убеждений*, слагающихся под самыми разнообразными случайными влияниями: наследственной традиции и профессии, обыденного жизненного опыта и окружающей среды и обстановки, занимаемого человеком общественного положения, характера полученного образования и т. д. Во всех этих личных философиях имеются частичные истины; но всем им присущи и большие недостатки. Они часто бывают узки и односторонни; истины бывают в них смешаны с необоснованными предположениями, ошибками; в них нередко встречаются уже покинутые наукою точки зрения; часто они бывают наивны,—в них многое представляется самоочевидным: не видят проблем, лежащих внутри и в основе этого яко бы самоочевидного и т. д. Этого типа философии могут принимать и групповой, коллективный характер, сохраняя свои отличительные черты: связь с личными моментами, недостаточную критичность и недостаточный учет культурной и научно-философской традиции, завещанной прежними эпохами...

2. В *историческом* процессе развития человеческой мысли мы встречаемся уже с иного рода «философиями», являющимися сознательными продуктами работы людей, посвятивших себя этому делу. Это уже не случайные домыслы, самопроизвольно отлагающиеся результаты жизненных столкновений, а планомерно выработанные и развитые системы воззрений специалистов науки и философии.

Эти завещанные историей «философии» далеко не во всем удовлетворяют нашим теперешним тео етическим требованиям. Каждая из исторически сложившихся философий стоит под влиянием весьма разнообразных элементов и сторон жизни своей эпохи; каждая отражает в своих высших достижениях лучшие стороны гения своего автора, но не охватывает „истины" и «действительности» с той полнотой, с какою мы, по нашему мнению, можем сделать это сейчас на основании имеющихся у нас данных: каждая носит на себе печать современного ей состояния научного знания, теперь уже превзойденного и покинутого, и т. д Поэтому, хотя каждая лучшими своими мыслями может выяснять нам какую-либо частичную сторону мира истин, тем не менее, ни одна не может удовлетворить всем запросам нашего ума

Эти сложившиеся в истории „философские системы" группируются в *школы*, или направления. Через всю историю человеческой мысли проходит ряд основных противоположностей в точках зрения, в методах и приемах анализа и в содержании теорий. Часто оказывается, что эти сталкивающиеся одно с другим направления представляют собою односторонне разработанные, частичные точки зрения, сами по себе отнюдь не ложные, но имеющие в составе целого лишь подчиненное и ограниченное значение. Будучи основательными в своей узкой сфере, они оказываются ошибочными, как только возводятся в общие, всеобъемлющие принципы.

3. Изучая, критикуя, частию отвергая, частию исправляя и расширяя эти традиционные философии, и с другой стороны, внося новые, вырастающие из жизни запросы, точки зрения и новый материал, всякий самостоятельный мыслитель постепенно создает из всего этого новые воззрения и учения. Прежде всего, он вырабатывает удовлетворяющий его *канон* научно-философской *доказательности* и остальные моменты методологической стороны дела. С другой стороны, у него создается *общее* научное *учение о философии* и о всех отдельных «философиях», о их генезисе, психологических корнях и логических предпосылках, о их основных типах и значении каждого типа в различных отношениях, и т. д. Такое научное представление о философии и философиях можно назвать *психологией и философией философии.* Наконец, мыслитель вырабатывает и свою *систему воззрений*—такую, которая кажется ему наиболее обоснованной, верной, истинной.

При таком обосновании своей «философии» на логической и философской методологии, на культурно-исторической психологии и истории науки и философии будет всего более шансов на то, что эта философия окажется сравнительно обоснованной и состоятельной (конечно, при наличности подлинной способности к творчеству, к самостоятельному вниканию в проблемы).

4. Каждый мыслитель несет ответственность только за *свои* воззрения; он не может отвечать за всю вообще и всякую философию уже просто потому, что такой «философии», как единой

системы воззрений, просто-на-просто не существует. Это особенно важно понять и постоянно иметь в виду новичку в философии, естественно склонному поддаваться власти слов и полагать, будто все, что называется одним и тем же термином, имеет и один смысл. Надо всегда помнить, что одним и тем же общим термином обозначаются весьма различные системы воззрений. «Наука» и «философия» *не существуют реально* ни в виде какой-либо одной или нескольких готовых, отпечатанных *книг*, ни в виде системы мнений какого-либо конкретного *лица*. Это живые целые— некоторые стихии мысли, никогда не бывающие законченными, всегда движущиеся, идущие вперед к идеалу полного знания (и никогда, конечно, вполне этого идеала не достигающие). Они лишь *идеально* представляются нам окончательно сформированными и неподвижными. Правда, в них есть более или менее несомненные элементы; но эти центральные элементы окружены рядом слоев менее твердо и менее всеобще установленных положений, а затем широкой областью гипотетического, допускающего различные истолкования, мало или почти вовсе не исследованного, и т. д.

5. Поэтому-то так сложно и так трудно настоящее научное образование. Оно не сводится только к простому усвоению, хотя бы и сложной, но готовой системы положений; оно в гораздо большей степени состоит в овладении *способностью* исследовать, самостоятельно рассуждать, *мыслить*, освещать проблемы с *своей* точки зрения. Для этого требуются некоторые принципиальные исходные пункты, определенные методологические приемы, критерии истинности и доказательности, известные ориентировочные и систематизирующие схемы и т. д. И работа каждого прошедшего научную школу (все равно в какой науке: в математике или физике, ботанике или философии) сводится к оценке с этих принципиальных точек зрения всего создаваемого им ли самим или высказываемого кем-либо другим утверждения, в признании его либо истинным, либо ложным, либо вероятным, возможным и т. д. и во включении его в систему своих знаний, либо исключении из таковой.

Эту особенность научного и философского образования хорошо отметил Кант, говоривший в своих лекциях, что он учит не той или другой „философии", а учит *философствовать*, т. е. самостоятельно применять к предмету свои духовные силы, вырабатывать свое собственное пониманне, а не пассивно усваивать что бы то ни было с голоса авторитета.

Соответственно этому и моя задача—„учить вас философии не в смысле уговаривания, убеждения вас в истинности той или другой догмы, ни—тем менее—навязывания вам таковой, а в смысле содействия воспитанию вашего «суждения» в области философских и научно-методологических проблем. Я обращаюсь к вашей самодеятельной, независимой мысли, призываю вас самостоятельно относиться к каждому вопросу... Не верьте мне,—верьте

своему собственному приговору,—конечно, не тому, какой может у вас возникнуть из первого, безотчетного впечатления, при малом знании вооруса, а тому, который составится в результате вашего максимального внимания к каждой проблеме, изучения ее, вдумывания в нее. Научное образование, составляющее нашу цель, обладает счастливой судьбой: оно *свободно*, но не в смысле суб'ективного произвола, а в высшем смысле *свободы в пределах истины, как идеала*. Полная система истин нам не дана: она лишь «задана», составляет безконечно далекую цель наших стремлений... Для научного мышления характерна комбинация индивидуальной свободы искания истины с регулирующим это искание об'ективным, сверхличным идеалом, которому это искание подчиняется. Это постоянное присутствие в научной работе—явное или подразумеваемое—свободно нами избираемого и в то же время общеобязательного идеала истины, это непрерывное духовное прикосновение к (своему собственному) идеалу, проникновение им и составляет основу того великого и благотворного влияния, какое оказывают на характер человека его научные занятия.

Наука имеет и свои внешние, прикладные, об'ективные результаты: она могущественно влияет своими изобретениями на весь уклад жизни... Но у нея есть и своя внутренняя, психологическая сторона, свое специфическое влияние на мысль и характер человека. Чтобы «усвоить» науку, надо не ее поглотить в готовом виде, а самому быть поглощенным ею, как стихией, в нее надо войти, усвоить ее до известной степени всем своим существом, ей надо подчинить всю свою жизнь. Надо привыкнуть ко всему относиться *научно*, т. е. критически, аналитически, систематически, исторически, и т. д.; надо ввести привычку к научному размышлению в обиход ежедневной жизни. Книга и научное размышление должны стать естественным продолжением повседневной жизни. Научное мышление должно тесно слиться с практической работой, сделаться одним из ее существенных, неот'емлемых элементов; оно должно осветить и осветлить и внутренно преобразовать человека.

6. В применении к философии это—дело еще более трудное, чем в отношении других наук. При ознакомлении с философией приходится преодолевать сложность терминологии, отвлеченность и тонкость многих проблем, множество ходячих недразумений и неправильных воззрений и т. д. Моя задача—помочь вам пройти через эти трудности, подвести вас к вопросам вплотную, разложить «трудное» (которое по большей части является просто *очень сложным*) на его гораздо более легко усваиваемые элементы, кое-что в начале упростить, не вульгаризируя, сохраняя научную значительность проблем. Я должен заставить вас почувствовать, что известными вопросами вы действительно владели, известные трудности победили. Я должен приучить вас сознательно относиться к терминам и понятиям, искать всегда их основного, первоначального смысла, выясняющего и все производные их значения (что,

кстати сказать, теперь так трудно—почти невозможно—из-за незнания большинством тех языков, из которых взята научная и философская терминология: латинского и греческого). Неясное понимание значений терминов является одной из главных причин спутанности обыденного мышления, бесплодности многих споров и разсуждений. И одним из первых признаков человека, прошедшего настоящую научную школу, служит сознательное отношение к тем понятиям, которыми он оперирует.

Каждое новое поколение людей приносит с собой и в себе новый запас сил, новый под'ем энергии и одушевления, новый порыв энтузиазма к труду. И наша с вами общая задача—направить эти силы и этот духовный порыв на искание научной и философской истины.

7. Слово *философия* (по-гречески корень „фил"=„люб"; корень „соф"=„мудр"; философия=любовь к мудрости, философ=друг мудрости,—тот, кто любит мудрость) образовано по менее обычному для сложных слов типу. Более обычный тип тот, где корень, обозначащий действие, стоит вторым, первый же обозначает прямое дополнение; так, „психология"=наука о душе, „славянофил"=друг славян и т. д. Напротив, в других, менее многочисленных сложных словах корень, обозначающий действие, стоит на первом месте, а корень прямого дополнения на втором; таковы: философия, филология (=„любовь к слову"), филеллин (=„друг эллинов"; так назывались в 20-х годах XIX в. те, кто сочувствовал грекам, восставшим против турецкого владычества) и т. п. Если бы наш термин был образован по более обычному типу, он принял бы форму, скорее всего, „софифилия" („софофилия" означала бы не «любовь к мудрости", а „любовь к мудрецам"). По русски есть точные переводы обоих форм: и действительно существующей, и только что указанной возможной: а именно, „любомудрие" и „мудролюбие".

До Сократа термин „философия" в Греции не был в общем употреблении: употреблялся лишь глагол philosophein в значении „интересоваться мудростью". Умные, ученые и „образованные люди, мыслители назывались первоначально „мудрыми" (sophoi); позже, в V в. до Р. Х. появился термин *софист*[1])

[1]) Получивший потом порицательное значение.

(„мудрец"),—так называли себя платные учителя красноречия, наук и философии. Сократ, учивший безплатно, по свободной внутренней потребности в уяснении истины самому себе и передаче ее другим, по вдохновенной любви к знанию, противополагал себя этим обладателям истины, „мудрецам" и довольствовался более скромным именем „философа", т. е. человека, всего только стремящегося к мудрости, любителя ее. Однако, как это неоднократно бывало в истории, победу одержала именно скромность, —проникнутое сознанием своей силы лукавство „унижения ноге гордости", и термин „философия" связался навсегда с понятием мудрости.

8. Философия — в основе своей—есть *наука*. Каков же ее предмет? Каковы особенности, отличающие ее от остальных наук?

Прежде всего, философия есть наука, в известных отношениях *всеобщая*—в отличие от остальных —частных, или специальных наук. Каждая из специальных наук изучает одну какую-либо сторону „предметов" или какую-нибудь группу вещей или фактов, событий; философия изучает—с своих, специфических точек зрения,—„предметы" *всех наук*, и не только всех наук, но и содержание *всех* вообще *культурных систем*.

Во-вторых, философия имеет своим содержанием преимущественно вопросы *пределные. пограничные* в системе человеческих знаний—те, которы и человеческое познание либо начинается, либо заканчивается. Вопросы философии суть либо *первы-* (в логическом порядке), исходные, либо *послдние*, *завершающие* вопросы нашего ума.

В связи с этим стоят некоторые *методологические* особенности философии. О методах ф-ии мы скажем в своем месте. Здесь отметим лишь то, что „пограничность" вопросов философии делает в этой науке более необходимым и неизбежным, чем в других науках. применение *гипотез* (какого типа, об этом см. ниже). Правда, гипотетична и часть положений специальных наук; но в философии относи-

тельное количество гипотез больше, чем в других науках, и нередко шансы этих гипотез на доказательность слабее, чем в специальных науках.

9. Какие же „предметы", или проблемы *общи всем* наукам и *всем* культурным системам? Таких проблем *три*, и они составляют содержание трех основных отделов философии. Это проблемы: 1) *метода*, 2) *системы* и 3) *оценки.* Ни одна из этих проблем (в их *общей* постановке) не составляет содержания какой-либо другой науки. Этим совершенно ясно, точно и твердо отграничивается специальная область философии.

Поскольку философия занимается первою из этих проблем она есть *всеобщая методология.* До сих пор разработана преимущественно методология знания, *науки;* однако, *принципиально* в философию должна входить и методология техники, и методология искусства, общественности, политики, религии... И некоторым мыслителям эта идея была очень близка. Знаменитый в свое время Иер. Бентам ставил задачей своей великой жизненной работы по пересмотру всех основ права, законодательства и политики—„создание *логики воли* в параллель с уже существующей логикой знания". Его последователь и ученик Д. Ст. Милль делает несколько замечаний о той же проблеме в конце своей „Системы логики", —в главе, посвященной „Логике практики, или искусства, включая сюда этику и политику"... „Существует, говорит там Милль, некоторая philosophia prima („первая философия") и в области практики (или *искусства жизни*)", в которой Милль различает сферы *этики* (или справедливого) благоразумия, или *политики* (целесообразного) и *эстетики* (прекрасного, „благородного")... „Существуют не только первые принципы знания, но и первые принципы поведения"—общий метод „искусства", или практики в его отличии от метода науки.

Однако, в виду неразработанности проблем методологии практики (чувствований и действий, настроений и воли), обычно в этом, методологическом от-

деле философии приходится говорить почти исключительно о методологии знания и науки. Так поступим и мы. Некоторые вопросы методологии практики могут быть затронуты в отделе, посвященном теории оценок, так как вся „практика" руководится оценками и имеет целью достигнуть удовлетворения наших оценивающих функций.

В этот первый, методологический отдел философии входят следующие дисциплины: 1) *логика*, 2) учение о познании, или *гносеология*, 3) *методология наук* (а частию и других культурных систем), опирающаяся, с одной стороны, на логику и гносеологию, а с другой—на факты истории наук.

10. Термин „логика" происходит от греческого слова *логос*, имеющего несколько связанных одно с другим значений: 1) мысль, мышление, рассуждение, а также основание, доказательство, смысл и т. д.; 2) слово, как выражение мысли и 3) то, что мыслит,—ум, разум и т. п. Для некоторых мыслителей (напр., для Гегеля) логика была учением о мыслящем, о *разуме* в его безлично-мировом аспекте. У Аристотеля его „аналитика" ориентировались на принципах его субстанциалистической метафизики. У того же Аристотеля и у многих „номиналистов" логика имела связь с теорией *словесного* выражения мысли. Однако, наиболее обычно логика понимается как „то, что связано с *мыслью*", как теория мышления, притом по преимуществу мышления *познающего*.

Конечно, и мышление «выразительное» имеет свою «логику», свои особые методы, но последние не совпадают с „логикой" в обычном смысле и, к тому же, они очень мало разработаны.

В настоящее время логика переживает кризис; она находится в периоде перестройки, наплыва новых идей. У ее создателя Аристотеля логика была по преимуществу частью метафизически, частью грамматически обоснованной теорией понятий („категорий") и особенно *силлогизма*, являющегося формой *готовых* аргументов, связных цепей уже составленных суждений, между которыми силлогизм и устанавли-

вает отношения обоснования или отсутствия обоснования. В средние века аристотелево учение о понятиях получило метафизическую постановку (в спорах между „реалистами", „номиналистами" и „контептуалистами", или „сермонистами"), а затем, после победы номинализма в XIV веке (Вильгельм Оккам), постепенно подготовило новое аналитическое учение о познании и новую методологическую логику. В новое время логика разделяется на несколько направлений. У мыслителей рационалистического направления логика принимает характер „формальный" (такова, напр., составленная в декартовском духе так наз. «Логика Пор-Рояля»). У эмпириков логика развивается в сторону методологии «реальных" наук (у Фр. Бэкона, позже у Д. С. Милля). У некоторых мыслителей она обнимает и математику, как часть научного процесса (в трудах Галилея, Кеплера, Ньютона, Лейбница мы находим глубокие идеи этого рода). Наконец, начиная с Канта, в логику широкой струей вливаются исследования из области гносеологии. Поэтому многие немецкие мыслители даже прямо сливают учение о познании с логикой. Так поступает, напр., В. Виндельбанд, различающий (в статье Die Prinzipien der Logik, помещенной в I томе Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften) в составе логики *четыре* отдельных дисциплины: 1) общее учение о формах знания, или *феноменологию* знания, 2) чистую, или *формальную* логику, как учение о нормах познания, 3) *методологию*, или учение о методах наук и 4) *теорию познания* (имеющую, по Виндельбанду, онтологический характер). Соответственно этому в немецких университетах логика и теория познания читаются по большей части в виде одного курса, под заглавием Logik und Erkenntnistheorie. У нас слил логику с теорией познания А. И. Введенский в своем курсе „Логика, как часть теории познания".

11. Учение о знании и познавании (*гносеология*, от греч. *гносис*—знание) выделилось в отдельную дисциплину лишь сравнительно поздно. Правда, еще софисты подвергали сомнению возможность знания, а

Сократ выдвинул против них методы „индукции“ и определения понятий, как надежные приемы познания; правда, что Платон широко применял эти приемы и построил на их научную методологию, Аристотель систематизировал их (в связи с силлогизмом) в своих двух Аналитиках и других сочинениях, а позднейшие скептики вновь подвергли пересмотру и сомнению основы познания... Тем не менее, в общем на первом плане был всегда „онтологический“ интерес (к проблеме *бытия*, а не познания)... Лишь с конца средних веков, с торжества „номинализма“, признавшего „общности“ *продуктами* человеческого *ума* и словесными обозначениями, возникает вопрос о разложении „общих понятий“ на единичное, на конкретные восприятия и другие элементы, что и выдвигает вперед проблему *познания.*

Вильгельм Оккам и его школа (XIV век) подготовляют почву, на которой в XVI—XVII вв. начинается критика познания (Фр. Бэкон, Декарт и друг). Локк впервые обособляет для анализа познавательную проблему, ставя ее задачей своего „Опыта о человеческом разуме“. У Локка, как и у шедших за ним Беркли, Юма и др., прослеживается *индивидуально-психологическая* сторона проблемы—процессы возникновения в индивидууме познавательных состояний — и оставляется сравнительно на втором плане сторона *логическая*: 1) процессы, приемы и нормы *оценки* результатов познавательного процесса, как истинных или ложных, 2) строй знания и науки, как систематических, внутренно замкнутых и связных целых. Впоследствии, особенно с Канта, эта „логическая“ сторона анализа познавательных процессов выступает на первый план.

Таким образом, эту часть общего учения о познании можно разделить на следующие главные отделы: 1) на *психологию познавания*, изучающую субъективно-индивидуальные процессы познания; 2) на *логику знания*, как такового, как внутренно-связной и законченной и систематически построенной сферы

об'ективных, безличных результатов познания. Особое место занимает 3) *критика познания*, анализирующая, с общей, философской (не специально психологической) стороны вопросы о соотношении в составе познания между элементами суб'ективными и об'ективными. Наконец, 4) сюда же надо отнести *общую историю познания и его приемов и методов*, эволюцию познавательных форм и единиц как в человечестве, так отчасти и во всем ряде последовательно развившихся живых существ.

Отдельно от этого ряда общих методологических дисциплин следует поставить *частные методологии* отдельных областей научного знания, а также и других культурных систем. Такие теории частных, специальных методов предполагают широкую разработку истории наук и остальных сфер культуры: только детальное рассмотрение истории научных исследований в различных областях, их достижений и ошибок, вообще всякого рода открытий и изобретений может создать основу для полной теории методов. В этой области предстоит еще громадная работа: история наук (и других культурных систем) известна нам далеко не полностью, а лишь в отрывках.

12. Вторая группа вопросов, входящих в состав философии, обнимает проблемы *систематизации* данных научного знания и других культурных систем в некоторое общее и цельное представление о мире, о природе, человечестве и о самом индивидууме в его отношении к миру, природе и обществу. Совокупность этих данных составляет то, что называют „мировоззрением" и что служит основой суб'ективного „мироощущения".

Вопрос о том, что такое „мировоззрение", вообще еще не вполне выяснен. Интересно в этом отношении сопоставить то воззрение, согласно которому всякое вообще мировоззрение определяется *исключительно* классовым самоопределением и самосознанием суб'екта (в разных формах в сочинениях, специально посвященных историческому материализму) с

воззрениями хотя бы *В. Дильтея* (в статье „Сущность философии"—в книге „Философия в систематическом изложении". представляющей собою один из томов серии Die Kultur der Gegenwart) или *В. И. Вернадского*—о „Научном мировоззрении" Оба последние автора отмечают *сложный* характер „научного мировоззрения" каждой эпохи, зависимость его от современного состояния научного знания и влияние на него других культурных систем. Мы убеждены в том, что оба указанные воззрения частично правы. Несомненно, общественно-классовый момент играет видную роль в мотивах и динамике мировоззрения; но материал последнего берется из весьма разнообразных источников. Центральное место ссставляют положения научного знания, *как оно понимается в данную эпоху*. Однако, эти положения отдельных наук, в силу их разрозненности, требуют связи, систематизации, основания и выводы отдельных дисциплин должны быть поставлены в определенные отношения для того, чтобы они могли стать элементами целого. На ряду с этим в „мировоззрении" должны учитываться и положения *философской методологии*, указывающие степень познавательной ценности различных единиц познания (законов, гипотез, аналогий, фикций и т. д.); а в зависимости от такой оценки и в меру ее учитываться и сами эти гипотезы (в космологически-онтологической сфере),—и наконец, точки зрения и выводы, вытекающие *из оценивающей* деятельности человеческого ума. Во всяком случае, те крайности, в какие впал покойный *В. Шулятиков* в своей книге „Оправдание капитализма в новой философии" (в смысле сведения *всей* философии на простое *отражение* отношений производственного разделения труда) являются совершенно неприемлемыми; они представляют собою недопустимое упрощение серьезной проблемы, сопровождавшееся, к тому же, полным игнорированием самых *несомненных* фактов из истории научно-философской мысли (напр., Шулятиков игнорирует влияние *математики* на философию Декар-

тн и Лейбница, *эстетического* созерцания величия механизма мировой машины на Спинозу и т. д., и т. д.).

14. *Третий* отдел философии—это область вопросов, связанных с фактами *оценки*, оценивающих деятельность человека. Мы можем выделить в этой области, с одной стороны, общую теорию оценивающей функции человеческой психики, ее происхождение, психологические корни, общие методы, главные отделы и т. д., а с другой—теории частных, специальных видов оценок. Общая теория ценностей и оценок еще мало разработана. Более изучены специальные виды оценок, к каковым относятся: 1) оценки характера жизненно-практического (с точки зрения целесообразности, пользы, выгоды, удобства и т. п. соображений); этого рода оценкам подчиняется вся область интересов (включая и „жизненную лирику") и всякого рода техника; 2) оценки эстетические, дающие начало искусству; 3) оценки общественно-этические (как в форме сочувственного, альтруистического переживания чужих интересов, так и в форме действования по принципам); 4) оценки космически-идеализирующие (религиозные); 5) оценки теоретические, или познавательные (с точки зрения „истинности"). Эта схема типов оценок уже, в сущности, встречалась нам в этом курсе, так как на ней был основан перечень культурных систем. Отдельные теории оценок дают основание для ряда специальных „оценочных" философий, каковыми могут быть, напр., философия искусства, философия общественности, философия техники, философия религии, философия науки, наконец, охватывающая все их—философии *жизни*, как целого...

15. Эти три отдела философии (методологический, систематический и оценивающий), охватывая всю науку и все вообще культурные системы как со стороны их *основания* (метода), так и со стороны систематизации их *результатов* и *оценки* их, как целых, уясняют нам, приводят нас к сознанию культуры, как целого. Поэтому можно сказать, что философия есть осознание человеком основ той культуры, кото-

рою он живет, или *самосознание* культурного, общественного человека,—коротко говоря, *самосознание культуры* (в человеке).

Само собою разумеется, что такое самосознание культуры не дано раз навсегда; оно не неподвижно, а изменяется в зависимости от изменения самой культуры. И всякая новая эпоха, всякий новый культурный народ или общественный класс *перерабатывает* это самосознание соответственно *своей* культуре, принимая, конечно, во внимание, общую культурную традицию и исторически накопленное знание.

Это „самосознание культуры", принципиально говоря, должно быть *независимым* от какого бы то ни было внешнего авторитета: философия должна обращаться только к *разуму*, к *мысли* человека,— ее последней основой не могут, не должны быть ни так. наз. „откровение", ни „мудрость веков", традиции старины, ни инстинктивные, безотчетные уверенности, ни голос эмоций и настроений. Философия есть, прежде всего, наука; а потому она подлежит всем разумным критериям истинности и доказательности, логического обоснования и рациональной уверенности. Очень многие мыслители определяли „философию" как внутренно согласованную и проверенную систему *понятий*, продуктов человеческой мысли.

Конечно, нередко бывало и бывает, что философия теряла эту свою самостоятельность, эту независимость от чего бы то ни было, кроме доводов разума. Сказывалось это обычно на том отделе философии, который касается проблем «мировоззрения» в узком смысле, и об'яснялось весьма сложными историческими причинами—обратными влияниями на философию со стороны других культурных систем. Но поскольку философия твердо держалась и держится принципов критико-методологических, постольку она в общем оставалась и остается независимой от этих привходящих влияний.

Соответственно этому и мы отстаиваем максимальную возможную независимость философских то-

чек зрения и методов анализа и возможно строгое проведение „судящей“ (греч. термин: „критической“) позиции философии. Вспомним, что греческая философия создалась только тогда, когда древне-греческая мысль вышла из подчинения религиозному авторитету и начала под влиянием новых потребностей и запросов *самочинно* исследовать проблемы бытия и познания. С такого же освобождения критической мысли начинала философия всякий период своих успехов.

В этой принципиальной независимости философии от отдельных культурных систем, в этом возвышении ее точек зрения над каждой такой системой состояла главная причина, главный источник того освобождающего умственные силы влияния, какое имела следовавшая этим заветам философия. Правда, в полной мере такая независимость имела место лишь сравнительно редко; но даже частичное ее проявление сказывалось благотворными результатами. Рассматривая всю совокупность знания и культуры с некоторой более общей и широкой точки зрения, истинная философия не может не отучать человека от косного догматизма; представляя его уму динамику культуры, она делает его воззрения и оценки более широкими, более способными схватывать истинный дух и смысл явлений,—„диалектическими“ в том смысле, в каком это слово употреблял покойный Г. В. Плеханов.

16. Границы между указанными тремя отделами философии не надо понимать в абсолютном смысле. Это—не столько вполне замкнутые, отделенные друг от друга области, сколько *различные точки зрения* на один и тот же материал, различные стороны или подходы к одному и тому же содержанию—к совокупности того, что мы называем культурой. Действительно, к каждому предмету мысли мы можем подойти и с точки зрения метода его познания (или произведения), и с точки зрения его места в общем составе наших представлений о действительности, и, наконец, с точки зрения его оценки в тех или дру-

гих отношениях. Отсюда понятно, что эти три аспекта, три задачи философии, не смотря на различия в их исходных точках зрения, связаны друг с другом тем *материалом*, с которым они имеют дело.

К тому же сами эти три точки зрения в известной степени обусловливают друг друга; они составляют как бы отрезки одной окружности, непосредственно переходящие друг в друга, и решить, которая точка зрения исходная, очень трудно. Место того или другого элемента в системе мировоззрения об'ясняется его ценностью, его значением; значение зависит от того, в какой степени удовлетворяют нашим логическим требованиям методы, какими данный элемент познается или доказывается; методы, в свою очередь, имеют ту или другую ценность, и т. д. Особо важное значение имеет *оценка с точки зрения истинности* (*или ложности*). Что такое „истина", выяснить это ставят себе задачей логика и другие *методологические* дисциплины; но особенное значение „истине" мы придаем в силу наших *оценивающих* размышлений; а от высокой оценки истины зависит и то место, какое мы ей отводим в составе *мировоззрения*. Но то же самое имеет силу и в применении к основным понятиям прочих культурных систем. Так, строй и законы эстетически-творческой деятельности человека выясняет нам *методология искусства* (включающая и психологию творчества). На этих данных основывается та или иная *оценка* значения художественной деятельности для полноты и богатства жизни, для развития сил человеческой личности; а отсюда и то место, какое займет в нашем мировоззрении способность к эстетическому творчеству и продукты этой способности... Конечно, в „личных", суб'ективных философиях приговоры могут быть иные, чем в критической, научной философии, прошедшей школу специальной работы над этими проблемами: и, напр., художник (или вообще человек, живущий эстетически-творческой деятельностью) может процессы художественного творчества ставить в центре своего мировоз-

зрения, окрашивая ими все остальное и отводя „истине“ в собственном смысле второстепенное место. Но научная философия частию исправляет крайности личных взглядов, частию об'ясняет их, признавая их относительную ценность, в качестве исходных пунктов личного творчества.

17. Мы уже упоминали о связи между развитием философии, с одной стороны, и остальных культурных систем, с другой. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Каждый мыслитель, каждая школа и направление находятся под влиянием разнообразных запросов и потребностей своего времени; это заставляет каждого сосредоточивать внимание на известных проблемах и освещать их с тех сторон и точек зрения, к каким он—в силу ли этих влияний или индивидуальных особенностей своего ума и таланта —преимущественно склонен. В разные эпохи на лиц разного склада влияют проблемы различных культурных систем, а потому и философские теории имеют предметом разные группы тем. Конечно, и в пределах одной и той же темы от эпохи к эпохе освещения и решения вопросов непрерывно изменяются.

Всем этим об'ясняются преимущественно столь большие различия в воззрениях мыслителей, множественность известных нам из истории мысли философских направлений.

Поясним это несколькими примерами. Возьмем нескольких греческих философов и посмотрим на некоторые, наиболее очевидные рефлексы других культурных систем и запросов жизни, сказавшиеся на их воззрениях.

В философии Пифагора мы можем выделить, с одной стороны, элемент *научный*, и в частности особенно влияние математики и математического естествознания. Как известно (см., напр., „Досократиков“ А. О. Маковельского), пифагорейцы усердно разрабатывали теорию чисел и геометрию, акустику и астрономию, и влияние этих интересов сказалось в их основном онтологическом тезисе:

„число есть основа всего". На ряду с этим в состав пифагорейства входит религиозный момент,—верование в переселение душ (орфический момент), аскетизм, религиозно-этически обоснованная обрядность и т. д. Элемент искусства сказывается в высокой оценке музыки и постоянном пользовании ею, в эстетических и этических целях, в представлении о мире, как об эстетически построенном „космосе", о музыкальной гармонии небесных „сфер" и т. д. Наконец, социальные влияния делали пифагорейский союз замкнутой аристократической организацией частию коммунистического характера...

У Платона—по оригинальности и силе дарования, быть может, самого гениального из мыслителей всех времен и народов—мы,с первого же взгляда, замечаем сложное взаимодействие различных тенденций. Платон, как и Пифагор с его школой, также стоит под влиянием математики; математика в образовательном плане (в „Государстве") является лучшей подготовкой к тому философскому исканию „блага", которое делает человека общественным деятелем („правителем") в его коммунистическом государстве. Влияние математики видно и на метафизике Платона: его „идеи", как образцы вещей, в своей вечности, неизменности и типическом характере, аналогичным числам, и недаром под конец жизни Платон (в „Законах") истолковывал идеи, как числа. Понятна поэтому и известная из традиции надпись над дверями школы Платона—знаменитой Академии: „пусть сюда не входит никто, не изучавший геометрии". На ряду с математикой на платонизме видно и влияние формировавшейся тогда логики, выраставшей из софистической, а потом сократовской техники споров: детальное проведение выработанных Сократом приемов индукции и определения понятий, обоснование „идей" на понятиях и логической деятельности ума и проч. Глубоко подействовало на философию Платона и современное ему состояние религиозной рефлексии и космической идеализации. А именно, с одной стороны, Платон стоит в том

пункте эволюции греческой религиозной мысли, когда она, пройдя стадию насмешек над старыми богами и критики политеизма, переходит к подготовке нового монотеистического миропонимания, связанного с иной этикой. У Платона самой сердцевиной всего существующего, центром, „солнцем" подлинного бытия (т. е. мира идей) является *идея блага*—зародыш той монотеистической идеализации мира, которая позже, сочетавшись с иудейскими влияниями, восторжествовала в греко-римском мире в форме христианства. Другой стороной Платон соприкасается с древней орфико-дионисической религией Греции и ее мистериями (как и Пифагор) и также идет в том общем направлении, которое влекло античный мир к новой религии. Наконец, чрезвычайно важны и общественно-этические и педагогические мотивы философии Платона вообще и его известного коммунистического общественного строя в частности. Политический и моральный упадок афинской демократии, вырождение значительной части граждан в тунеядное чиновничество, состоявшее на содержании государства, заставили лучшие умы эпохи искать способов восстановить прежнюю доблесть граждан и былую силу Афин. Аристофан, осмеивая в своих комедиях модернистские формы афинской жизни, призывает к старине, к простому и честному земледельческому быту предков. Ксенофонт ищет образцов общественной доблести у варваров, идеализируя в своем романе „Воспитание Кира" старый персидский общественный и моральный строй. В противоположность этому Платон, использовав частию пифагорейские традиции, частию элементы дорически-спартанского военного порядка, создает нечто новое, открывавшее широкие перспективы и оказавшееся действенным в истории. Это—знаменитая картина коммунистического строя, развитая в диалоге „Государство". Все эти и другие элементы Платон, внутренно связав их, претворил и переработал в своем „платонизме" в стройное, органическое целое.

У Аристотеля мы почти не замечаем влияния математики на его философию; но зато очень сильно влияние как методов, так и точек зрений и понятий наук *биологических*, а также *исторических*,.. и т. д.

У стоиков и эпикурейцев внимание обращено преимущественно на вопросы практического поведения и этики, и в этой области они оказывают (особенно стоики) значительное влияние.

Из новых мыслителей на философии Локка несомненно сказывается его интерес к естествознанию и медицине и его политический либерализм; на Беркли религиозное рвение, с одной стороны, и естественно-научное влияние, с другой. На Канта опять многообразно влияет математика и математическое естествознание, а также этическая рефлексия и многое другое. Ницше представляет собою, в основе, тип мыслителя с эстестическим складом мысли. Для Конта, Д. С. Милля, К. Маркса и многих других на первом плане стояли проблемы социологические, окрашивая в соответствующий цвет и ставя в соответствующую перспективу все остальное, и т. д.

В этом влиянии, с одной стороны, принципов, методов и элементов других культурных систем, а с другой, запросов жизни, направляющих внимание мыслителей на одни пункты предпочтительно перед другими, мы и видим главный источник разнообразия высказанных мыслителями мнений и теорий.

В идеале философия должна найти надлежащее, обоснованное аргументами место для всех культурных систем—в меру их ценности и обоснованности в различных отношениях. Возможно, что однозначное и общеобязательное решение *всех* вопросов никогда не будет достигнуто; возможно, что всегда останется, допуская даже доказанность всех фактов, возможность хотя бы их различной оценки в зависимости от суб'ективных моментов (напр., общего оттенка пессимизма или оптимизма или мелиоризма, и т. д.). Тем не менее, несомненно, что всякое основательное изучение проблем приближает нас

к выработке более состоятельных и могущих претендовать на большую общезначимость воззрений.

18. Философские (логические, методологические, гносеологические, онтологические, общественно-этические и т. д.) теории рассматриваются в их генезисе и корнях, в их основном содержании и в связи с другими сторонами умственной жизни в *истории философии*, имеющей большое значение для научного изучения философских проблем.

История философии излагается либо в виде истории развития учений мыслителей в их целом, либо в виде эволюции отдельных частей, или сторон философии (напр., история логики, история учения о познании, история космологических, этических и др. теорий и т. д.). В истории философии изучающий находит богатый материал фактов, проблем, точек зрения, который он может использовать при самостоятельной работе над вопросами философского порядка; вместе с тем он овладевает некоторыми основными тенденциями, некоторыми (условно говоря) „законами" развития научно-философской мысли и учиться подходить к каждой проблеме с научной, историко-эволюционной стороны. Нет необходимости выбирать (как это часто делают) какое-либо одно учение, в качестве наиболее удовлетворяющего запросам данного лица. Во всякой отдельной системе взглядов есть элементы отжившие, превзойденные дальнейшим развитием, связанные с условиями того времени, когда данная система создавалась. Научное изучение истории философии должно привести к другому: оно должно дать ряд лучших, наиболее удачных частичных достижений отдельных наук и дисциплин, школ и направлений, эпох и групп мыслителей, в качестве материалов для нового синтеза, для нового творчества, которое могло бы удовлетворить *нашим* запросам, нашим критериям истины...

19. В силу тесной связи философии с наукой (как в прежние века, так и в настоящее время) и история философии неразрывно связана с историей на-

уки. Приведу по вопросу об этой связи философии и науки несколько десятков строк из моей статьи „Предметная система в наших университетах и ее применение к философским наукам", помещенной в Журнале Мин. Нар. Просв. в 1907 году.

Было время, когда философы хотели просвещать представителей специальных наук; они дали ряд крайне важных и полезных общих идей, но в то же время впадали в разного рода ошибки, обусловленные тем, что они далеко не в достаточной мере владели фактическим материалом тех наук, о которых они говорили. Это вызвало совершенно законную реакцию, и наука отвернулась от философии... Но и эта эпоха прошла: философия стала яснее понимать свою собственную структуру, свою собственную методику,—из построительной она стала по преимуществу аналитической, критической И тогда в самой науке, внутри ея просыпается сознание необходимости философского отношения к ея собственному материалу. Прежде философия подчас насильно вторгалась в науку, теперь сама наука проникается до известной степени философскими точками зрения: сама наука создает философию или, точнее, ряд специальных научных философий, сводимых в одно целое философской теорией познания. Совершенно справедливо отмечает эту черту нашего времени, это взаимопроникновение философии и науки профессор *Файингер* (в книге: Die Philosophie in der Staatsprüfung). «Естественным наукам и наукам о духе, говорит он, противостоит, в качестве их общего принципа, всеобщая наука о принципах—философия. Везде понятия и аксиомы отдельных наук вторгаются из своей области в науку о принципах: понятия пространства, времени, материи, движения, причинности, жизни, цели, действия, нравов и нравственного настроения, исторического развития, ценности, разума, языка и т. д.—все эти понятия, на которых отдельные науки либо основываются, либо к которым они подводят, требуют принципиального и общего выяснения, и как раз такое выяснение их и называется философией. Собственно говоря, вместо столь часто повторяемого вопроса: «Можем ли мы, исследователи в области специальных наук, придти к занятиям философией?» надо предлагать другой, обратный ему: «Можно ли основательно разрабатывать какую-либо специальную науку, не переходя *из нея*, или даже *уже в ней самой*, к философии?»... В философию необходимо впадают все специальные науки, раз они разрабатываются основательно... все дороги ведут к философии, если только на этих дорогах не стоять на одном месте, а без устали и бодро идти вперед»...

В другом месте Файингер приводит целый ряд примеров проявления философских интересов новейшими учеными самых различных специальностей. Метагеометры, Гельмгольц, Георг

Кантор, Оствальд, Мах, Стало, Герц; Геккель, неовиталисты, Вундт—в науках естественных; Лампрехт, Бернхейм и другие историки, целый ряд языковедов, историков литературы, богословов—все они занимаются, каждый в своей области, философской задачей критики и реконструкции основных понятий. Список этот можно в наше время увеличить ad libitum; стоит припомнить, положим, еще огромную школу математических логиков и философов-математиков, Ферворна, Клиффорда, Клейнпетера и многих, многих других.

С некоторого времени, говорит Файнгер, философский интерес решительно растет, отличаясь при этом здоровым характером и естественной силой; и этот симптом здоровья состоит в том, что философские запросы вырастают из самих специальных наук. «Какой богатый импульс, какой расцвет обещает философии, казалось, отмерший многоветвистый ствол специальных наук!»

И философское преподавание, если оно не хочет безнадежно отстать от современного положения самой философии, должно обогатить себя научно-философским материалом, не жертвуя, конечно, своими собственными аналитико-методологическими принципами и точками зрения, на которые впрочем теперь уже и не посягает ни одна из специальных наук.

19. В строе самой философии, как науки, особо важную роль играет историческое рассмотрение ее проблем—*история философии.*

Развитие человеческой мысли идет по многим направлениям, из которых в каждую историческую эпоху, под влиянием очень сложных причин, преобладает одно или несколько; остальные же бывают оттеснены на второй план этими преобладающими течениями. Но когда подготовляется новый поворот мысли, представители новых воззрений обращаются к прошлому науки и философии, ищут там зачатков того, что складывается в их собственном мышлении, и часто убеждаются в том, что их «новые» точки зрения представляют те или иные давние и, быть может, даже вечные мотивы миропонимания, лишь временно оттесненные другими. Так, Лассаль ищет предшественника теории о диалектическом переходе противоположностей одной в другую в древне-греческом философе Гераклите, о котором он и пишет специальное исследование. Так, древние неоплатонники возобновляют идеи Платона; а неокантианцы XIX века—основоположения кантовой теории; так, во второй половине XIX века восстановляется кинетическая физика Декарта, после почти двух-векового преобладания ньютоновской динамической теории, и т. д. Нет и не может быть вечных и неизменных ответов на научные и философские вопросы: каждая теория, под влияниеме условий ее возникновения, делает слишком большое ударени на те стороны истины, к которым она особенно восприимчива и односторонне подчеркивает их. За-

тем, когда она сделает свое дело и утвердит в умах свою долю истины, начинают замечаться ее неполнота и односторонность,— выдвигаются новые проблемы, ранее не привлекавшие внимания, пункты, казавшиеся сами собою разумеющимися, но теперь вызывающие сомнения, и т. д. При решении этих новых вопросов ищут, как я сказал, аналогий в прошлом; и если не находят в нем готовых ответов, то, по крайней мере, ставят с ними в связь *свои* ответы. Вся эта работа требует большого внимания к истории науки и философии: *историческое* обоснование, наряду с методологическим, является объективным корнем научно-философского творчества. Развитие науки и философии, конечно, всегда идет в известном смысле *вперед*: постоянно (поскольку вообще культура не падает и не идет назад) расширяется научный материал, уточняются методы его изучения, становятся глубже аналогии объясняющих гипотез.. Но в пределах этого непрестанного движения вперед центр научного внимания, как ищущий луч прожектора, колеблется попеременно между известным количеством основных концепций, развивая каждую в последовательном ряде теорий все более сложных и широко обоснованных, принимающих во внимание все прежнее развитие мысли.

История науки и философии дает, далее, ученому исследователю уверенность в том, что он при изучении вопроса применил все пригодные из добытых до сих пор наукой и философией точек зрения, что он исчерпал цикл возможных объяснений; новые теории и точки зрения часто состоят в известного рода *переоценке* и постановке в *новые* взаимные *отношения* точек зрения прежних, в том или ином создающем новые мировоззрения их *синтезе*. И вот, элементы для этого синтеза и даются общим капиталом научно-философской традиции, т. е. историей науки и философии: без усвоения этого капитала невозможно в таких случаях и творчество нового.

Не меньшее значение имеет историческое изучение наук и философии и при научном образовании. Настоящего исторического документа, оригинального памятника мысли ничто заменить не может: подлинная научно-философская мысль, принадлежащая умершему прошлому, уже превзойденная и все же по своему и подлинно живая и свежая, действует чарующе на изучающего, и всякий, кто работал по источникам, знает это обаяние документов прошлого. При историческом изучении мы видим системы воззрений целиком, а не в их укороченном (и потому испорченном) виде как они фигурируют в популярных представлениях, не основанных на источниках, и это благотворно действует на изучающего, расширяя, обогащая сферу его концепций, умножая материал его мысли.

При этом каждое изучаемое воззрение является одновременно и со своей правдой, и со своей односторонностью, ограниченностью, т. е. с *под. иным смыслом* своих утверждений и отрицаний, каковой устанавливается опять-таки только исторической

связью с *целым* идейного развития... Этот смысл не поддается произвольному декретированию какое ему пожелают дать на основании каких-либо иных соображений - *вне связи с об'ективным ходом развития целого и с несомненно установленными фактическими данными*. И вот, исправить невольные заблуждения и ошибки популярного мышления, по большей части представляющего себе вопросы проще, чем какими они оказываются при дальнейшем ознакомлении с ними, без тех перипетий их смысла, какие они претерпели в истории,—все это сделать может и должно сделать тщательное историческое изучение.

На всем этом и основано огромное научно-образовательное значение исторического изучения научных и философских проблем. Лишь оно делает человека самостоятельным мыслителем, помогает ему избегать прежних ошибок и усвоить все ценные достижения прошлого, предостерегает его от наивной уверенности в достигнутости полной и окончательной истины, вскрывает перед ним динамику роста истины и технику методов ее достижения,— делает его отношение к вопросам критическим и истинно научным.

20. История философии в выборе материала значительно отличается от истории, напр., хозяйства и других социальных явлений, тесно связанных с определенной территорией и естественными условиями. В истории хозяйства той или другой страны или области мы следим за непрерывным процессом его развития и упадка,—мы включаем в свое исследование этот процесс в его *целом*. Напротив, в истории философии (как и в истории других идеологий,—напр., науки) мы *выделяем* в каждый момент из общей массы воззрений прошлых времен лишь то, что носило *прогрессивный* характер и приближало научно философскую мысль к тому, что мы считаем ее (относительно говоря) *последними* достижениями, к ее современному состоянию (так, как историк его понимает). Само собой разумеется, для этого необходимо иметь критерии оценки теорий прошлых времен в смысле большей или меньшей близости к современному их пониманию и к идеалу полного и законченного знания. Отсюда неизбежная зависимость подбора материала (по крайней мере, в деталях) и оценок от строя воззрения самого историка мысли. Конечно, крупнейшие теории войдут в каждую «историю», но общая перспектива, удельный вес отдельных воззрений могут устанавливаться различно. При этом историк философии не затрудняется переходить из одной страны, из одной общественной обстановки в другую—вслед за тем, как различные народы и страны становятся во главе идейного движения. Так, напр., за историей новой, механической картины мира

историк философии следит, начиная с ее зачатков в Англии и Франции (Р. Бэкон, парижская школа оккамитов XIV века), в Германии (Николай Кузанский, Коперник, Парацельс и др.), в Италии (Леонардо, Телезий, Дж. Бруно), переходя затем опять в Францию (с Декартом), в Италию (с Галилеем), в Англию (с Фр. Бэконом, Гоббзом, деятелями Лондонского королевского общества, Ньютоном и др.), в Голландию (со Спинозой), Германию (с Лейбницем) и т. д. Словом, история философии обосновывается на принципе отбора материала по его «ценности» и исторической действенности.

Правда, возможно и в истории философии прослеживание эволюции соответствующих отделов научной мысли на какой-либо определенной территориальной основе, включая *все* проявления такой мысли—как прогрессивные, так и застойные и упадочные. Так, можно написать историю философской мысли, положим, в Португалии, в которой не встретится ни одного из привычных нам имен первостепенных, руководящих умов. Это будет уже не *общая* история философии, всегда имеющая предпосылкой некоторую всемирно-историческую точку зрения, некоторое предположение о единстве развития человечества в целом, а территориальная, местная история философской мысли.

Пропитывание исторических изучений в области философии точками зрения *современной* мысли может идти довольно далеко. В таком случае получается некоторое взаимопроникновение прошлого и современности. На этом принципиально настаивает так наз. «марбургская школа» новокантианства: в своих исторических изучениях она выбирает из прошлого такие моменты, в которых сказывается особенное влияние тех тенденций и точек зрения, каких придерживается в философии сама эта школа. Можно сказать, что она изучает почти только своих «предшественников». И при истолковании их учений она выдвигает на первый план преимущественно черты согласия их с учениями самой школы. Несомненно, что при этом может получаться не совсем точное (или даже довольно неточное) воспроизведение прошлого, так сказать, в «фотографическом» смысле; но за то прошлое получает ясную связь с тенденциями, тянущимися от него к настоящему; оно истолковывается по его историческому «смыслу», получает в связи с настоящим особый интерес и значительность.

Другие исследователи истории философии заботятся преимущественно о возможно точном и полном воспроизведении мысли прошлого со всеми ее *фактически* имевшими место недомолвками, половинчатостями, противоречиями, не внося в нее систематизирующих тенденций в духе современных воззрений.

Обе концепции имеют свое значение. Если первая *осмысливает* прошлое, освещая его настоящим, и обосновывает настоящее, указывая ну его исторические корни, то вторая предохраняет от увлечений схематизацией и произвольной модернизацией прошлого.

21. *В. Виндельбанд* указывает, что в основе истории фило-

софии лежат три фактора: 1) *прагматический*, т. е. об'ективное содержание самих проблем—внутренняя необходимость мысли и «логика самих вещей»; на ряду с этим действует 2) фактор *культурно-исторический*—«философия получает свои проблемы и материалы для их решения из представлений общего сознания эпохи и из общественных потребностей»; наконец, к этому присоединяется важный фактор 3) *индивидуальный*—отпечаток личных особенностей и специальных дарований мыслителей. Работа исследователя в области истории философии сводится: 1) на точное установление всего, что можно почерпнуть из источников относительно жизни, духовного развития и учений отдельных философов, 2) на построение из этих данных генетического процесса таким образом, чтобы у каждого философа стала понятной зависимость его учений от его предшественников, от общих идей его эпохи, от его личной природы и хода его развития, 3) на оценку значения установленных таким образом и об ясненных в их происхождении учений в их отношении к общему капиталу истории философии. С точки зрения двух первых задач история философии есть наука историко-филологическая; с точки зрения третьяго момента—критико-философская.

22. История философии, если стоять на уровне современных научных требований, должна изучаться в связи со всеми теми моментами, с которыми философия связана в реальной социальной жизни: с экономическим и политическим состоянием общества, с успехами науки и т. д. Известный немецкий ученый, недавно скончавшийся *В. Виндельбанд*, автор переведенной и на русский язык «Истории новой философии», в самом заглавии этого своего труда говорит о своем намерении излагать свой предмет в связи с общей культурой и отдельными науками. К сожалению, однако, выполнение этого намерения автору не удалось, и совершенно правильно указано (*В. Вундт*. Введение в философию, рус. пер., Спб, 1902, стр. 170), что у Виндельбанда „связь с культурой и специальными науками стоит только на обложке". Гораздо больше внимания на связь философии с науками, с экономической и хозяйственной жизнью, с политическим развитием и общей культурой обращает другой крупный историк философии—датский мыслитель *Г. Гёффдинг*. Говоря о возникновении в XVI и XVII веках новой науки, Гёффдинг так формулирует эту точку зрения. «Практика, говорит

он (Histoire de la philosophie moderne, Paris, 1906, vol. I, 169—170), предшествует теории, а искусство — науке,—хотя впоследствии из теории может выйти новая практика, а из науки новое искусство. Так, гуманизм был результатом политического и социального состояния итальянских государств; и в свою очередь, благодаря ему, как направлению практической жизни, сформировалась новая теория, новое понимание человека. Подобно этому, механическая наука о природе вышла из процветавшей индустрии итальянских городов*). Чтобы иметь возможность показывать свое могущество и пышность, князья должны были покровительствовать искусствам и ремеслам; а благодаря этому индивидуальная сила и то напряженное сознание своего значения, какое имели горожане, направлялись на труд и изобретения в области индустрии. Города соперничали между собою в этом отношении; ремесленники старались превзойти друг друга в профессиональной ловкости и ревниво берегли новые изобретения и новые инетрументы. Практика обращения с силами природы увеличивала познание способов их действия и необходимо должна была пробудить интерес к отысканию их законов. Появления Леонардо да Винчи и Галилея нельзя понять, если не связать их с итальянской индустрией; точно так же и Помпонация и Макиавелли можно об'яснить, только связав их с развитием итальянского ума и итальянской политики".

23. История философии, как и все остальные *научно-исторические* дисциплины, возникла не ранее XIX века: до того времени существовала не столько «история», сколько «эрудиция»—нагромождение непроанализированных, случайно сопоставленных фактов. Особенно важное значение для образования истории философии, как науки, имели воззрения Гегеля. Гегель и философию подчинил той строго логической закономерности развития, в рамки кото-

*) Из этой же индустрии вышло и итальянское искусство Возрождения, как установлено историей искусства. *(В. И.)*

рой он старался уложить все бытие,—причем исторический процесс развития философии повторяется у него в строе *самой философии*, как теоретической системы: философия настоящего содержит в себе, по Гегелю, в виде ряда наслоений, весь прошлый процесс философской мысли. „Последовательность систем в истории философии—та же, что и логическая последовательность определений идеи в понятиях". Существует и существовала во все времена лишь *одна*, единственная философия, которая и развивалась в диалектическом процессе смены частных философских воззрений,—такова в высшей степени глубокая и плодотворная мысль Гегеля. Все отдельные системы (в том, что в них есть обоснованного и верного)—не конкурренты на полную и исключительную истинность, а либо *стадии* развития, либо частичные освещения отдельных *сторон* общей великой системы всеобъемлющих истин. Поэтому прошлое заслуживает не полного отрицания во имя „современного", а *понимания* его ограниченности, относительности и частичного включения его в более широкую систему истины в ее современном понимании. В „современной" истине стоит и действует каждая отдельная истина прошлого, „снятая" и „отмененная" в ее претензиях на полноту и всесторонность, но за то утвержденная в той части общей истины, какая пришлась на ее долю, и „поднятая" на высшую ступень своей связью и согласованностью с истинностью всех остальных «истин» прошлого и с новой истиной сегоднешнего дня. Иначе говоря, история мысли есть связный процесс эволюции, а не ряд катастроф. Последняя философия, говорит Гегель, есть „результат всех предыдущих: ничто не теряется,—все принципы удерживаются"... „История философии показывает, что различные философии суть частию лишь одна философия на различных ступенях ее формирования, частью что отдельные принципы, из которых каждый лежит в основе какой-либо системы, суть лишь ветви одного и того-же целого".

Резюмируя, можно сказать, что философия, как

и наука, состоят отнюдь не только из тех воззрений, какие разделяются сейчас большинством (или наиболее авторитетными из) мыслителей и исследователей, а *из всей совокупности развитых в ее истории точек зрения, методов и доктрин*, подвергнутой переработке, о которой я сказал выше. Часто именно превзойденные и отвергнутые теории и формы мысли впервые проясняют нам (по контрасту или по связи) так наз. „современные" воззрения; всегда они указывают нам стадии пройденного человечеством и закономерно развивающегося процесса науки, а потому они необходимо должны входить как в кругозор специалиста, так и в интересы изучающего науку студента.

24. О философских воззрениях первобытных народов мы знаем не особенно много. Правда, труды по истории первобытных религиозных верований, сочинения Тайлора, Г. Спенсера, Леви-Брюля, В. Вундта *) вводят нас до некоторой степени в мышление древнейших эпох; но весь этот материал не строго фиксирован во времени и является лишь необходимой исходной точкой для истории философской мысли в собственном значении этого слова. В древнейших цивилизациях Востока (суммеро-аккадийской, египетской, индусской, ассиро-вавилонской и др.) философская мысль была тесно спаяна с организованными религиями и с деспотической властью. Лишь в античной Греции наука и философия являются впервые как дело отдельной личности, самостоятельно и за свой страх пролагающей новые пути мысли.

В Греции не было единого, могущественного государства,— она состояла из множества мелких общин с более или менее демократическим строем; в ней не было единой, обязательной для всех религии,—древние греки жили, с одной стороны, местными культами, а с другой—поэтической, гомеровской религией, отнюдь не стеснявшей личности в ее воззрениях; в Греции не было и могущественного, организованного жречества, которое тяготело бы над мыслью отдельного человека.

Великое, вечное значение греческой культуры в истории человечества состоит именно в том, что в ней впервые получила особенно важное значение *человеческая личность*, что там впервые появился человек, как таковой, как самостоятельно—независимо от внешнего авторитета—ориентирующееся в жизни, мыслящее и действующее существо. Поэтому-то Греция создала науки, искусства, философию и многое другое, что, постепенно

*) См. статью Вундта «Истории философии» (из Die Kultur der Gegenwart).

развиваясь, легло в основу и нашей культуры, дошло и до наших дней. Поэтому-то к Греции и восходит историческое рассмотрение всех сторон современной культуры, и всякий, кто желает ознакомиться с их историей не в произвольно вырванных из общей связи клочках, а *систематически* и начиная с начала (ибо только при этом условии и может получиться «история», т. е. связный и последовательный процесс эволюции), всякий будет обращаться к этому источнику общечеловеческих форм жизни и мысли.

Совершенно справедливо говорит об отношении между восточной и греческой наукой (в частности математикой) *В. Шереметевский*, автор «Исторического очерка развития анализа и его приложений к геометрии», введенного в «Элементы высшей математики» *Г. Лоренца* (4 изд., стр. 96). «Составляя монополию жреческой касты, поддерживая ее престиж, играя подчиненную, служебную роль в отправлении религиозного культа, знания древнего Востока как бы канонизировались, приобретая неподвижность, свойственную религиозному догмату. Изложенные в форме догматических предписаний приемы счисления и практической геометрии (землемерия). *еще не составляли науки*, ибо не предполагали доказательств, исключали свободу обсуждения, а стало быть, и развития. Но это застывшее... знание Востока, выйдя... на светлый простор, под лазурное небо Эллады, начало организоваться в науку, обещавшую бесконечное развитие, не стесненное давлением вненаучных традиций».

Сторонниками восточного происхождения греческой философии были в XIX в. преимущественно два немецких ученых: Гладиш и Рёт. «Гладиш полагал, что в важнейших из досократовских систем повторяются без значительных изменений мировоззрения пяти главных восточных народов: в пифагорействе—китайское, в элеатстве—индийское, в философии Гераклита—персидское, в философии Эмпедокла—египетское, у Анаксагора—еврейское. Рёт был другого мнения: согласно его взгляду, древнее греческое умозрение возникло из египетского вероучения, к которому были примешаны (однако, в более или менее значительной мере лишь у Демокрита и Платона) представления, идущие из религии Зороастра (персидской). Лишь в лице Аристотеля освободилось греческое мышление от этих влияний. Однако, в неоплатонизме выступает еще раз египетское умозрение в его обновленной форме, а одновременно из круга идей Зороастровой религии (не без влияний египетских) выходит христианство». (*E. Zeller.* Die Philosophie der Griechen, I Teil, 1 hälfte, 5 Aufl. 1892, стр. 27 и след.). После обстоятельного разбора воззрений Гладиша и Рёта Целлер их отвергает как потому, что они многого не об'ясняют в истории развития греческой философии, так и потому, что в ней есть много фактов, прямо им противоречащих. И несомненно, что греческая философия в ее существенном содержании, а главное в ее *динамике*, пафосе, в лежавших в ее

основе стремлениях была, как я уже сказал, плодом *греческой* почвы.

Повторю еще раз: на Востоке начатки научно-философского знания, с одной стороны, имели преимущественно прикладной, технический характер, а с другой—стояли в полной зависимости от светской власти и от представителей религиозного авторитета. В школах при храмах и дворцах хранились кое-какие научные познания; но эти познания не составляли общенародного достояния: жрецы, маги строго берегли их от народа. Только в Греции впервые научно-философская деятельность стала *общенародной*; только там ей имел право и возможность отдаться каждый, даже самый непривилегированный, совершенно необеспеченный материально человек: вспомним бедняка «любителя мудрости» Сократа, а еще раньше жившего от своих песен бродячего рапсода Ксенофана, раба Эпиктета и многих других. В Греции впервые *каждый*, принципиально говоря, мог как изучать, так и преподавать науку и философию; научное знание впервые стало там *свободным*, общедоступным. Это сейчас же сказалось великими и плодотворными результатами и сделало Грецию колыбелью всех человеческих познаний. В Греции впервые родилась *человеческая личность*, как важнейший фактор культуры.

25. Греческая наука и философия зародилась на периферии греческого мира—в Малой Азии. Это об'ясняется, конечно, условиями общественной жизни этих цветущих тогда греческих колоний. Оживленная торговля со всеми окружающими странами, деятельный гражданский оборот, накопление богатств, образование класса людей, свободных от материальных забот, собравших множество сведений в путешествиях и в своей политической деятельности и организационной работе, напряженная классовая борьба—все это создавало удобную почву для умственного развития даровитого греческого населения.

Историю греческой философии можно разделить на три главных периода: 1) от первых ее начатков до софистов, 2) от Сократа от Аристотеля, 3) после Аристотеля, до конца независимой греческой мысли.

В первом периоде философия, с одной стороны, выступает с решительной критикой старой греческой религии, традиционного политеизма, а с другой—выставляет ряд научных попыток об'яснения мира в целом и в его отдельных частях и областях. За эту борьбу против старых верований и старых форм жиз-

ни и мысли на философов сыплются кары: пифагорейский союз подвергается ряду погромов; Анаксагора и некоторых других мыслителей изгоняют из тех городов, где они жили и работали,—а несколько позже афиняне присуждают Сократа к чаше с ядом за подрыв веры в отечественных богов и за развращение молодых поколений. И тем не менее, песни веселого старика-рапсода Ксенофана, поющего, что люди создают себе богов по своему образу и подобию, что у фракийцев боги белокуры и голубоглазы, а у ливийцев черны и плосконосы, и что, если бы быки создавали себе богов, то они изображали бы их в виде быков,—и смелые речи софистов о том, что богов выдумали слабые люди, чтобы угрозой их гнева удержать от насилий тех, кто мог бы наносить им обиды,—все это делаем свое дело,—и к концу V в. до Р. Х. принципиальные счеты со старым многобожием можно считать покончеными.

Что касается до научных теорий мыслителей этой эпохи, то я не буду здесь говорить о их воззрениях в отдельных областях научного знания: в математике, астрономии, биологии и т. д. Здесь я имею в виду дать лишь самую краткую и потому легко обозримую *схему* эволюции *основных* тем научно-философской мысли. При дальнейших ваших занятиях схема эта будет пополняться подробностями, конкретным материалом,—теперь же вы должны усвоить себе лишь самые общие ее контуры. Я убежден в полезности такого *концентрического* расширения познаний, сопровождаемого многократным возвращением мысли к одним и тем же проблемам. Поэтому я скажу только об *общих* мирообъясняющих и методологических теориях, какие мы находим у мыслителей этого периода. Я буду говорить только о «теоретической» философии мыслителей, не касаясь их этических и общественных воззрений: в области теорий бытия и метода можно до некоторой степени наметить схему последовательного, закономерного развития проблем и их решений в течение истории философии; напротив, в сфере практической философии каждая теория связана не столько с задачами, ставимыми культурной традицией, сколько с общественными условиями *данного* момента. А в виду разнообразия этих условий в отдельные эпохи и созданные в течение их общественно-этические теории отличаются гораздо большей пестротой и в меньшей степени допускают генетическую их схематизацию; ознакомление с ними требует более подробных пояснений, чем те, которые я могу дать в этом предварительном и совершенно схематическом очерке.

Первые попытки об'яснения мирового целого сводятся на выведение внешнего мира из того или другого *конкретного, чувственно воспринимаемого,* обладающего своими специфическими признаками вещества. Такова точка зрения «ионийских» мыслителей (Ионія — греческая область в Малой Азии), распадающихся на две школы: милетскую и эфесскую, по главным городам Ионии—Милету и Эфесу. Милетский философ, по преданию первый оставивший философское сочинение (оно до нас не дошло) Фалес (род. около 630 или 620 г. до Р. Х., умер сколо 550 г.) считал основным началом мира воду; его соотечественник Анаксимен (жил несколько позже Фалеса) выводил все из воздуха, эфесец Гераклит (около 540—475 г. до Р. Х.)—из огня. Все эти мыслители понимали свои материальные начала как обладающие в то же время и способностями к жизни и к сознательности: их материя была живая, а потому их и называют *гилозоистами* (греч. hyle=материя, zoe=живая). Несколько позже Эмпедокл из Акраганта (в Сицилии, приблиз. с 470 до 410 г. до Р. Х.) предлагает синтез, совмещение всех этих воззрений, признавая основными *все четыре* элемента („стихии" —stoicheia): огонь, воздух, воду и землю и сводя возникновение всех вещей на соединение и разделение частиц этих элементов силами „любви" и „ненависти", как бы притяжения и отталкивания. Этот четверной перечень материальных элементов усвоивают Платон и Аристотель, а от них он переходит и в средние века.

Другая группа мыслителей ищет основного субстрата всех вещей также в *материальном,* но не чувственно воспринимаемом, а *умственно построенном,* так сказать, позади вещей и в их основе. Сюда относится, прежде всего, милетец Анаксимандр (род. в 610 г. до Р. Х.) с его *apeiron* (греч. a - отрицание, *peras* - „предел")—„беспредельным"(в пространстве и по числу) и в то же время „неопределенным" (по качеству),т.е. с ближе неопределимой „первоматерией", сказали бы мы современным языком. Далее Анакса-

гор (род. в 500 г., умер в 428 г. до Р. Х.)—с его «гомойомериями» (homoios = подобный, meros = часть)—подобными одна другой частицами всех родов веществ и вещей, смешанными первоначально в хаотическом беспорядке, а затем устрояемыми мировым „Умом“ (греч. Nus) в космос—в стройное мировое целое. Наконец, Демокрит (род., вероятно, около 469 г.. умер в глубвкой старости) с его „атомами“—мельчайшими, далее неделимыми, изолированными друг от друга пустотой косными частицами, которые обладают различными, присущими каждому роду веществ и предметов геометрическими свойствами и формами. С точки зрения Демокрита, мир возник потому, что эти атомы разных форм и величин, под влиянием какой-то внешней причины, всей массой начали падать „сверху вниз“ в мировой пустоте; некоторые из атомов при этом „случайно“ отклонялись от вертикальной линии падения,—возникли боковые точки, в результате которых началось круговое движение мирового целого.

Все эти синтетические попытки представляют постепенный переход от чувственно воспринимаемых мировых начал к умственно построяемым.

Еще более выдвигается чисто мыслительный, рационалистический момент в третьей группе мыслителей до-сократовской эпохи. Это—Пифагор с его школой и элейцы.

Пифагор с о. Самоса (жил в VI веке до Р. Х.), глубокий ученый математик, физик, астроном искал*) основы мира не в какой-либо материальной субстанции, а в определяющей вещи *форме*, в известном принципе строя, порядка мира. Таким принципом Пифагор считал математическое начало—*число*.

Воззрения элейцев—мыслителей из города Элеи (в южной Италии)—обычно противополагают взглядам Гераклита. Гераклит указывал на то, что в ми-

*) О досократовских философах, в частности о Пифагоре и пифагорейцах и о их научных трудах см., помимо руководств по истории древней философии, прекрасную работу проф. А. О. Маковельского „Досократики“ (вып. I). Пока вышло 3 выпуска, должен выйти еще 4-й.

ре все изменчиво, все меняется и течет (panta rei), —в мире нет ничего постоянного, устойчивого: нельзя два раза войти в одну и ту же реку, потому что в любые два момента времени река уже не тожественна,—прежняя вода в ней стекла и течет новая. В противоположность этому элейцы доказывали, что мир есть некоторое целое—неизменяющееся, всегда себе равное, неподвижное. Все наблюдаемые изменения и процессы относятся всего лишь к области „мнения", видимости; тот же, кто способен отрешиться от пестроты чувственных восприятий и приобрести истинное познание при помощи ума, тот должен увидеть, что мир неизменен. На ряду с противоположением Гераклитовскому взгляду о всеобщей изменчивости, элейцы держались и учения о единстве мира—в противоположность всем сторонникам множественности, „плюралистам" (от латин. plus—«больше», «больше одного»), в частности и пифагорейцам. Элейцы развивали эти свои воззрения при помощи тонкого „диалектического" анализа понятий (в форме обсуждения их в „разговоре"—диалоге; отсюда термин „диалектика"). Наконец, у элейцев особенно была подчеркнута мысль (бывшая и у других школ: у пифагорейцев, атомистов и др.) о том, что в основе чувственно наблюдаемых явлений лежит некоторая система постигаемых умом принципов, нечто „истинно существующее". Впоследствии эта мысль была в метафизической форме развита Платоном в его „идеях", Аристотелем в его „формах"; она лежит в основе современной науки в виде признания в основе явлений системы устанавливаемых научной мыслью „законов", об'ясняющих эти явления.—Первый из элейских мыслителей рапсод Ксенофан из Колофона в Малой Азии (род. около 570 г. до Р. Х, умер в глубокой старости в Элее) воспевал единое, всемогущее божество. Научную форму этим мыслям придал элеец Парменид (род. около 515 - 510 г. до Р. Х.), учивший, что „есть лишь то, что существует; нет несуществующего; а потому нет и возникновения, нет и исчезнове-

ния". Мир есть единое статическое целое; всякая множественность и изменчивость есть лишь видимость. Ученик Парменида Зенон элейский (род. около 490—485 г. до Р. Х.) остроумными „апориями" опровергал существование в мире множественности, изменения, движения.

26. Это обилие противоречащих одна другой космологических теорий вызывает в V веке до Р. Х. интерес к причинам такого расхождения взглядов— интерес к критике самого знания и методов познавания. Критика эта выполняется *софистами* (греч. sophistes = мудрец). Деятельность софистов служит переходом ко второму, классическому периоду греческой философии. Горгий (из Леонтин в Сицилии; жил вероятно, с 483 до 376 г. до Р. Х.) полагал, что ничего достоверно познать нельзя; по преданию, его не дошедшее до нас сочинение носило характерное заглавие: „О несуществующем, или о природе". В нем он доказывал, что все наше познание имеет содержанием лишь видимость, что на самом деле ничего нет; и что если бы что-либо и было, то его нельзя было бы познать; наконец, если бы и можно было познать, то нельзя было бы сообщить другим. Таков „радикальный скептицизм" Горгия. Другой крупнейший представитель софистов Протагор (приблиз. с 480 до 410 г. до Р. Х.) выдвинул формулу „человек есть мера всех вещей": именно человек устанавливает бытие и способ существования тех вещей, которые действительно существуют, и он же устанавливает небытие тех, которые не существуют (panton chrematon metron anthopos, ton men onton hos esti, ton de me onton hos uk estin). При известном истолковании это учение Протогора делает его родоначальником философского „релятивизма" (латин. relativus=относительный)—теории относительности всякого познания и всего познаваемого к познающему суб'екту, и некоторые позитивисты ставят именно Протагора во главе позитивного направления мысли. Однако, при другом понимании из положения Протагора можно было вывести и суб'ективи-

стический импрессионизм и гносеологический произвол: если все познание зависит от „человека“ (познающего суб'екта), то значит, никакой об'ективной истины нет.

Против этих воззрений выступил гениальный афинянин, самоучка Сократ (469—399 г.), выдвинувший, в качестве несомненной, достоверной и потому *общеобязательной* (уже не зависящей от произвола и от случайностей суб'ективных, чувственных впечатлений) основы знания, *планомерно и критически вырабатываемые понятия* и создавший для получения таких понятий специальную методологию —методы „индукции“ (установления содержания понятий при помощи отвлечения и обобщения материала частных представлений) и „всеобщих определений“, закрепляющих эти индуктивно установленные содержания. Эту новую методологию Сократу развивал на проблемах этических и социальных, чем и заслужил впоследствии от Цицерона характеристику новатора, впервые „сведшего философию с неба, поместившего ее в города, введшего ее в дома“.

Гениальный ученик Сократа Платон (427—347 г. до Р. Х.), с одной стороны, продолжает и расширяет логические и методологические исследования Сократа, с другой, превращает сократовские общие „понятия“ в об'ективно существующие „идеи“—в некоторые онтологические принципы, стоящие позади мира чувственных вещей, в качестве их прообразов и реальных сил, делающих каждую вещь тем, что она есть. Свои „идеи“ Платон понимал, повидимому, как особые субстанции умопостигаемого характера, недоступные чувственному восприятию, лишь умственно созераемые человеком. Вообще древние мыслители были склонны понимать выставляемые ими принципы *вещно*, как некоторые реальные предметы. Античная мысль так же опиралась на понятие „вещи“ с ее постоянством непрерывного *бытия*, как современная видит везде «процессы»—с постоянством лежащего в их основе *закона*, т. е. повторяющегося, многократного *бывания*. Древние представ-

ляли себе мир, в общем, неподвижным, статически; современная наука понимает его в непрерывном движении, динамически...*) Платон стоял, конечно, в русле античной мысли; но при известной переработке, при истолковании „идей“ не в виде особых сущностей, а в виде *законов* мира явлений, его взгляды и сейчас могут считаться предтечами новой науки, и так именно и понимают их современные неокантианцы... Платон сумел охватить в одном систематическом целом и методологию знания, и онтологию, и психологию, и этику, и социологию с педагогикой и социальной политикой.

Аристотель, ученик Платона, живший с 384 до 322 г., разрабатывает в натуралистическом духе все отделы античной науки: физику и космологию, ботанику и зоологию, психологию, этику, политику, риторику, заново создает логику, поэтику и дает основы того воззрения на природу, которое в общем господствовало в течение почти двух тысяч лет после смерти Аристотеля и стало сменяться новым естествознанием лишь в XVII веке по Р. Х. В логике Аристотель создает обстоятельное учение о „силлогизме“—об общей форме расположения готовых, уже составленных рассуждений—и обрабатывает логические теории с точки зрения своей „субстанциалистической“ онтологии, в которой в центре стояла категория субстанции. В онтологии Аристотель перено-

*) Это сказывалось, напр., и на греческом атомизме (как и на других теориях). Мир представлялся греку в образе системы изолированных друг от друга *тел* и *телец*. Напротив, современная физика понимает мир скорее в виде системы *силовых* точек и линий, центров энергии. У греков на первом плане была материя, понимаемая как протяженная непроницаемость; у современных ученых—движение и энергия, по отношению к которым материя является лишь их носительницей. Эти мысли, сами по себе не новые, в последнее время были развиты с большим блеском О. Шпенглером в его Untergang des Abendlandes. Отрывок из этой книги, касающийся философии, издан по русски отдельно под заглавием „Философия будущего“ (Иваново-Вознесенск, 1922). См. также книжку В. Н. Лазарева: «О. Шпенглер и его взгляды на искусство» М. 1922 и брошюру четырех авторов «О. Шпенглер и закат Европы», М. 1921. Античный и новый типы атомизма, напр., Шпенглер характеризует как «стоицизм и социализм атомов. Античный атом был пассивным, слепым телом, по воле случая сталкивавшимся с соседними тельцами; западно-европейский атом представляет собою аггрессивное, энергическое начало, силою подчиняющее себе пространство». (В. Н. Лазарев, стр. 29).

сит платоновские идеи, бывшие „трансцендентными„ по отношению к конкретным вещам, в эти вещи, делает их „имманентными“ вещам и выделяет в их составе „формы“, или причины: формальную, целевую и действующую; он представляет весь мировой процес в виде самоосуществления этих форм, перехода их из состояния „возможности“, потенции в действительность. На все отрасли знания Аристотель наложил печать своего глубокого и широкого ума. При этом, в методе разрабоки вопросов Аристотель, в противоположность конструктивизму и широкому размаху воображения Платона, скорее эмпирик: он всегда собирает обширный фактический материал, делает перечни и классификации частных случаев, теорий и т. д.; он гораздо более Платона держится твердой почвы трезвой действительности. Об аристотелевской картине мира я скажу несколько ниже.

27. Третий, после-аристотелевский период греческой философии и науки характеризуется, с одной стороны, расцветом и широким развитием многих специальных наук: математики, механики, физики, астрономии, географии, грамматики и других, а с другой—сосредоточением внимания философов преимущественно на этико-практических вопросах.

Важнейшим центром научной работы стала основанная Александром Македонским в Египте, в устьях Нила, Александрия. Египетские цари Птолемеи создали там знаменитый «Музей» (т. е. учреждение, посвященное Музам, богиням знания, и «музыке», под которой греки разумели все содержание умственного образования)—с великолепной, позже погибшей библиотекой, с рядом учреждений для научных исследований, с богатыми коллекциями по многим отраслям знания и рядом школ для преподавания науки. Отсюда вышли великие имена: Эвклид, основатель науки геометрии; столь же великий Архимед, создатель механической статики, прямой предтеча Галилея, подающий почти через две тысячи лет руку новой науке; великие астрономы—Птолемей, Гиппарх, и Аристарх Самосский, высказав-

ший уже мысль, что в центре нашего мира стоит не земля, а солнце; математик Диофант; физик Герон; географы Эратосфен и Страбон; историк Полибий; грамматик Аристарх из Самофракии; анатомы Герофил и Эразистрат и многие другие первоклассные ученые. Однако, этот александрийский период процветания наук был непродолжителен. При Юлии Цезаре сгорела большая часть библиотеки Музея; а падение державы Птолемеев нанесло удар и системе научных учреждений. Тем не менее, славные традиции научной мысли еще долго остаются за Александрией; здесь в конце II-го века по Р. Х. образуется первая крупная христианская школа, сохраняющая некоторые античные знания, и разрабатывается, на основах древней философии, христианская догматика. Наконец, все это постепенно замирает с общим культурным упадком при нашествии новых народов (арабов).

28. В области собственно философской в первое время после Аристотеля на первый план выдвигаются школы: стоическая и эпикурейская. Обе школы держатся в онтологии материализма, в гносеологии сенсуализма; обе в основном повторяют ранее выработанные точки зрения и не создают чего-либо особенно нового и оригинального в теоретической области; обе главное внимание направляют на проблемы практические—на вопросы жизненного счастья и добродетели. Лозунгом стоиков является *добродетель*, состоящая в жизни, сообразной с природой и разумом, и независимость мудреца от внешних условий и от всего, над чем он не властен. Сила воли, твердость характера, нетребовательность, гуманное отношение к другим людям, космополитизм и признание принципиальной равноценности всех разумных существ—таковы были заветы стоицизма, имевшего большое распространение в римский период и оказавшего сильнейшее влияние на моральный склад эпохи. Стоицизм во многих отношениях был явлением, параллельным настроениям христианским. Стоическая школа (от названия того портика—stoa poikile, под

которым собиралась группа учеников создателя школы) была основана в Афинах около 308 г. до Р.Х. Зеноном с о. Кипра; ее крупнейшими представителями были Клеанф (331—232 г. до Р.Х.), Хризипп, (282—209 г.), Панэций (180—111 г., перенесший стопцизм в Рим), Посидоний (род. ок. 130 г., умер ок. 50 г.), Л. Анней Сенека (3—65 г. по Р.Х), Эпиктет (умер в 94 г. по Р.Х.), римский император Марк Аврелий Философ (во II веке по Р.Х.). Стоическая школа развила традиции одной из более ранних и менее значительных философских школ—школы кинической, основанной одним из второстепенных учеников Сократа Антисфеном.

Эпикур (афинянин, 342—270 г. до Р.Х.), примкнувший к традициям другой из „меньших сократовских школ"—киренской (Аристиппа), основал в 306 г. в Афинах „эпикурейскую школу", девизом которой было *разумное наслаждение*. Школа Эпикура жила и собиралась в купленном им в Афинах саду, от которого она иногда и называлась „садами Эпикура"; на ее дверях, говорят, была надпись: „Чужестранец, здесь тебе будет хорошо; здесь высше благо удовольствие". Эпикур был очень плодовитым писателем; но все сочинения его погибли. В физике Эпикур и его школа примкнули к демокритовскому атомизму, и это имело большое историческое значение, так как возобновление в XVII веке атомизма католическим священником Гассенди опиралось именно на эпикурейскую традицию. К школе Эпикура принадлежал римлянин Тит Лукреций Кар (99—55 г. до Р.Х.), изложивший эпикурейскае мировоззрение в замечательной дидактической поэме „О природе вещей".

К концу античного мира Афины стали, на ряду с Александрией, крупнейшим центром науки. Афины славились преимущественно своими четырьмя постоянными, организованными на частные средства их основателей философскими школами. Это были школы: платоновская (Академия), аристотелевская (Лицей), стоическая и эпикурейская („сады"). Позже

император Марк Аврелий Философ об'единил эти четыре школы в одно целое и назначил из государственной казны оклады 8 профессорам философии (по 2 в каждой из 4 школ) и двум профессорам реторики; таким образом, в Афинах впервые возникло учреждение, аналогичное позднейшему, создавшемуся в средние века „университету." *)

29. На ряду с практическим направлением в послеаристотелевской философии развились *скептицизм* и *эклектизм*.

Скептицизм возник естественно на почве стремления критически отнестись к методам познания и его возможности и достоверности. Чередование периодов конструктивных и скептико-критических вообще наблюдается в истории мысли. Сознание противоречий в полученных ответах на основные вопросы вызывает критику, сомнение в правильности употреблявшихся методов, недоверие к достигнутым результатам и пересмотр методологии познания. Такова была деятельность софистов в V в. до Р.Х.; таков был и послеаристотелевский скепсис.

Скептицизм был представлен тремя последовательно выступавшими школами: 1) Пирроном (около 360—270 г. до Р.Х.) с его школой, стоявшими на точке зрения радикального сомнения и требовавшими «воздержания» от суждений о вещах; 2) так наз. «средней Академией» (или второй и третьей „академическими", т. е. шедшими от Платона, школами), крупнейшими представителями которой были Аркезилай (315—241 г.) и Карнеад (214—129 г.). Средняя Академия держалась умеренного скептицизма; к ней в новое время был близок Юм; 3) позднейшими скептиками, вернувшимися к точкам зрения Пиррона; из них крупнейшие: Энезидем (в I веке до Р.Х.) и Секст Эмпирик (около 200 года по Р.Х.).

Эклектизм также явился естественным результатом распространения в широких кругах интереса к философии и философских знаний; эклектики не про-

*) Об этом см. мою статью «Педагогические идеи древнего мира» (в VII выпуске «Педагогической Академии», М. 1911 г.).

изводили самостоятельных исследований, а выбирали из различных систем и школ то, что им более нравилось. Крупнейшим и наиболее влиятельным в дальнейшей истории мысли были известный римский государственный деятель и оратор Марк Туллий Цицерон (100—43 г. до Р. Х.). Близко к эклектизму стоят возобновления некоторых старых воззрений— в частности *неопифагорейство*, а также *пифагорействующий платонизм*; эти мало самосостоятельные мыслители впервые придают теистический оборот платоновским „идеям", признав их не самостоятельными сущностями (какими они были у Платона), а мыслями божества.

30. Приближается эпоха христианства, эпоха синтеза и взаимодействия греческой и восточной мысли. Еврейское богословие совмещается с греческой философией у Филона Александрийского (род. около 25 г. до Р. Х.), развившего учение о Логосе, как высшей из сил божества.

Наконец, последним самостоятельным созданием языческой греческой философии является *неоплатонизм* с его крупнейшим представителем Плотином (204—269 г. по Р. Х.). Плотин, с одной стороны, возобновляет в измененном виде основные воззрения Платона, а с другой—вносит совершенно новые элементы в традиционное греческое мировозрение. Прежде всего, Плотин разрывает с основным и неизменным методологическим убеждением греческой мысли о том, что высшею формой психической деятельности является мышление. Высшей целью духовного развития было для Платона умственное созерцание „идей"; для Аристотеля само божество было „мышлением мышления"—мышлением, мыслящим самого себя, самосознанием мышления. У Плотина и неоплатоников такой высшей формой духовной жизни и постижения истины является *экстаз* (греч. extasis= стояние вне, выхождение из самого себя), самозабвенный порыв вдохновения. Плотин решительный *мистик*; он черпает содержание своего познания и постижения мира не из внешнего опыта, а из процес-

сов внутреннего, идеализирующего, руководимого чувством воображения. Вместе с тем он крупный и тонкий психолог. Естественно, что новая методология дает и новые плоды. Она скаавывается напряженностью космической идеализации: божество становится *безконечным*. В этом отношении Плотин также разрывает с традицией. Греческая мысль боялась безпредельного, неоформленного; она везде искала границ, определенности, определений. Греческой математике была чужда идея безконечности, и напр., Аристотель даже вовсе не говорит о пространстве, как таковом (мыслимом всегда как безпредельное), а имеет в виду лишь *конкретное*, ограниченное *место*. Мир классической Греции был *конечным*; в нем не было ничего неясного, незаконченного, безпредельного, Неоплатонизм первый вводит в античную мысль идею безконечности. Вместе с тем божество у неоплатоников представляется превосходящим все и всяческие конкретные признаки и определения, превышающим все силы человеческого воображения; оно делается в своем существе *непредставимым*, невообразимым, *непознаваемым*. Такое понятие о божестве, в свою очередь, *удаляет* божество от человека, растворяя его в этой безпредельности: вместо прежних близких, конкретных, человекоподобных богов, с которыми можно было подчас обойтись, как с хорошими знакомыми, теперь около человека оказывалась пустота. Отсюда стремление вновь заполнить эту пустоту силами посредствующим между этим новым, *единым* божеством и людьми. Силы эти „изливаются“ (эманируют) из полноты мощи единого божества, а из этих сил, в свою очередь, эманируют душа и мир конкретных вещей. Таким образом, „идеи“, имевшие у Платона вполне самостоятельное существование, бывшие последней реальностью, становятся у Плотина чем-то производным—„эманациями“ единого божества; а это „единое, или благо“, бывшее у Платона лишь центральною идеею („солнцем идей“) возвышается над всем, что может быть познаваемо и представимо умом.

В этом миропредставлении, с одной стороны, заметно значительное приближение к христианской космологии и теологии, а с другой—в нем в религиозно-мистической оболочке содержались многие из позднейших научных идей. Мысль о «безконечности» божества пролагала путь идее о *безконечности мира*, а равно и продуктов человеческого мышления (напр., о безконечности ряда чисел и других математических построений), и в средние века и в первую эпоху новой истории эта связь между неоплатонизмом и новой наукой очевидна. Далее, неоплатонизм *противоречил антропоморфизму* в миропонимании; ибо мир и божество об'являлись в нем превышающими всякие формы и понятия человеческого мышления. В третьих, неоплатонизм впервые выдвинул идею *непознаваемости* об'екта высшей идеализации—идею, имевшую впоследствии большое значение во всех формах так наз. «агностицизма» (греч. a=не, корень gno=знать); не даром именно на почве неоплатонизма создалось «отрицательное богословие», считавшее, что о божестве нельзя сказать *ничего положительного* (ни что оно есть дух, ни что оно есть материя, и т. д.), что о нем можно высказывать лишь отрицательные суждения (оно не есть ни дух, ни материя, потому что оно есть нечто высшее, чем эти определения, и соединяющее в себе все противоположности, все возможные определения в некотором превышающем человеческое представление единстве). Наконец, в «эманационизме», в идее об „истечении" мира из этого непознаваемого божества крылся зародыш *динамически-эволюционного* представления о действительности, не умещавшегося в рамках старогреческого статического миропонимания (в частности и платоновского учения об «идеях»).

Неоплатонизм имел огромное влияние на последующую мысль. С одной стороны, в своем религиозном преломлении он вошел существенным моментом как в христианское, так и еврейское (а затем и в магометанское) миропонимание и настроение. Сочинения псевдо-Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника и др. перенесли неоплатонизм в христианство, а Кабала в еврейство. Неоплатонизм во многих отношениях лег в основу христианских настроений и верований; а потому знакомство с ним крайне поучительно для понимания средневековых форм религиозной идеологии. В средние века неоплатоновские традиции вдохновляли таких мыслителей, как Іоанн Скот Эриугена, как мистические еретики—пантеисты а позже многие начинатели новой науки; Николай Кузанский, Джордано Бруно,

Спиноза и другие. Постепенно в истолкование этих традиций все больше проникает натуралистическая струя; но всегда остается в известной мере и мистический элемент, как это видно, напр., на Спинозе.

Все великое значение неоплатонизма для средневекового миропонимания выяснено лишь в сравнительно недавнее время. Для ознакомления с этим историческим влиянием неоплатонизма можно указать работы Picavet (Esquisse d'une histoire critique et comparée des philosophies mediévales), а также книгу *П. П. Блонского* „Философия Плотина". Позднейший неоплатонизм (Ямблих, Прокл) вырождается в схоластическую систематизацию „небесных сил", стоящих между человеком и божеством, и теряет научное значение.

31. Христианская философия постепенно развилась из тех зачатков, какие имелись в книгах нового завета, в евангелиях и писаниях апостолов и первых отцов церкви. Ее история до общего упадка древней культуры, наступившего с VI века по Р. Х., называется эпохой философии *патристической* (т. е. „церковных отцов") и делится на два периода: первый,—кончая 1-м Никейским вселенским собором (325 г. до Р. Х.), обнимает эпоху, когда закладывались первые основы вероучения; второй—от Никейского собора до падения античной культуры.

Христианская философия в собственном смысле зародилась преимущественно в Александрии, в тамошней «катехетической» школе; ее родоначальниками были учителя этой школы—Климент (около 200 г. по Р. Х.) и Ориген (185—254 г.). Высшего развития патристическая философия достигает на Западе у Августина (334—430 г.), на Востоке у так наз. трех «каппадокийцев», крупнейшим из которых был Григорий Нисский (331—394 г.)

У этого мыслителя, как и у его брата Василия Великого († 379 г.) и у друга последнего Григория Богослова († 390 г.) можно отчетливо проследить рецепцию («усвоение») христианством результатов античного умозрения. Около 500 г. в христи-

анство вливается могучая струя неоплатонизма в творениях так наз. псевдо-Дионисия Ареопагита. Последними сколько-нибудь самостоятельными философскими мыслителями являются на западе Боэций (480—525 г.) и Кассодор (477—562 г.); дальнейшие писатели уже не относятся к философии, так как строго ограничены сложившейся к этому времени ортодоксией.

32. Общий упадок античной культуры обусловливался многими причинами.

Постепенная демократизация общества в эпоху римской империи, с одной стороны, создала спрос преимущественно на непосредственно приложимое, всяким прямо используемое знание и отношение к жизни, а с другой—ввела в общий культурный оборот тот религиозный склад мышления и психики, каким жили в ту эпоху пробуждаемые к культурной жизни широкие слои как свободных граждан, так и вольноотпущенников и даже отчасти рабов. Отсюда огромный успех таких практико-философских направлений, как стоицизм; отсюда религиозный уклон психихи,— крупное значение и популярность неоплатонизма. К тому же, около эпохи зарождения христианства античное общество жило весьма тревожными настроениями, связанными с великими социальными переворотами, а такие настроения повышают религиозную восприимчивость народов: в эту эпоху было распространено ожидание «светопреставления»*).

В том же направлении действовало и влияние Востока, вошедшего в состав римской империи. Восточные идеи—египетские, ассиро-вавилонские, персидские, иудейские—широкой волной разливались по Европе; под их влиянием росло ожидание чудесного, мистицизм, всякого рода магические верования.

Одновременно падала старая общественная организация, созданная римской империей. Новые народы, напиравшие со всех сторон на империю,—германцы, гунны, авары, славяне, арабы— селившиеся в провинциях империи, разоряли и грабили города, своими разбоями прекращали сообщения между областями... падали индустрия и торговля, замирала наука, разрушались школы, вся жизнь мельчала и грубела, теряла прежний широкий размах.

Когда сформировалась христианская догматика и церковь, врагом старой, языческой культуры выступило и христианство. И недаром в Александрии христианская толпа убила знаменитую языческую ученую Гипатию. Горячая вера христиан в то, что на-

*) Об этом, как и о других идеологических фактах последней эпохи язычества и начала христианства, смотри интересные и поучительные статьи проф. *Ф. Фр. Зелинского*, собранные в III томе его сочинения «Из жизни идей".

стала совершенно новая культурная эпоха, заставляла их иногда «тушить старое солнце». От этого, конечно, сильно страдала культурная традиция.

Наконец, сами новые народы, лишь недавно пришедшие в культурный мир из степей и лесов, в которых они до того жили, представляли еще очень грубый культурный материал. Многое, что в древней культуре было плодом глубокого размышления и тонкой (иногда даже слишком утонченной и хитросплетенной) рефлексии, в чем во всяком случае воплощался большой запас душевного опыта и внутренних переживаний лучших людей античного мира, теперь—у новых *варваров*—упростилось, огрубело, стало пониматься в грубо материальном смысле. И такое огрубение мысли очень сильно отразилось на всем как религиозном, так и научном мышлении европейских народов. Постепенно создалась своеобразная, очень *сложная* культура, в которой примитивность ее человеческой почвы стояла в резком контрасте с высоким развитием внешне усвоенной и плохо понятой культурной традиции. Отсюда в этой культуре безконечное число всякого рода противоречий, компромиссов, переломов в характерах, случаев тяжелой внутренней борьбы, глубочайших душевних страданий, высоких подвигов—рядом с почти первобытной грубостью нравов и упрощенностью мысли. Под каждым положением христианского богословия и христианской морали лежала тысячелетняя работа мысли и фантазии гениальных греческих мыслителей. Теперь все это начинало пониматься фетишистически и магически («фетишизм»—принятие какого либо весьма сложного и производного предмета или явления за нечто первоначальное, как бы «божественное»; «фетишами»—от латин. facere=делать—португальцы стали называть «сделанных» руками человеческими идолов американских туземцев; «магия»—вера в непосредственное и таинственное влияние мышления или вообще сознания на строй процессов внешнего мира,—сюда войдут: колдовство, заклинания, чудеса и т. п.). Для лучших умов древности религия уже должна была быть преобразовательницей человеческой души, чудо—актом внутреннего перерождения, «святость»—характеристикой известного высокого строя мысли и настроения, беззаветного под'ема духа; для новых варварских народов «святость» была материально действующей силой, профессией которой было совершение чудес, и т. д.

33. *Н. В. Сперанский* в интересной книге „Очерки по истории народной школы в Западной Европе“ (Москва, 1896) рядом фактов характеризует этот процесс материализации религии.

Один летописец рассказывает такую историю. В 887 г. мощи св. Мартина Турского были увезены из Тура в глубь Франции из страха перед набегами датчан. Когда опасность миновала, жители Тура захотели вернуть мощи к себе. В это время в Турени жили двое калек, собиравших богатую милостыню. Услышав, что мощи скоро вернутся, калеки пришли в ужас: мощи так сильны, что непременно их исцелят и тем лишат доходов. Они ре-

шились бежать из Турени; но так как из-за своих увечий они не могли идти быстро, то не успели уйти из страны до прибытия мощей и исцелились, к своему несчастию...

Кардинал Петр Дамиани передает в «житии св. Ромуальда» другой факт. Ромуальд долго жил в Нарбоннской Галлии и подвигами стяжал себе славу святости. Но отцовские дела заставили его решиться на от'езд оттуда. «А жители той области, услыхав, что Ромуальд собирается от них уходить, впали в великую скорбь... и решили... подослать к нему убийц и лишить его жизни, чтобы иметь по крайней мере бездыханный труп его покровителем своей земли. Услышав про это, Ромуальд обрил себе голову, и когда совершители этого дела приближались к его келии на ранней заре, принялся с видимой жадностью за еду. А те, видя это, решили, что он сошел с ума,... и не сочли стоющим труда трогать его тело».

Иногда от святых требовали, чтобы они «не смели делать чудес». Основатель граммонского ордена Стефан из Мюрэ стал, после смерти, проявлять свою святость, исцелив параличного рыцаря и возвратив зрение слепому. Ученики пришли в ужас, и заместитель Стефана пришел к его могиле и сказал: «раб божий, ты нам указал путь бедности, и вот теперь ты сам хочешь свести нас с крутой тропы спасения на широкий путь вечной погибели. Ты привел нас в пустыню, а теперь хочешь обратить ее в ярмарочную площадь. Мы знаем, что ты свят; а потому тебе незачем творить чудеса, которые всем это покажут, но уничтожат в конец наше смирение. Не дорожи так своей славой и не умножай ее в ущерб нашему спасению... Иначе... мы выкопаем твои кости и бросим их в реку".

Или трувер (уже начала XIII в.) поет на рыцарском празднике про царство небесное, рисуя его в таких чертах. Однажды (как раз на праздник св. Ремигия) богу вздумалось узнать, кто из святых всего больше его любит. Он кликнул громким голосом св. Симона, а с ним и св. Иуду и сказал: ступайте по всем небесным покоям, горницам и усадьбам, одним словом, по всему раю, и скажите всем небожителям, никого не забывая, что ровно через месяц, на день всех святых, будет дан при небесном дворе большой праздник, куда приглашаются все святые. «Я хочу, говорит бог, чтобы все были передо мною, так как хочу иметь общее собрание всего моего двора!» В субботу, с раннего утра Симон и Иуда, взявши в руки по колокольчику, отправляются исполнять поручение. Прежде всего они идут в отделение ангелов. Ангелы весело играют. Архангел Гавриил меряется силой с арх. Михаилом. Услышав звон колокольчика, они выбегают и спрашивают, в чем дело. Симон передает приглашение и прибавляет, что по слухам на празднике будет дано много чудес. Ангелы с радостью обещают явиться в полном составе. На празднике евангелисты играют на рогах; Мария Магдалина приглашает святых к танцам, распевая: „придите танцовать все те, кто влюблены; а

остальные нет"; и сама святая дева, взяв за полы свое платье, поет собравшимся также на тему о любви...

34. Постепенно это полудикое общество накапливает некоторый культурный капитал: церковь в упорной борьбе смягчает нравы; появляются школы, начинается умственная работа.

Первое массовое основание школ *) имело место при Карле

---

*) В течение средних веков и нового времени происходит целый ряд таких обращений к древней культуре и ее достижениям—„возрождений" (ренессансов) античности, „рецепций" (усвоений) выработанных ею культурных традиций. Конечно, каждый раз к такой „рецепции" приводил, ее подготовлял туземный процесс культурно-общественного развития; однако, приток нового античного материала, в свою очередь, давал и толчки, и новое содержание для дальнейшей работы мысли в каждую эпоху. Особенно важно это было в средние века, когда способность к *самостоятельной* разработке науки была в Европе лишь *очень мала* и когда поэтому античный материал влиял особенно сильно.

Первое «возрождение» древности—с Карла Великого (с IX в.)—застало в Европе лишь скудный запас сокровищ античной культуры,—довольно полно был известен лишь «Органон» Аристотеля. Соответственно этому, и эту первую рецепцию античности можно назвать *элементарной* и *формально-логической*. *Вторая* рецепция—около конца XII и начала XIII в.—дает Европе античную физику и метафизику в их аристотелевской версии (другая, архимедовская версия остается пока неизвестной); это рецепция собственно *школьно-метафизическая*, схоластико-философская (о ее возникновении см. ниже). С XV в. начинается *третье* «возрождение» античности—*гуманистическое* в широком смысле. В нем можно выделить несколько элементов: во первых, литературно-дидактическое движение собственно так наз. «гуманистов», реципировавших преимущественно внешние формы античной литературы, создавших новую литературную технику; во вторых, более свободную и глубокую рецепцию самого существа античной мысли и творчества, как это сказалось, напр., у Монтэна, Рабле, Шекспира и многих других, наконец, возрождение некоторых традиций античной науки, враждебных средневековому мировоззрению (атомизм Демокрита, Эпикура и Лукреция; механическая статика Архимеда; астрономия Аристарха и т. п.) и давших толчок новой науке (Гассенди, Галилей, Коперник, Кеплер, Декарт и т. д.). В эту эпоху древность «возрождается» не только в виде книг и литературных произведений, как это было раньше,—воскресают и собираются и произведения античного искусства. *Четвертое* возрождение античности («неогуманистическое») начинается во второй половине XVIII в. Старые гуманисты (XV—XVII веков) хотели сами стать греками и особенно римлянами (о которых они больше знали) и по большей части оставались лишь переряженными педантами-эрудитами. Новые гуманисты хотят научиться (особенно у греков, мастеров в этом деле) быть *оригинальными*, самостоятельными творцами культуры. Поэтому они впервые начинают изучать древность, *как* таковую,—не затем, чтобы рядиться в ее красивые перья, а чтобы понять ее в ней самой, в ее динамике. Поскольку они хотят взять античность за образец *творчества*, постоль у мы имеем *эстетическое* направление в неогуманизме (от Винкельмана до Ницше). Поскольку же древность изучается, как таковая, это движение вливается широким потоком в общее, только что слагающееся *историческое* направление мысли и оплодотворяет его. Этот факт имеет огромную важность: *исторический уклон мысли*, слагающийся с половины XVIII в., развился в связи с «неогуманистическим» возрождением античности и в значительной степени на добытом им материале (Фр. А. Вольф с его школой и позднейшие исторические направления: Нибур, Дж. Грот и проч.) В литературной и философской области влияние древних сказывается на таких, напр. писателях, как Шефтсбёри, Д. Юм («академич. скептицизм») и др.

Великом (768—814 г.), который приказал основать школы при каждом монастыре, соборе, епископском доме. Сам Карл и его семья посещали «дворцовую школу» (schola Palatina), основанную в императорской резиденции. Так как ученых людей в самой Европе не было, то обращались в ту страну, которая—в силу своего островного положения и удаленности—не подвергалась опустошительным набегам норманнов и потому сохранила и школы, и кое-какие остатки научно-философской мысли; это была Ирландия.

Постепенно некоторые из этих школ превращаются в довольно живые очаги мысли и начинают выпускать значительное количество научно подготовленных людей, часть которых обращается к частному преподаванию и основывает многочисленные частные школы, работавшие, по обычаям феодального общества, под контролем местных территориальных властей—землевладельцев. В XII веке много таких школ сосредоточивается в Париже, где они заселяют часть острова Сите и против него лежащего участка южного берега Сены (теперь знаменитый «латинский квартал»). Учителя, жившие на острове, были под контролем „канцлера» (заведующего канцелярией) собора Богоматери (Notre Dame de Paris); те, школы которых были на южном берегу Сены, подчинялись канцлеру аббатства св. Женевьевы, занимавшего холм над «латинским кварталом» (последним остатком этого аббатства является здание Пантеона—теперь государственного места погребения знаменитейших людей Франции). Оба канцлера давали «лицензии» (разрешения преподавать) и нередко при этом брали взятки. Тогда учителя всех этих частных школ, для защиты своих профессиональных интересов и прав, образуют профессиональный союз и получают от папы ряд грамот, дающих им права самоуправления и самостоятельной профессиональной работы: право самообложения, самопополнения, организации преподавания, право экзаменов, и т. д. *) Так возник первый университет того типа, который привился в Европе и теперь распространился по всему миру,—университет парижский. *По своему происхождению «университет» есть профессиональный союз учителей; по своей первоначальной организации он есть «цех ученого ремесла».*

35. Та наука и та философия, которые преподавались в средневековых школах и университетах, обычно называются „схоластическими“—*схоластикой* (от латинск. schola=школа).

Схоластика включала в себе одновременно два процесса: с одной стороны, развития и системати-

*) Подробнее см. хотя бы в моей статье «Народное образование и университеты в средние века» (во II томе „Книги для чтения по истории средних веков“, изданной под ред. проф. П. Г. Виноградова).

зации церковного, католического вероучения и вообще мировоззрения, и с другой—постепенного выделения и высвобождения науки и философии из этого вероучения и мировоззрения. Эпоха схоластической философии делится на два периода: 1) с первого проявления свободной философской мысли в лице Иоанна Скота Эриугены (в половине IX в.) приблизительно до 1200 г., 2) с 1200 г. до средины XV в. (до Николая Кузанского и других предтеч новой науки и философии).

Первый независимый мыслитель средних веков Иоанн Скот Эриугена (около 810—877 г.) в сочинении «О разделении природы» (De divisione naturae) развивает далее идеи неоплатоновской космологии и предлагает разделение природы на: 1) несотворенную и творящую (божество), 2) сотворенную и творящую («идеи», как первичные причины мира, существующие в боге), 3) сотворенную и не творящую (наш мир), 4) несотворенную и не творящую (божество—после завершения мирового процесса). Сочинение Эриугенны было дважды признано еретическим—в 1210 и 1225 г. г.

Крупным явлением в схоластике этого периода были споры об «универсалиях» («общностях«,—от латинск. universus=всеобщий, всеобъемлющий, целый). Платоновские «идеи»—трансцендентные образцы всех вещей—понимались в древности как особые, независимо существующие *сущности*, влияющие на мир явлений, делающие вещи тем, что они есть. Порфирий, один из мыслителей III в. по Р. Х., в своем «Введении в категории Аристотеля», ставит вопросы о том, имеют ли универсали («роды» и «виды») субстанциальное существование или они только в наших мыслях; если они существуют в качестве самостоятельных субстанций, то телесны они или бестелесны: наконец, существуют ли они отдельно от чувственно воспринимаемых об'ектов или же в них и при них. Порфирий не пытается решать эти вопросы, а лишь отмечает их трудность. Средневековые мыслители делают их предметом внимательного изучения. Одни полагали, что универсалии существуют как *вещи* (res), *реально*; это *реалисты*. *)

*) Ясное понимание терминов имеет, как я говорил, основное значение для успешности умственной работы,—в нем в значительной степени состоит сущность научного образования. «Реализм» имеет сейчас другое значение; но и средневековое, и современное значение этого термина восходят к общему корню, только в различных *приложениях* смысла этого корня. В средние века вопрос стоял так: *как существуют универсалии?* Ответ гласил: как вещи,—*реально*. В наше время решается *другой* вопрос: *что лежит в основе всего существующего: вещи (res) или что другое?* Ответ современного реализма: *вещи* (res). Нельзя достаточно призывать к „диалектичности“ мысли, в силу которой все имеет не застывший, а текущий характер и обозначает (в зависимости от условий места, времени и обстоятельств *иногда одно, иногда*

Другие думали, что это только *имена* (nomina),—*номиналисты*. Третьи, наконец, видели в них *имена вместе с их значением* (sermones), или *понятия человеческого ума* (conceptus),—сермонисты, или *концептуалисты*. Впервые споры по этому вопросу разгораются в самом конце XI века; один каноник из Компьеня (в сев. Франции) Росцелин (номиналист) был осужден в 1092 г, церковном собором в Суассоне за ересь трехбожия.

Если общее—лишь имя, говорили противники Росцелина, то „бог" (то, что обще трем «ипостасям» христианского божества) не реален, а реальны лишь эти ипостаси, т. е. следов,, *богов три*.

Из *реалистов* можно отметить *Вильгельма из Шампо* (1070—1121 г.), учителя Абеляра, и *Ансельма Кентерберийского*, примаса Англии (1033—1109 г.). Знаменитый и своими диалектическими и ораторскими талантами, и своей любовью к Элоизе, и своей трагической судьбой *Петр Абеляр* (1079—1142 Э) был *концептуалистом* (сермонистом).

Абеляр защищал права разума против слепой веры, доказывал, что разум должен обосновывать веру, говорил, что «быть христианином и логиком одно и то же»; в трех ипостасях божества он видел лишь свойства, а не сущности, и за эти воззрения был осужден на двух соборах (вскоре после второго осуждения он умер). В числе его сочинений было «Да и нет» (Sic et non), —собрание более 140 пунктов, в которых Абеляр заметил внутренние противоречия в св. писании и в сочинениях отцов церкви. Это сочинение было также поставлено ему в вину, равно как и его терпимые, широкие взгляды на языческую мораль. Не смотря на осуждение Абеляра, взгляды его оказали значительное влияние на дальнейшее развитие мысли. Один из его учеников *Петр Ломбардец* составил, по образцу Sic et non, 4 книги „Мнений" (авторитетов церкви), которые и послужили в дальнейшем материалом для разработки католической доктрины. Противником Абеляра и его главным обвинителем выступил знаменитый аскет и мистик Бернард из Клерво *) (другие мистики того времени—*Гуго* и *Ричард* из парижского монастыря св. Виктора).

Как раньше был признан опасным номинализм (ересь трехбожия), так теперь оказалось, что «реализм» может вести к

другое, причем ключ к динамике этих переходов дает детальное фактическое знание эволюции вещей и понятий, т. е. *история*. Плехановский принцип живого, «диалектического» мышления, в противоположность неподвижному «метафизическому», есть, в сущности, принцип *историзма*.

*) Некоторые дальнейшие сведения об этой эпохе см. в моей статье «Мистика и схоластика XI—XII веков» (во II томе «Книги для чтения по истории средних веков», изд. под ред. проф. П. Г. Виноградова).

пантеизму. Если общее реально, то *реальнее всего самое общее*: значит, *то общее, которое обнимает и бога и мир, реальнее всего, реальнее самого бога*; иначе говоря, основная реальность есть бог, имеющий «одну и ту же сущность» с миром (пантеизм). В этом состояли ереси *Амори из Бенна и Давида из Динанта*, осужденные на парижском соборе в 1210 г. С тех пор католическая церковь осуждала и крайний реализм и держалась средних, синтетических точек зрения.

36. В первый период схоластической философии, т. е. приблизительно до 1200 г., в Европе были известны лишь немногие из крупнейших произведений научно-философской мысли древности (напр., из подлинных диалогов Платона знали только Тимея, из Аристотеля только часть его логических сочинений). К концу XII в. в Европе становятся известны все сочинения Аристотеля *в латинских переводах с арабского и еврейского*. Они попадают в Европу не прямо из Греции (Византии), где также создалась в средние века своя «школьная» философия, основанная преимущественно на Аристотеле, а очень кружным путем.

Когда арабы завоевали Восток, в Сирии у христиан были научные—медицинские и философские школы, в которых сочинения Аристотеля изучали в сирийских переводах. В IX веке с этих сирийских переводов делаются переводы на арабский язык, и в Багдадском, а несколько позже и в Кордовском халифате создаются цветущие научные школы. С IX по XIII век арабская наука и философия была много выше современной ей западной; особенно славились арабская медицина, математика, астрономия, частью вообще естествознание, а также и философия. «Князь врачей» Авиценна (980—1037 г.,) «комментатор» (Аристотеля) Аверроэс (1126—1198 г.) были в средние века первоклассными авторитетами. Астрономия, частью техника (особенно мореплавания) содержат массу терминов арабского происхождения.

Во второй половине XII в. испанские христиане, удалившиеся при нашествии арабов (в VIII в.) на север в Астурийские горы, начинают подвигаться на юг, постепенно отвоевывая у слабевших арабских владетелей их земли. Эта борьба пробуждает национальный и религиозный фанатизм арабов, и они начинают теснить евреев, с давних пор живших в большом количестве везде в Испании. Тогда образованные евреи массами переселяются в южную и среднюю Францию и приносят туда с собой, вместе со своей научной литературой, сочинения Аристотеля частью в еврейских, частью в латинских переводах—с арабского. Основные философские сочинения Аристотеля (Физика, Метафизика и др.), а также и арабские комментарии к ним Аверроэса и др. становятся таким путем известными в Европе, возбуждают глубокий интерес и дают толчок к общей систематизации научного и философского знания на основах католического вероучения и в тесной связи с ним. Эта «схоластическая» фило

софия не смела в основных пунктах противоречить христианской догматике; она была «служанкой богословия» (ancilla theologiae). Однако, это не значит, чтобы в ней не было известных научных элементов. Они были в ней, прежде всего, постольку, поскольку «научными» были сами взгляды Аристотеля. Конечно, по отношению к нашему времени воззрения Аристотеля являются уже устарелой, превзойденной фазой науки; но исторические явления надо оценивать *в связи* с условиями *их момента;* а для средневековья (как и для большей части античной мысли) эти воззрения были очень высокой формой приближения к истине. Самое главное, что эти воззрения в общем *разрывали с магией*, были об'яснениями все же «естественно-научными», натуралистическими, —хотя, как показало дальнейшее развитие, содержание этих натуралистических об'яснений было ошибочное. Для своего времени они были большим шагом вперед.—Кроме того, не надо забывать и того, что эти же учения Аристотеля явились и предметом смелой и решительной критики *со стороны самих схоластиков* и что *из этой именно их критики* выросла новая наука.

37. Эта вторая эпоха схоластики, время ее высшего расцвета, дала ряд систематических изложений всей философии и богословия, представлявших собою синтез развитого по принципам формальной, силлогистической логики католического вероучения с капиталом научных знаний древности, как они были формулированы преимущественно Аристотелем. Многие из таких систематических изложений назывались „Суммами» („сводами"). Ряд таких систематизаций принадлежит еще второй половине XII и началу XIII в.; они были построены на схеме противоречий в католическом вероучении, шедшей от Sic et non Абеляра и развитой Петром Ломбардцем. Но первая Сумма, в которой были приняты во внимание положения физики и метафизики Аристотеля, была Summa universae theologiae *Александра Галезия* (начата в 1234 г.; закончена в 1252 г). Высшую точку схоластики составляют воззрения доминиканцев *Альберта Великого* (1193—1280 г.) и особенно *Фомы Аквинского* (1225 или 1227—1274 г.), охватившего в ряде сочинений (особенно Summa contra gentiles или S. philosophica) все крупнейшие отрасли философского, научного и общественного знания своей эпохи.

Уже у Фомы мы видим, правда, в очень робкой форме, зачатки разделения областей религиозной веры и научно-философского знания—в противоположность прежнему наивному мнению о их тожестве. „При помощи естественного разума, говорит Фома, можно познать о боге только то, что относится до единства его сущности, но не то, что относится к различению ипостасей». Точно так же разумом нельзя доказать специфически христианских, церковных учения о временности твари, о первородном грехе, о вочеловечении «слова» («Логоса»), о таинствах, об адском огне, о воскресении плоти, о страшном суде, о вечном блаженстве и осуждении. Во все это можно только верить, все это превышает человеческий разум Но все же, по Фоме, естественный разум служит вере. Богословие, по Фоме, есть *теоретическая* дисциплина. В вопросе об универсалиях Фома держится синтетического воззрения: «общности» существуют *и реально*— 1) в виде идей «божественного ума» (universalia *ante* res, ранее вещей), 2) в виде тожественных *сущностей* классов, т. е. естественных групп сходных вещей, (universalia *in* rebus—*в* вещах), и *концептуально* и *номинально* (universalia *post* res—после вещей, в человеческой мысли и в речи).

В связи с изучением «Метафизики» Аристотеля в эту эпоху выдвинулся вопрос, о так наз., „принципе индивидуации": что именно, какое начало придает индивидуальный характер вещи. В «Метафизике» Аристотель, как известно, развивал учение о двух основных типах принципов, или творящих вещи сил; это *материя* и *форма* (morphe), распадающаяся затем на формы, или силы собственно *формальную*, *целевую* и *действующую*. По Фоме, принципом индивидуации является *материя*: форма всегда тожественна сама себе; поскольку она налагается на различную в каждом случае массу материи, постольку получается каждый раз новая индивидуальная вещь. Воззрения Фома были многократно одобрены на соборах католической церкви и стали обязательной доктриной для членов могущественного ордена доминиканцев («проповедников»), а с 1879 г. сделались и официальной философией католического мира (энциклика папы Льва XIII Aeterni patris).

Рядом с этим, *ортодоксально теоретическим* направлением в эту эпоху развиваются три других: мистическое, научное и противоцерковное.

Крупнейшим представителем первого был францисканский монах итальянец *Иоанн Бонавентура*, правоверный мистик (1221—1274 г.), а второго—англичанин, также францисканец *Рожер Бэкон* (1214—1294 г.), крупнейший из представителей «оксфордской» школы, бывшей под влиянием арабских мыслителей и тщательно изучавшей математику и естественные науки.*)

*) Подробности в моей статье „Роджер Бэкон" (в IV томе «Книги для чтения по истории средних веков», изд. под ред. проф. П. Г. Виноградова). К этой школе принадлежали учителя Р. Бэкона: Адам Марш, Роберт Большеголовый и др.

Р. Бэкон—горячий сторонник опытного изучения природы, а также изучения языков и грамматик, необходимых для сознательного отношения к доктрине и к текстам. В воззрениях Бэкона были и мистико-практические элементы: высший опыт дается «озарением», и морально-практическая сторона веры выше теоретической, познавательной. Противоцерковное направление группировалось около аверроистских положений (позже центром аверроизма долго был Падуанский университет в сев. Италии). Его представители отстаивали независимость разума в форме учения о «двоякой истине»: философской, —состоявшей в выведении следствий из аристотелевских принципов при помощи силлогизма, и богословской, требовавшей согласия с церковными положениями. Это учение,—вместе с другими, было в ту эпоху осуждено рядом постановлений. В 1277 г. комиссия парижских профессоров богословия осудила такие, напр., положения из преподававшихся на парижском «факультете искусств» (facultas artium, бывшем подготовительным по отношению к «старшим» факультетам: юридическому, медицинскому и богословскому): бог не может быть одновременно триедин и един; мир и человечество вечны; философы не могут допускать воскресения тела; душа, отделенная от тела, не может страдать от огня; «восхищения» и видения происходят только естественным путем; богословские рассказы опираются на басни; человек, наделенный нравственными и умственными добродетелями, сам по себе имеет достаточные основания для блаженства, и т. д.

38. Саморазложение схоластики, старавшейся создать силами разума на почве христианской догматики и аристотелевской физики и метафизики систематическое религиозно-научное мировоззрение, было подготовлено замечательным мыслителем, францисканцем из Шотландии *Иоанном Дунсом Скотом* (род. 1265 или 1274 г., умер 1308 г.).

Дунс Скот—верующий католик; но по отношению к рациональным аргументам в пользу веры он настроен скептически. Веры доказать нельзя; она основывается не на познании и разуме, а на *практике*, на *воле* (такой «волюнтаризм», практический уклон был вообще свойствен францисканскому ордену—в противоположность «интеллектуализму» доминиканцев). Поэтому Дунс Скот исключает из области основанного на разуме богословия еще многие учения, сверх тех, которые исключил уже Фома: а именно, о творении мира из ничего, о бессмертии человеческой души и др. По отношению к авторитету Аристотеля Д. Скот более независим, чем Фома: у него больше платоновских и неоплатоновских мыслей, чем у последнего. Принцип индивидуации, по Д. Скоту, не материя, а *форма*, но форма *индивидуальная*: то внутреннее свой-

ство «вот этой вещи», что она есть именно *эта*, индивидуальная вещь, а не какая-либо другая («этость»—haecceitas). В такой, для нашего вкуса странной форме был сделан философской мыслью очень *важный шаг*: *были восстановлены права индивидуального*, и оно, как именно *индивидуальное*, было признано *определяющим принципом вещей*. В этом пункте учений Д. Скота совершился принципиальный переход от средневекового смысла «реализма» к современному значению этого понятия.

Заканчивает это движение знаменитый,—также францисканский монах, англичанин *Вильгельм Оккам* († 1347 г.), venerabilis inceptor („почтенный начинатель") нового направления, совершенно отделившего богословие от науки и философии.

Оккам в борьбе между папами и императором Людвигом Баварским стал на сторону последнего и писал ему: «ты меня защищай мечом, а я буду защищать тебе пером». Бога, по Оккаму, нельзя ни познать интуитивно, ни доказать его бытие из понятия о нем; здесь возможно лишь доказательство опытное, апостериорное, но и то не строгое; что ряд конечных причин должен иметь первопричиною бога, этого нельзя строго доказать; правда, бытие бога все же вероятно. Главная заслуга Оккама—критика (средневекового) реализма, в которой он пользуется основным постулатом: что «сущностей не следует умножать без необходимости» (entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem),—представляющим собою очевидный зародыш позднейшего принципа «экономии мышления». Оккам доказывает, что предположение *реальных* общих сущностей («универсалий») совершенно излишне; а потому единственной реальностью являются действительные, *конкретные вещи*. Раз реально лишь конкретное, то основным методом познания может быть лишь метод, который Оккам называет «интуитивным» (приблизительно то же, что теперь „опытный"); абстрактное познание, по Оккаму, не может обосновать суждений о бытии или небытии.

Такая *реабилитация конкретного* возродила доверие к *номинализму* и дала благотворный толчек научной работе: она немедленно вызвала появление в *естествознании* весьма интересных учений, а несколько позже легла в основу *генетического анализа познания*, как переработки конкретных восприятий и представлений (у Гоббза, Локка, Беркли, Юма и др.). На такой оборот схоластической философии у Оккама влиял, с одной стороны, исторически сложившийся тип английского мышленния с его любовью к конкретному, частному, а также с его традиционным недоверием к рационализму и со стремлением к *практическому* обоснованию теорий. К этому присоединилась аналогичная, *практико-этическая* тенденция того ордена, к которому Оккам принадлежал (францисканского), отодвигавшая (в противополож-

ность доминиканцам) на второй план интеллектуалистические моменты. Наконец, на Оккаме сказалось влияние тонких анализов средневековой *византийской* логики (особенно Михаила Пселла—в XI веке), перенесенной на Запад, главным образом, *Петром Испанским* (в XIII в.). В 1239 г. и 1240 г. номинализм и другие учения Оккама были запрещены парижским «факультетом искусств»; но это не помешало им оказать большое влияние на последующую мысль.

39. Влияние оккамизма испытали на себе все направления мысли XIV века.

Научное направление первоначально развивается особенно успешно среди прямых учеников Оккама—в его парижской школе. К ней принадлежали логик и психолог *Иоанн Буридан* (умер после 1350 г.), *Николай из Орезма*, который первый предложил определение точек пространства при помощи осей координат (на этой мысли создал впоследствии аналитическую геометрию Декарт), а также высказывал далеко опережавшие эпоху взгляды в области физики, астрономии и ряда других наук (В. Рошер называет его «великим политико-экономом XIV в.»); далее *Николай из Аутрикурии*, «средневековый Юм», глубокий критик познания в скептическом духе, противник Аристотеля, сторонник атомизма и учения о вечности мира, а также о вращении земли, вынужденный в 1346 г. отречься от своих воззрений. Как мы видим, это уже прямая дорога, *внутри схоластики*, к новой науке.

Мистическое направление—под влиянием разграничения областей веры и знания—получает больше самостоятельности и принимает у большинства мистиков *свободный*, частию прямо антицерковный характер. Из французских полумистиков *Иоанн Герсон* (1363—1429 г.) известен как крупнейший деятель «соборного движения», неудачно пытавшегося в XIV и XV вв реформировать католическую церковь и папство при помощи соборов.

Крупнейший из свободных мистиков *Иоанн Экхарт* (1260—1327 г.) занимал высокие посты в католической церкви и проповедовал с огромным успехом во многих частях Германии. В последний год его жизни против него был начат процесс, в результате которого 28 его положений были осуждены; но он умер раньше того, как вышла папская булла о его осуждении. В своих глубоких по мысли сочинениях Экхарт стоит под влиянием неоплатонизма и Августина. Он признает «бога» возникающим и уничтожающимся, действующим и вообще подлежащим определениям (о таком боге и говорит «откровение») и отделяет от него вечное, не действующее, неизменное, не имеющее свойств, а потому непознаваемое и невыразимое «божество». В области культа Экхарт придает очень мало значения внешним делам (постам, бдениям, бичеваниям); добро и зло определяются настроением действующего, и т. д. Тут мы видим уже ясно веяние духа реформации. Из этого направления вышли такие влиятельные в свое время сочине-

ния, как изданная Лютером анонимная «Немецкая теология» (XIV в.) и «О подражании Христу» Фомы Кемпийского († 1471 г.), а также движение «братьев общей жизни" (Герхард Гроот и др.).

Собственно *логико-метафизическое* направление, так процветавшее в XII—XIII веках, теперь вырождается в «схоластику» в порицательном смысле: эта форма мысли уже изжита, она возбуждает пренебрежение и насмешки и культивируется лишь в старомодных университетах, каков, между прочим, и парижский. Пульс живой мысли постепенно переходит к *новой науке* и *новой философии.*

40. История научно-философской мысли „нового времени" обнаруживает, не смотря на все видимое разнообразие и пестроту теорий, некоторую основную правильность развития—смену определенных тенденций, по которым ее можно разделить на несколько крупных эпох или периодов. Эпохи эти совпадают, говоря приблизительно и в грубых чертах, со столетиями новой истории.

В центре первой эпохи стоит XVI век; к этому веку примыкает довольно продолжительный период скрытой подготовки того нового, что вышло наружу в этом веке (эта подготовка ясно заметна уже с XIV в.) и начало XVII в. *Второй* период охватывает остальную часть XVII в.; *третий*—весь XVIII в, *четвертый*—XIX в. Конечно все эти грани не резки; каждая эпоха переходит в следующую постепенно; кроме того, и в последующие эпохи продолжается развитие точек зрения и проблем, выдвинутых эпохами предыдущими. Даты этих эпох обозначают скорее моменты появления новых принципов и точек зрения, моменты перенесения внимания на другие, ранее остававшиеся в тени проблемы.

Уже с XIV в., как мы видели, растет интерес к человеческому, земному, посюстороннему (имманентному), а интерес к „божественному", потустороннему (трасцедентному) отходит—не без ожесточенной борьбы—на второй план. Divina везде отступают перед humana: происходит „обретение человека" и „гуманизация" всех сторон жизни и мысли. Рост населения в Европе, постепенное овладение силами природы, развитие индустрии и торговли, городской жиз-

ни, обогащение Европы—все эти моменты повышают самосознание человеческой личности и внушают интерес к земному. Итальянские гуманисты, Монтэнь интересуются переживаниями человека; Маккиавелли в Италии, Бодэн во Франции, Гоббз в Англии, Спиноза в Голландии, Пуфендорф в Германии проповедуют национальное светское государство, борьбу с феодализмом, с одной стороны, и с разлагающим влиянием церкви и религиозных распрей, с другой.

Рядом с этим процессом очеловечения идет другой—*создание новой картины мира.* Постепенно назревает сознание неудовлетворительности античносредневекого, аристотелевски-птолемеевского мировоззрения. Конечно, в свое время Птоломеева, геоцентрическая картина мира была огромным шагом вперед, сравнительно с наивными представлениями древнейших греческих физиков, видевших в светилах то богов, то лампады, привешенные к хрустальному небесному своду, то отверстия в этом своде, через которые вырываются загорающиеся испарения земли. Исторически имела большое значение и физика Аристотеля*). Ею жила схоластическая наука. Но теперь и она оказалась устаревшей.

Наконец, в эту первую эпоху новой философии мыслители напряженно ищут новой *научной методологии.* И здесь опять сталкиваются с Аристотелем. Основанная на его „Органоне" средневековая методология имела преимущественно дедуктивно-силлогистический характер; она была приспособлена лишь к отысканию внутренних взаимоотношений между *готовыми* положениями, и аргументами и не могла служить для отыскания *новых* истин (не вытекавших из старых авторитетов: писания, творений отцев, Аристотеля и др.). Гениальные замечания Леонардо да Винчи (1462—1519 г.), тщетные попытки

*) Краткую оценку ее см. у *А. В. Васильева*: Пространство, время, движение. Историческое обоснование теории относительности. Петр. 1922, а также у недавно скончавшегося электрофизика *Пьера Дюгема*, оставившего интересные работы по методологии и истории научного знания (Histoire des systèmes cosmologiques).

создать новую методологию трагически погибшего в Варфоломеевскую ночь Петра Рамуса (1515—1572 г.), позже удачные достижения Иог. Кеплера (1571—1630 г.) и Галилея (1564—1642 г.), явившиеся в результате их астрономических и физических работ, и больше „протрубившие“ миру о новой методологии, чем ее создавшие, сочинения Фр. Бэкона (1561—1626 г.)—все это понемногу выясняло некоторые стороны нового научного метода...

41. Главная борьба загорелась из-за вопроса об общей картине мира и о строе и ходе физических процессов. Чтобы понять ее, мы должны сказать о средневековом (преимущественно аристотелевском) понимании природы.

Все мышление Аристотеля было пропитано биологическими и психологическими точками зрения и чуждо механического об'яснения вещей. Поэтому его физика состарелась гораздо раньше его психологии и его общественных учений.

Для биологии и психологии огромное значение имели понятия стремления, цели, целесообразного, деятельности и развития под влиянием внутренних моментов и т. д. Если из жолудя развивается только дуб, а из ореха только орешник, то очевидно, в жолуде и орехе было какое-то скрытое предрасположение стать именно дубом и орешником. И как художник, создавая статую, имеет в голове уже ее форму и применяет труд и силу для ее воплощения, так и Аристотель всю природу понимал как стремящуюся к известным целям, как сознательно-динамическую; он везде механическую закономерность подменял понятиями биологического, психологического и этического порядка. Когда вода поднималась в насосе за поршнем, это было не результатом давления атмосферы на поверхность водного резервуара, а осуществлением принципа „природа боится пустоты“. Когда камень падал на землю, это было, с точки зрения Аристотеля, не решением механической задачи взаимного притяжения двух тел (Земли и камня), а „актом“ камня, который знал свое место около Земли, т. е. «центра мира») и стремился к этому месту, как к цели*).

*) Собственно такое толкование Аристотелевскому учению придал один из его комментаторов, монах Иоанн Грамматик, прозванный Филопоном, т. е. «трудолюбивым», в VI в. по Р. Х. У Аристотеля же дело обстояло несколько иначе: *само пространство* в своих отдельных частях имело теснейшую связь с тяготением; *верх* был «естественным местом» легких тел, *низ*—тяжелых (Аристотель принимал верх и низ за абсолютные определения); поэтому легкие тела *естественно* летели вверх, тяжелые падали вниз. Конечно, существовали и неестественные, насильственные движения: камень можно было поднять рукою. Но такие движения должны были преодолевать сопротивление со стороны присущего пространству «естественного» распределения предметов по скале тяжести снизу вверх. См. *А. В. Васильев.* Пространство, время, движение.

Все тела и четыре основных вещества (стихии, элемента) имели в природе свои „естественные места", снизу вверх, начиная с тяжелых, в таком порядке: земля (и землеобразные предметы), вода (и вообще жидкости), воздух (и вообще газы) и наконец огонь. Земля стоит в центре мира; вокруг нее *) движутся Луна, Солнце, планеты и небо неподвижных звезд. Область «небес» («небеса» представлялись хрустальными сферами—«твердью», [41]) одевавшими Землю; небес считалось 7—Луны, Солнца и 5 планет; далее шла сфера неподвижных звезд) представлялась радикально отличною от Земли.

В средние века там, на небесах, было «царство славы»; здесь, на земле,—царство греха и юдоль плача. Различны были и все законы и процессы на небе и на земле. Небесные тела состоят из такой материи, которая не имеет своего определенного, естественного места в мире и потому находится не в прямолинейном движении (которое всегда конечно), а в *вечном движении* (которое может быть только *круговым*). Небесные тела всегда движутся в верхних областях мира и не могут двигаться вниз, к Земле. Может быть только один мир; если предположить несколько миров, то они слились бы, потому что все тяжелые их части сошлись бы к центру, все легкие—к периферии. Небо (сфера) неподвижных звезд движется самим верховным божеством; остальные сферы—подчиненными духами. Верховное божество („Первый Движитель" Аристотеля) обитает сейчас же за сферою неподвижных звезд, с ее внешней стороны.

Для Аристотеля вся природа жила внутренними силами, скрытыми тенденциями, „потайными качествами" вещей. В средние века эти качества природы были формулированы в знаменитой триаде внутренних причин всех вещей. Это причины: 1) *формальная* (formalis, «форма», или образ вещи), 2) *целевая* (finalis —та же форма, как цель, к которой стремится развитие вещи) и 3) *действующая* (efficiens – сила действия в стремлении вещи к достижению этой формы).

Все это мировоззрение имело, как я уже сказал, биопсихологический, *телеологический* (греч. telos=цель) характер. Оно было, вместе с тем, миропониманием *индивидуалистическим*: каждая отдельная вещь стремилась осуществить заложенную из начала в ней цель, и *проблема взаимодействия* была проблемой вторичной: не вещи возникали из связности природных процессов, а связность их была результатом столкновения их индивидуальных стремлений. Далее, в этом мировоззрении на первом плане-

*) Таким образом, это («геоцентрическое») представление было основано на «показаниях чувств». Отсюда видна нелепость мнения, будто в науке критерием истины является только чувственное восприятие.

**) Древние не могли себе представить, чтобы небесные тела могли свободно висеть в пространстве.

стояла *вещь*, субстанция (а не «процесс», как в современной науке, ищущей прежде всего законов *явлений*, т. е. тех процессов природы, в ходе которых возникают, в качестве остановочных моментов, отдельные вещи). Отсюда для древней науки и философии имели особую важность *определения* (как формулы вещей) в отличие от новой науки с ее формулами процессов («законами»). Древняя наука и философия искали вечного и неизменного в вещах: все текучее, изменчивое казалось ей призрачным, не настоящим, не истинно существующим. Наконец, это было мировоззрение сплошь *качественное*: в нем всякая вещь объяснялась ею же самой (только в неразвитом виде), и не было места для сведения качественных различий на количественные, составляющего один из основных об'яснительных приемов новой науки. При том часто эти качественные различия вещей окрашивались точками зрения эстетическими (требованиями красоты, гармонии, совершенства тех или других частей мира и т. п.), моральными и т. д.

Это миропонимание представляло мир конечным, ограниченным и антропоцентрическим; в центре мира стояла Земля, на Земле центром всего был человек. В этом мире человек мог чувствовать себя уютно, мог представлять себе божество близким к себе. Христианская мифология населила этот мир духами—ангелами, душами святых...

42. Теперь все это меняется. В 1516 г. итальянец *Пьетро Помпонацци* в сочинении „О бессмертии души" доказывает, что Аристотель признавал душу человека смертной. *Николай Маккиавелли* (1469—1527 г.) в своем „Князе" резко восстает против церкви и требует, чтобы государство ставило себе чисто светские цели. *Мишель Монтэнь* (1533—1592 г.) скептически рассматривает все вообще „установленное" и выдвигает против него „Природу". *Жан Бодэн* (1530—1596 г.), *Герберт Чербёри* (1582—1648 г.) являются предтечами позднейшего деизма.

В развитии новой картины мира сыграли первостепенную роль *идея относительности* и применение *математики*. Николай Кузанский доказывает относительность всех „мест" и „движений". *Бернардин Телезий* (De rerum natura, 1565), вместо аристотелевских „материи" и „форм", существующих сначала в возможности (греч. dynamei, латин. potentia),

а затем переходящих в развитое состояние (греч. energeia, entelecheia), начинает об'яснять природу из материи и *движения*, а также настаивает на чувственно-опытном изучении природы. Наконец, полуполяк, полунемец *Николай Коперник* (1473—1543 г.) в знаменитой книге De revolution bus orbium coelestium—„О вращениях небесных кругов"—детальными вычислениями доказывает, что при предположении вращения Земли и других планет вокруг Солнца видимые явления должны как раз совпасть с тем, что мы наблюдаем в действительности,—иначе говоря, что видимая картина мира *относительна к нашему положению в ней*, а не абсолютна.

Передовые умы привыкают к той мысли, что *действительность может иметь, сама по себе, совершенно иной вид, чем в каком она представляется нашим чувствам*, что чувственная картина мира об'ясняется *условиями нашего восприятия*, имеющими лишь суб'ективное значение. Гениальный Джордано Бруно (1548—1600, сожженный на костре римской инквизицией) сам рассказывает о том, какие элементарные впечатления юности навели его на мысль об относительности и суб'ективности человеческих определений места, признаков вещей и т. д. Однажды Бруно взошел на вершину горы Ла Чикада, лежащей около его родного города Нол (близ Неаполя). Он смотрел на зеленевшие склоны этой, казавшейся ему высокой, горы, покрытые лесами и виноградниками, видел среди них дома и людей... Взглянув потом на стоявший вдали Везувий, он нашел его низким, бесплодным... Но когда через некоторое время он попал на Везувий, то увидел, что признаки этих двух гор переменились: Везувий представлялся ему теперь высокой горой, покрытой лесами и виноградниками, густо заселенной, а Ла Чикада—маленькой, голой, пустынной горой... И Бруно приходит постепенно к мысли, что, по всей вероятности, строй мира везде одинаков и что лишь различное положение наблюдающего обусловливает многие разницы в чувственно воспринимаемом.

Эта идея относительности играет огромную роль в создании новой картины мира. С ней связана и переоценка познавательных ценностей: старая (геоцентрическая) картина мира опиралась на чувственные восприятия (для чувств Солнце и Луна *восходят*; Земля *неподвижна* и т. д.); теперь начинают меньше доверять чувствам и больше *уму* (построению, умственному представлению в воображении,

вычислению и т. д.); отсюда с новым научным движением тесно связывается *рационализм и математика*. Я уже говорил раньше о том, что первые идеи о бесконечности вселенной идут из области *религиозных* представлений: первые теоретики „бесконечности мира" опираются на идею о бесконечности божества, как причины, творца мира. Теперь эти идеи получают натуралистическое применение и математическое обоснование.

Огромную роль играет в эту эпоху *принцип экономии мышления*. Коперник, Галилей и другие в своих основных положениях то и дело исходят из принципа, что „так представить себе данные процессы природы будет всего проще". Принцип этот имеет для них *вполне реальное значение*: все они убеждены в том, что природа действительно действует всегда самыми простыми путями и средствами; с этим принципом они подходят к явлениям,—применяют его, для об'яснения фактов, в качестве рабочей *гипотезы*, априорного постулата.

43. Книгой Коперника, вышедшей в год его смерти, человечество одержало великую победу в области астрономии и геометрии мира. Но в механике и физике в ту эпоху были в ходу частию традиционные, частию суб'ективно-фантастические воззрения.

Веком механики и физики является следующее, XVII столетие. Вместе с этими науками расцветают и важнейшие отделы математического знания.

Математическое знание, уже с IX века высоко стоявшее у арабов, лишь очень медленно просачивалось в Европу в средние века. В X веке у арабов в Испании учился Герберт (позже римский папа Сильвестр II), первый из европейцев усвоивший там нашу современную «индусскую» систему изображения чисел. Позже, в XII в., Аделяр Батский, также прошедший математическую школу арабов*), в XIII в. оксфордская группа математиков и doctor mirabilis («удивительный ученый») Рожер Бэкон*)

*) Первый перевел на латинский язык «Элементы» Эвклида.

*) Средневековая ученая, университетская среда очень любила пышные прозвища и награждала ими каждого крупного мыслителя и писателя. Вильгельм из Шампо был columna doctorum («столб ученых»). Александр Галезий,

в котором видели мага и чародея за его естественно-научные познания и предвидения открытий и изобретений; в XIV в. парижская школа оккамитов с Николаем Орезмом и др.—таковы были ранние предтечи расцвета математики в Европе.

В общем математика и математическое естествознание считались в средние века науками опасными,—их называли нередко artes moechanicae (от латин. moechor—прелюбодействую) —«науками прелюбодейными»—запрещенными, чернокнижными. Теперь наступает пора математики, механики и физики, и влияние этих наук отражается на всей философии. Отовсюду изгоняется старая теология, исчезают учения о «формах», аппетитах, скрытых качествах вещей, заменяясь об'яснениями механическими и математическими. О специально научной стороне этого движения я буду еще говорить в отделе, посвященном этим наукам; здесь же характеризую лишь его общие философские позиции.

Крупнейшие представители этой эпохи в философии—Галилей (1564—1642), Кеплер (1571—1630), Декарт (1596—1650), Гоббз (1588—1679), Спиноза (1632—1677), Лейбниц (1646—1716).

Ими были выказаны все основные формы механического миропонимания. Физика Декарта исходит из положения, что все в мире есть только движение, передаваемое от одной частицы другой при помощи удара или трения. „Безконечная материя, говорит Декарт, захватывает безконечное число движений, вечно продолжающихся в мире; нигде нет ничего, что не изменялось бы; но ни материя, ни движение не могут ни уничтожаться, ни зародиться... Движение, смотря по различным действиям, какие оно производит, называется то теплотой, то светом. Пусть кто-нибудь другой воображает себе в горящем теле *форму* огня, *качество* теплоты и наконец само *действие*, сжигающее тело,—как различные вещи. Я боюсь ошибиться, если предположу здесь что-нибудь более, нежели то, что представляется мне безусловно необходимым: я довольствуюсь тем, что предполагаю в этом горящем теле только движение его частиц".

— doctor irrefra gallis («неопровержимый ученый») Фома Аквинский—d. angelicus («ангельский»), Бонавентура—d. sorapnicus («серафический»), Дунс Скот—d. subtili s («тонкий», утонченный), Оккам—d. inrincibilis („непобедимый") и т. д.

И вот, во всей Зап. Европе начинается невиданная до того деятельность в области математики и естествознания... „XVII в. есть удивительное время напряженной творческой работы, создавшей основы всех отраслей современной науки. Масса новых понятий, частных приемов и общих методов были введены в научный обиход". (*В. Ш. Шереметевский* в „Элементах высшей математики" Г. Лоренца, 4 изд. стр. 263).

44. Влияние математики на философию XVII в. было всесторонним. Вся эта философия была *рационалистична*, притом в двух смыслах. Во-первых, ее представители опирались на *разум против* всякого *внешнего* авторитета.—все они были свободными мыслителями в вопросах религиозных. Во-вторых, они больше *доверяли* математическому *мышлению*; т. е. рассудочному познанию, чем чувственному восприятию; в логическом мышлении они видели высший метод научно-философского знания. Вместе с тем они придавали мало значения эмоциональному элементу: ум у них как бы подавлял чувство; они были *интеллектуалистами*. Далее, хотя все они интересевались проблемами метода познания, однако, их анализы в этой области были по большей части недостаточны; они указывали на то, что идеалом знания являются вполне ясные и отчетливые идеи; но что такое «ясная и отчетливая идея», каков ее генезис и отличительные признаки, это мало их интересовало: такая идея *истинна*, а истина является чем-то далее не подлежащим анализу, основным, первичным. Поэтому все они (в большей или меньшей степени) вее же являются еще *догматиками*: у них еще нет сознания, что ранее построения теорий необходим систематический анализ знания, истины и т. п. понятий. Наконец, для них, как и в математике, нет еще ясного различия между возможностью и действительностью: в математике все, что возможно (т. е. мыслимо), тем самым и действительно. Так и мыслители XVII в. понимали реальность как математическое построение, причинность—как отношение основания и следствия и считали действительным все, что можно было логически вывести из признанных за истинные предпосылок*).

Что касается индивидуальных складов отдельных мыслителей той эпохи, то Галилей обладал одновременно и огромной, глубокой интуицией, и гением наблюдателя и экспериментатора; Кеплер был также гениальный конструктор и терпеливый критик своих построений; сила Декарта была в простоте, ясности и отчетливости понятий; Гоббз и Спиноза были замечательные де-

*) Об этом см. статью *А. И. Введенского* при переводе «Метафизических размышлений» Декарта.

дуктивисты, умевшие с необыкновенной последовательностью прослеживать выводы из принятых в начале положений; гениальный математик Лейбниц—ум богатый глубокими и оригинальными взглядами на познание и необыкновенной синтетической способностью мысли. Декарт, Гоббз, Лейбниц были мыслителями преимущественно рассудочного склада; у Спинозы заметен элемент мистицизма: высший тип познания, по Спинозе, «интуитивная наука»—непосредственное созерцание гармонии и законосообразности мира, приводящее к «умственной любви к богу».

45. *Декарт* особенно резко подчеркивает различие по существу между явлениями материальными и сознательными и потому признает две несводимых одна на другую *субстанции**): „вещь протяженную" и «вещь мыслящую». Материю он сводит к протяженности; где есть пространство, есть и материя,— материя сплошь наполняет пространство. Материя состоит из телец различной величины („корпускул"), находящихся в непрерывных и самых разнообразных движениях. Движения эти происходят от внешней телам силы, от толчка, приложенного извне. Весь материальный мир есть машина. При этом Декарт понимает материальный мир очень широко: животные тоже автоматы,— „мыслящая вещь" (дух) существует только в человеке. Понятие „бога" имеет у Декарта не религиозный, а *методологический* характер: бог—гарантия значимости познания и предельный пункт об'единяющей деятельности мышления. Свою «мыслящую вещь» (душу) Декарт изучает строго научным методом и в своем «Трактате о страстях души» создает великолепный образчик научного анализа сознания.

Поэтому, хотя в онтологии Декарт дуалист, но вся его философия проникнута духом математики**) и механического мировоззрения. Французские материалисты XVIII в. являются лишь эпигонами и по-

---

*) Понятие «субстанции» у Декарта имеет три значения. Субстанцией можно называть, во-первых, *каждую отдельную вещь;* во-вторых, *два* основных *типа* всех вещей: вещь протяженную (материю) и вещь мыслящую (дух); в-третьих, единую мировую *первопричину*—бога

**) Декарт—создатель аналитической геометрии, и учающей отношения пространственных элементов под формой числ вых величин. Таким образом, Декарт и пространство методологически сводил к числу.

пуляризаторами картезианских в основе идей (как самого Декарта, так и Спинозы).

Гоббз—в онтологии материалист, в психологии —механический ассоциационист и строгий детерминист, в логике и методологии—номиналист. Главная сила его—в его общественной философии, в которой он оставил свой след признанием за исходный момент развития человечества близкого к звериному состояния «войны всех против всех», а затем чрезвычайно остроумным выводом основ гражданского порядка из деятельности чисто естественных способностей человека. От Гоббза же идет идея «общественного договора», как первичной основы общественного порядка. В политике Гоббз—монархический абсолютист.

Спиноза в онтологии „параллелистический монист субстанции": протяжение и мышление сами не субстанции, а лишь свойства, *аттрибуты*, принадлежащие некоторой единой и бесконечной *субстанции**). Эта бесконечная субстанция имеет бесконечное число бесконечных аттрибутов; а так как мы из них познаем лишь два, то в своем цельном составе она для нас непознаваема. Состояния (модусы) обоих аттрибутов текут *параллельно* одни другим, так что каждому модусу аттрибута протяжения (материальному явлению) соответствует модус аттрибута мышления (состояние психическое), и обратно, каждому модусу мышления—модус протяжения. Таким образом, по Спинозе нет мышления без материальных, сопровождающих процессов; но нет и материальных процессов без связанных с ними (через единство субстанции и параллелизм аттрибутов) процессов психических. Субстанция эта, если взять

*) Таким образом, у Спинозы картезианская (декартовская) онтология приняла такой вид: единая первопричина (субстанция в *третьем* из указанных выше смыслов) стала *единой бесконечной, всеобъемлющей субстанцией* (природой, или богом); две «субстанции», как *типы* всех вещей: протяженная и мыслящая, стали *аттрибутами*; единой субстанции наконец, *единичные* вещи у Спинозы понимаются как модификации, *модусы* этих аттрибутов. Таким образом, Спиноза пантеист: бог у него отожествляется с миром (в его творческом аспекте).

ее как уже самоосуществившуюся, есть *природа*, как совокупность всех конкретных вещей (natura naturata); если же ее взять с ее динамической стороны как „самопричину" (causa sui), как то, что „осуществляет само себя", то она будет *Природой*, или *богом* (deus sive natura - naturans). Эта Природа есть об'ект высшего, эстетического, познающего созерцания и „умственной любви".—Спиноза—строгий механист, детерминист и решительный противник всякой телеологии в природе; и в то же время, как я сказал, в его основном настроении и в его теории познания есть мистический элемент.

Отсюда видно, как ошибочно популярное, широкое понимание терминов „мистицизм" и „мистика". *Мистицизм* есть стремление жить внутренним миром и придавать особо важное, *реальное* значением известным своим настроениям и построениям. Он отличен от *магии*, магизма—от идеи о возможности для сознания, или духа *непасредственно* влиять в об'ективном мире на материальные явления. *Мистика фактически очень часто соединялась и соединяется с магизмом;* но по существу они совершенно различны, как различны, положим, материальность и цвет, хотя цвета мы никогда не воспринимаем без материальности. Спиноза—крайний противник магизма; но он несомненный мистик.

У нас нередко Спинозу сближают с материализмом. Однако, такое сближение неосновательно: единая субстанция Спинозы не есть материя. Самое большее, что можно сказать, это то, что онтологическая схема Спинозы, как не допускающая воздействия ни *мышления на протяжение (духа на тело)*, ни *протяжения на мышление*,—ибо аттрибуты субстанции совершенно раздельны, и каждый строго замкнут в самом себе,—дает вполне удобную рабочую гипотезу для научного изучения материального мира. Материальные явления, по Спинозе, могут возникать *только из материальных же.*

Однако, столь же удобные гипотезы представляют, из основных онтологических концепций XVII в., и *материализм* Гоббза, и *дуализм* Декарта,—ибо и для Декарта вся *природа* механична и даже *все животные* суть *чистые механизмы*, и всякое развитие и все процессы в них происходят в силу извне прилагаемого к ним движения, толчка.

Лейбниц в своей онтологии, носящей (в противоположность строгому монизму и универсализму Спинозы) *плюралистический*, индивидуалистический

характер, является прежде всего *динамистом:* в основе всего лежат, по Лейбницу, силы, аналогичные тому, что мы чувствуем в самих себе как „усилие". Физическое и психическое—два крайних полюса развития и напряженности этих сил. Мир состоит из бесконечного числа таких индивидуальных сил—*монад*; материя есть совокупность угасших, потерявших внутреннюю напряженность монад; дух—это развитые, усилившиеся монады. Все состояния монад (в том числе и психические) развиваются по некоторой природной необходимости; а потому и по Лейбницу, *во всем мире без всякого исключения господствует принцип «механизма»*. Однако, сам этот *механизм осуществляет* некоторые *цели*, заложенные с самого начала в системе монад.

Таким образом, даже Лейбниц отнюдь не является противником механического об'яснения природы. Правда, ему приходится прибегать к большим натяжкам. Если все силы и проявления, какие может развить каждая монада, с самого начала заложены *внутри ее* („монада не имеет окон" и не может подвергнуться никакому воздействию извне), то значит—механическое взаимодействие частиц материи есть лишь видимость. Оно есть просто совпадение по времени членов двух независимых рядов изменений в силу господствующей во всем мире «предустановленной гармонии». Однако, будучи неудовлетворительной для об'яснения механического взаимодействия, схема Лейбница очень хорошо об'ясняет непрерывность и связь физического и психического и переходы их одного в другое.

Замечательны многие методологические воззрения Лейбница, оказавшие большое влияние на дальнейшее развитие философии (*E. Cassirer.* Leibnitzen's Philosophie; а также его же: Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft neuerer Zeit; см. также *В. М. Каринский.* Умозрительное знание в системе Лейбница).

47. Оставляя в стороне „окказионалистов" (*Арнод Гёлинкс*, 1625—1669), *Николая Мальбранша* (1638—1715) и др., перехожу к следующему периоду философии, охватывающему почти весь XVIII век.

Итоги достижений научного движения XVII в. подводит великий *Исаак Ньютон*, главный труд ко-

торого „Математические принципы естествознания“ (Philosophiae naturalis principia mathematica) выходит в 1687 году. Вскоре после этого, в 1690 г. появляется не менее знаменитый „Опыт о человеческом разумении“ *Джона Локка* (1632—1704), открывающий новую эпоху, характерной чертой которой служит интерес к проблемам *методологическим*, анализ *процессов познавания* и *науки, как систематического целого.**)

Как рассказывает сам Локк в «Письме к читателю», предпосланном его знаменитому «Опыту о человеческом разуме» (Essay concerning the human understanding), поводом к написанию этой работы послужил следующий случай. Однажды, зимой 1670—71 г. у Локка собрались его друзья; начался разговор о принципах нравственности и откровенной религии, который вскоре так запутался, что собеседники стали втупик: во всех пунктах вставали неразрешимые трудности...

«Некоторое время мы пробыли в смущении, пишет Локк, ни на шаг не приблизившись к разрешению смутивших нас сомнений».

Проводив друзей, Локк долго думал ночью, от чего это произошло, и ему стало ясно, что причиной была неясность тех понятий, которыми он и его друзья пользовались, как готовыми, не задавая себе вопросов о их происхождении, смысле и содержании, не давая им точных определений. Локк записал тогда же ряд первых пришедших ему в голову соображений и вскоре прочел их друзьям. Те одобрили его начинание, и Локк в течение почти 20 лет набрасывал от времени до времени свои заметки, которые потом и собрал в книгу, вышедшую в свет в 1690 г.

С Локка начинается новая эпоха в философии —эпоха методологических и критических изысканий. Мыслители XVII века были в общем *догматиками*: они выставляли теории („догмы“), не ставя себе

---

*) Надлежащее понимание этой эпохи истории научной и философской мысли требует рассмотрения целого рода теоретических и терминологических вопросов, которого здесь, в совершенно схематическом историческом обзоре, дать нельзя; это будет сделано в соответствующем месте.—Теперь же нам придется ограничиться указанием лишь самых общих вех—для того, чтобы вы вынесли то основное впечатление, которое должно у вас отложиться из этого обзора: что история научно-философской мысли есть *связный процесс развития*, в котором проблемы и точки зрения выступают *в основном* не случайно и хаотически, а *в известном порядке*, с известной определенной последовательностью. История человеческой мысли, как и всякая другая история, имеет свою внутреннюю логику; она изучает некоторое *эволюционирующее* целое, а не только совокупность случайных построений, или «курьезов мысли».

целью предварительно происследовать *саму способность познания*, определить ее функции, ее законы, границы; они лишь частично, мимоходом высказывали по этой части (иногда очень ценные) отдельные замечания. И вот, новое слово раздается на этот раз, из уст Локка, в Англии. Англия незадолго перед тем стала передовой, богатой торгово-промышленной страной. Развитие национального могущества при Елизавете, жестокая социально-политическая борьба при Стюартах, долгий и сложный процесс религиозной реформы—все это будило умы, и вскоре Англия выставляет целый ряд первоклассных мыслителей, придавших научно-философской мысли человечества новый вид.

„Значение английской школы, ставшей классической в истории философии, справедливо говорит Г. Гефдинг в своей «Истории новой философии», состоит в том, что она сделала независимую проблему из изучения развития человеческого познания и тех форм и предпосылок, которыми это познание располагает. Локк и его последователи утвердили независимость проблемы познания рядом с проблемой бытия, ранее совершенно затенявшей проблему познания: они теорию познания предпослали онтологии. И если (с Кантом) под „догматизмом" разуметь стремление использовать наши идеи для проникновения в сущность вещей—без достаточного испытания условий и границ познания, а критическую философию понимать как такую, которая как раз изучает способность познания ранее построения теорий о бытии, то *критическая философия начинается* решительным образом с *Локка*".

Как это имело место и в древнем мире, после эпохи почти исключительно конструктивной (XVII в.) наступает новый период анализа, критики, методологии—период, когда, с одной стороны, от самих конструкций требуется, прежде всего, критико-методологическое обоснование, с другой—когда и сами конструкции вырастают на почве положений, выдвинутых в целях критического анализа познания.

Локк*) дает ряд превосходных анализов основных понятий с точки зрения их *генезиса*; но его попытки оценить *правомерность* познания остаются незавершенными. Решение онтологического вопроса Локк от себя отклоняет, допуская возможность материа-

*) В теории познания Локк эмпирик, противник теории врожденных идей.

листического ответа—на том основании, что бог, как существо всемогущее, мог сотворить материю мыслящей. Во всяком случае онтология мало интересует Локка.

48. Анализ познания, так успешно начатый Локком, продолжает *Джордж Беркли* (1685—1753). В уме Беркли живут одновременно две силы: с одной стороны, мощь теоретика—великий аналитический талант, поразительное чутье *конкретного*, необычайная смелость в научном исследовании, и с другой—практическая, этико-религиозная струя, пламенная ревность к христианскому просвещению. Эта последняя сделала его на целый ряд лет высоко гуманным (не в пример многим другим миссионерам) проповедником христианства на диких Бермудских островах. Она же окрасила и его собственно научные искания, *не исказив их*. Поэтому Беркли и входит в историю *научной* философии, не смотря на свои христианско-апологетические стремления.

С Беркли случилось то самое, что было с крестоносцами: крестоносцы (суб'ективно) хотели освободить от неверных „гроб господень", а (об'ективно) открыли Европе и ее торговле путь на Восток. Так и Беркли хотел защитить христианство и опровергнуть материализм, а по дороге нашел *научное об'яснение психологического генезиса идей пространства, движения и материи в познающем суб'екте.*

Беркли—сенсуалист и номиналист: всякое реальное познание по нему, дается *чувственным* опытом, реально лишь единичное, конкретное; всякие отвеченности суть только имена, слова. Беркли решительный враг всяких отвлеченных понятий и построений. В этом он подчас доходит до крайности,—обнаруживая иногда непонимание математического метода и прямую вражду к математике, в которой он видит твердыню материализма. Беркли показывает, какие конкретные *чувственные восприятия* зрения, осязания и движения («идеи») лежат в основе «примышляемых» (как можно это сказать современным термином) нами «фикций»—*отвлеченных* понятий пространства и материи. Правда, Беркли идет дальше и из области методологии переходит в онтологию: он заключает, что *онтологически* (сами по себе) существуют только «духи», а внешние вещи существуют *эмпирически*, т. е.

непременно *в чьем-либо опыте*; а раз тех или иных вещей не охватывает опыт ни одного конечного существа, они непременно все же охватываются опытом бога—«мирового духа». Однако, эта онтологическая часть воззрений Беркли легко может быть отделена от его собственно научных достижений; как всякая метафизика, она не имеет права претендовать на научное значение. Но очевидно, для того, чтобы предпринять такой глубокий анализ нашего познания внешнего мира и его основных понятий (пространства и материи), исследователю нужны были особенно сильные мотивы,—и их в данном случае дало горячее религиозное рвение Беркли. В такой форме *наука использовала жизнь, а жизнь влилась в науку.*

Не всегда правильно оценивая *отвлеченно-построительный* момент математики, Беркли за то превосходно выясняет *реально-конкретную* сторону математических понятий. В частности Беркли критиковал построения Ньютона. Ньютон, под влиянием английского платонизма (Генри Мора), признавал абсолютное пространство, время и движение: это абсолютное пространство было для Ньютона «чувствилищем» (sensorium) божества. Все эти отвлеченные понятия Беркли подверг тонкой и глубокой критике. «Абсолютное пространство говорит Беркли, называют безконечным, неделимым, неощущаемым, не имеющим ни отношения к чему бы то ни было, ни различия в своих частях. Таким образом, аттрибуты его оказываются отрицательными; оно есть чистое ничто». Точно так же и «движение невозможно отделить от движущегося тела, от проходимого телом пространства и от времени, которое оно употребляет для прохождения этого пространства. В отвлечении от всего этого движения есть абстракция, которой ничто не соответствует в действительности». Настаивая на относительности понятий пространства, движения и т. д., Беркли подает руку новейшей математике (см. отличные замечания проф. *А. В. Васильева.* Пространство, время, движение. Исторические основы теории относительности. Птргд. 1923, стр. 39 и сл.).

49. Что научные достижения Беркли не были необходимо связаны с его спиритуалистической теорией, это наглядно показал шедший по его следам знаменитый *Давид Юм* (1711—1776). Юм приложил метод Беркли к анализу нашего знания о *духе.* И как Беркли по отношению к материальному миру нашел, что в опыте мы имеем лишь *конкретные*, воспринимаемые *данные*, касающиеся проженности и материи, так и Юм—в применении к «духу»—пришел к убеждению, что опыт дает нам лишь *отдельные, конкретные* восприятия сознательных состояний, но что в нем нигде нет восприятия «духа,

как такового", как субстанции. Равным образом, нет в опыте и понятия «причины», как *необходимой связи.* В опыте есть лишь *конкретные последовательности*, часть которых оказывается *повторяющимися, постоянными, неизменными*; такие последовательности мы и называем „причинными", не имея на это, собственно, никакого права, потому что, *кроме их повторности*, их „общего" характера, мы ничего *о связи* их моментов *не знаем* („причинность" есть суб'ективный примысл фантазии). Эти глубокие и остроумные размышления Юма догматически усвоил впоследствии О. Конт, основавший на них теорию познания своего „позитивизма". По Юму, мы ничего не знаем и не можем знать о „сущностях", о „субстанциях", как таковых, потому что опыт дает нам лишь те или иные *явления* (греч. phaenomenon; отсюда „феноменизм"—учение о том, что познаваемы одни явления). Иначе эта точка зрения гласит: наше познание ограничено областью опыта; познание внеопытное, онтологическое невозможно. Сам Юм называл себя умеренным, „академическим" скептиком; в XIX в. его стали называть „агностиком" («не знающим», отказывающимся от знания сверхопытного, трансцендентного).

Воззрения Юма на познание и строй сознания носят на себе несомненную печать той новой картины физическою мира, какая была создана в XVII веке. Как материальный мир состоит из безчисленного количества некоторых элементарных единиц (атомов, корпускул), находящихся между собою в механических соотношениях движения и толчка, притяжения и отталкивания, так и мир психический слагается из сознательных состояний (у Юма «перцепций»), каждому из которых *присущи* свои особые силы движения, притяжения, отталкивания и группировки, следствиями и выражениями которых являются их соединения, *ассоциации.* Эти сознательные состояния самопроизвольно вытягиваются в *ряды* и *цепи* смежностей, соединяются в *группы* и в *целые* сосуществований, сортируются в *отделы* по сходству так же автоматически, как материальные частицы «механически» притягиваются друг к другу обратно пропорционально квадратам их расстояний, образуя безчисленные группы, ряды и целые вещей и процессов. Поэтому учение Юма о познании можно охарактеризовать как *гносеологическое ньютонианство;* оно есть

перенесение той картины, какую принял материальный мир в трудах основоположников новаго естествознания, и особенно Ньютона, на строй сознания и познания.

Юм уже самим подзаголовком своего классическаго «Трактата о человеческой природе», поясняющим, что этот Трактат есть «попытка ввести экспериментальный метод разсуждения в нравственные вопросы», подчеркивает эти тенденции своей мысли: именно Principia Ньютона были тогда общепризнанным, наилучшим образцом приложения экспериментального метода. И совершенно прав проф. Галеви, говоря, что «Юм хотел сделать для моральной философии то, что сделал Ньютон для философии естественной»... Мало того, Юм прямо сопоставляет силу ассоциаций в области сознания («перцепций») с тем значением, какое имеет для материальнаго мира тяготение. «Здесь мы имеем, говорит об ассоциациях Юм в 4 гл. I кн. I ч. Treatise, некоторого рода *притяжение* (attraction), которое, как окажется, производит в духовном мире столь же необычайные действия, как и в мире естественном, и проявляется в столь же многих и разнообразных формах. Его действия везде очевидны; но что касается до его причин, то они по большей части (mostly) неизвестны и должны сводится на первичныя (original) свойства человеческой природы, на об'ясиение которых я не претендую»...

50. Знаменитый «Трактат о человеческой природе» Юма вышел в 1739 г.; а через 10 лет, в 1749 г., вышел труд Д. Гертли (также внушенный «новой физикой»), пытавшийся вскрыть механику психических процессов при помощи понятия «ассоциации», естественной тенденции элементарных сознательных состояний к образованию сложных целых. Гертли сознательно пытается следовать методу Ньютона и, с другой стороны, прямо указывает, что на одну из его основных теорий—на теорию „колебаний" и «колебаньиц», как нервно-физиологических коррелятов сознательных процессов—его навели Ньютоновы Philosophiae naturalis principia mathematica и Ньютонов трактат по оптике. Действительно, Ньютон заканчивает свой великий труд, свои Principia такими словами о гипотетическом эфире: «Следовало бы кое-что прибавить о некотором тончайшем духе, проницающем плотные тела и в них скрыто пребывающем, силою и действиями которого частицы тел взаимно притягивают друг друга до минимальных разстояний и, сделавшись смежными, соприкасаются (cohaerent); силою которого далее электрические тела (corpora electrica) действуют на больших расстояниях, то отталкивая, то притягивая соседние тела... Наконец, тою же силою возбуждается всякое ощущение и приходят в произвольное движение члены животных—посредством распространения колебаний этого духа по твердым канальцам (capillomata) нервов от внешних органов чувств к мозгу и от мозга к мускулам». Это место и аналогичное ему в «Оптике» и послужили для Гертли толчком к созданию его теории «колебаний» и „колебаньиц", как физиологических коррелатов

ощущений, представлений и ассоциаций между теми и другими... А преданный ученик Гертли—Джозеф Пристли—прямо даже сопоставляет Гертли с Ньютоном, отдавая при этом, под влиянием извинительного в данном случае преувеличения, Гертли преимущество перед Ньютоном. «Д-р Гертли, пишет Пристли, бросил на теорию ума свет более обильный, чем тот, каким осветил учение о мире природы Ньютон»...*)

Укажу еще в Англии XVIII в. на движение *деистов* (или «атеистов», как их первоначально называли). Деизм (условное обозначение, от латин. deus=бог)—такое религиозное миропредставление, которое признает божество за личное существо, но отрицает всякие непосредственные соотношения между божеством и человеком (откровение, таинства, чудеса и т. д.) и полагает, что божество может действовать только одним *естественным* путем —через законы природы. Деизм представляет собою, таким образом, переработку традиционной религии на основе «новой», натуралистической картины мира. Это—«естественная» религия, религия Природы. Деизм старается включить в свои принципы положения, общие всем установленным религиям; он признает за истину то, что обще *всякому* религиозному сознанию, и отвергает все, в чем отдельные религии между собою несогласны. Главные английские деисты—*Джон Толанд* (1670—1722 г.), *Антони Коллинз* (1676—1729 г.) и др. Во Франции деистами были *Вольтер* (1694—1778 г), *Руссо* (1712 — 1778 г.); в Германии сходных взглядов держался в своей «Религии в пределах одного разума» Кант. Деизм дошел и до наших дней в лице хотя бы (бывшего под влиянием Руссо) *Л. Н. Толстого* (1828—1910 г.). Около средины XVIII века в Англии шли продолжительные и ожесточенные споры в связи с деизмом (особенно по вопросу о «чудесах»)... Далее в английской философии XVIII в. можно отметить широкое развитие этических теорий, из которых особенное значение для дальнейшего получили 1) «утилитаризм», обоснование этики на понятии пользы (сначала в богословской форме у Пэли); 2) теория симпатии—у знаменитого, в качестве политико-экономa, Адама Смита, и др.

Наконец, интересное явление представляет в Англии XVIII в. так наз. «шотландская школа» философии «здравого смысла», пытавшаяся дать ответы на познавательный скептицизм Юма, исходя из «инстинктивных уверенностей» в том, в чем сомневался Юм. В этом смысле шотландская школа ставила себе задачу, до некоторой степени аналогичную той, какую в то же время поставил себе в Германии Кант. Но неизмеримое превосходство Канта над этой философией инстинктивного «здравого смысла» состояло в том, что Кант исходил из анализа *научной методологии*, что он связал исследование познания с анализом прочных

*) О психологических воззрениях Гертли см. в имеющем вскоре выйти свет моем сочинении «Опыт истории ассоцианизма».

достижений новой науки,—тогда как «шотландская школа» осталась в рамках религиозно окрашенного интуитивизма.

51. Французский материализм XVIII в. (Ла-Меттри, 1709—1751 г., Гольбах, 1723—1789 г.) был, как я сказал, всего лишь догматизацией того, что было создано в XVII в. великими систематиками новой науки: Декартом, Гоббзом, Спинозой; однако он сыграл большую общественно-просветительную роль. Более самостоятельное значение имеет Гельвеций (1715—1771 г.), давший основу для развития утилитаризма своими остроумными идеями о связи личного интереса с общественным и о возможности морально влиять на людей при помощи целесообразного использования их эгоистических стремлений. Этими взглядами Гельвеций повлиял на основателя философского утилитаризма, английского юриста Иеремию Бентама (1748—1832 г.), который хотел идти по стопам как Гельвеция, так и Ньютона. «Чем был Бэкон для мира физического, писал Бентам, тем Гельвеций был для мира нравственного. Мир нравственный имел своего Бэкона; но своего Ньютона он еще ждет». И несомненно, быть таким „Ньютоном мира нравственного", подчинить все многообразие психической жизни некоторым простым законам—надеялся сам Бентам.

Особое положение во французской мысли XVIII в. занимает знаменитый автор «Общественного договора» Жан Жак Руссо (1712—1778 г.), оказавший большое влияние на всю этическую и общественную мысль эпохи.

52. Завершает философию XVIII в., открывая вместе с тем перспективы дальнейшего развития, Иммануил Кант (1724—1804 г.), об'единивший в некотором глубоком синтезе, с одной стороны, методологию новой науки (как она была представлена, прежде всего, в великом произведении Ньютона, а также и в других классических трудах), с другой—результаты скептической критики знания Юма, и с третьей—развивший те зачатки рационалистического „априоризма", которые были еще у Лейбница.

Прежде всего, Кант передвигает сущность проблемы анализа познания. Юм изучал. во-первых, вопрос о познаваемости *духа* (или *души*), т.е. вопроса *онтологического*, приходя здесь к отрицательному результату; поскольку же он приходил к результату положительному, он имел в виду всегда разум (мышление, сознание), как нечто *познаваемое*, как *об'ект* познания. Конечно, изучая этот разум, Юм поль-

зовался фактически своей *познавательной способностью*; но изучал он в своей теории познания не ее самое, не эту познавательную функцию в ее актуальных, познавательных *деятельностях*, а законченные *результаты* этой деятельности. У Юма „разум" везде понимается как *познаваемый*, как продукт познания, а не его агент. Кант, напротив, ставит целью своего изучения *разум*, *как познающий*, как *агента познания*,—саму познающую деятельность. Поэтому, у Канта дело может идти отнюдь *не о душе, как субстанции,* а о чем-то совершенно ином: *опознающем суб'екте*; иначе говоря, точка зрения Канта, в основе своей, не онтологическая, а *гносеологическая*.

Далее, Кант глубже и шире Юма ставит вопрос об основном источнике знания—об *опытном* познании.

Знаменитую „Критику чистого разума" (1881 г.) Кант начинает словами: „Нет сомнения, что всякое познание наше начинается с опыта"; но добавляет к этому через несколько строк: „однако, не все наше познание происходит *из* опыта... Само наше опытное познание есть нечто сложное". И Кант делает попытку указать состав этого опытного познания: оно слагается из воспринимаемого посредством впечатлений и из того, что мы произносим от себя, в качестве построяемого умом. Таким образом, в противоположность сенсуализму английской школы, отрицавшему значение в познании „рационального" элемента, Кант учитывает и этот последний и тем придает проблеме познания более широкую и правильную постановку. Дальнейшей заслугой Канта является то, что он передвинул центр гносеологических исследований с *психологических* вопросов (о происхождении и развитии познания в индивидууме) на *логическую* проблему состава и строя *науки,* как *безличного* и претендующего на *достоверность* и *общеобязательность*, *систематического* целого. Кант приходит к выводу, что научное знание возможно и достоверно потому, что познающий суб'ект привносит в нем

к чувственному материалу известные *построяемые* им (*независимо от чувственного опыта*,—для этой мысли Кант употребляет старое, плохо передающее мысль выражение: «априорные») упорядочивающие *формы*. Сложная гносеология Канта не поддается краткой формулировке. Но несомненно, что центральным пунктом его учения о познании является именно попытка указать *в составе науки рациональные, построяемые умом, упорядочивающие* и потому аналогичные математическим понятиям познавательные формы и основоположения. Смысл гносеологии Канта, конечно, вовсе не тот, что „дух" из ничего «магически» создает пространство, время и другие формы научного знания, и что „реальность" сама по себе не пространственна, а *прежде всего тот*, что *наука*, как систематическое целое, требует, сверх чувственного материала, еще и привносимых умом *построений*, каковы, напр., общие, *математические* (безконечные, равномерные, единые) пространство и время, отличные от конкретных, имеющихся в опыте, единичных, *психологических* восприятий «реальных» *участков* пространства и времени, не обладающих этими признаками (конечных, неравномерных, множественных). Поэтому Канг и спрашивает в „Пролегоменах" *не* как возможна *природа* (как она дана в опыте)? а *как возможны математика и чистое естествознание*? Он спрашивает, в первую голову о *науке*, а не о реальности. Конкретные, *эмпирические* время и пространство и для него вполне *реальны*. Поэтому чрезвычайно смешную фигуру представляет собою тот „кантианец" в одной из «Симфоний» Андрея Белого, который забирался в узкие места (напр., под диван), чтобы сжать свой пространственный кругозор и таким путем облегчить себе представление того, как будут выглядеть предметы „помимо суб'ективной формы пространства". Все *вот эти*, окружающие нас предметы входят в состав *опытного знания, наглядного представления*, а потому они *необходимо пространственны* и „представлять" себе что-либо вне необходимых условий

представления—это абсурд...*) Правда, у Канта есть довольно неясное понятие некоторой не подлежащей чувственному восприятию (а потому и не подчиненной форме пространства), только *мыслимой* „вещи в себе", и Кант, к сожалению, не раз злоупотреблял этим понятием. Но при историческом рассмотрении очевидно, что кантовская «вещь в себе» есть бледный остаток старой идеи *субстанции, как чего-то отличного от «качеств»* и лежащего в основ единства и тожества вещи,—идеи, имевшей такое большое значение у Аристотеля, господствовавшей в средние века, давшей основу для догматической философии XVII в., но постепенно разрушенной философской критикой. Такая „вещь в себе" есть, конечно, уже не реальность, а голое *понятие*,—точнее, *фикция*, а потому она столь же „пространственна", как Пегас, Химера и т. п. Правда, повторяю, у самого Канта есть опасное колебание между этим пониманием «вещи в себе» и отожествлением ее с подлинной реальностью, а потому Кант не без греха в этой путанице воззрений (утверждению ее способствовал и Гегель). Но во всяком случае дело не так просто, как может казаться с первого взгляда. Позднейшая философская критика исправила в этом пункте воззрения Канта и окончательно изгнала *эту*, чисто фиктивную „вещь в себе". Наоборот, если под „вещью в себе" разуметь *конкретные*, окружающие нас предметы, реальность которых мы познаем, *действуя над ними*, то это будет, конечно, *другой смысл термина*, который совершенно иначе надо и оценивать. Смысл этот можно назвать „реалистическим",—в отличие от кантовского, к которому скорее всего подойдет название „метафизического" (или «онтологического»).

---

*) Такая сбивчивость понятий, повидимому, довольно распространена. Когда я излагал на лекции эти взгляды Канта, я получил из аудитории записку, автор которой, видимо, хотел „окончательно убить" Канта. Если пространство, по Канту, есть «субъективная форма познания», стояло в этой записке, то значит „тело покойника не пространственно". Не говоря о том, что с этой точки зрения «по Канту» был бы „непространствен" и всякий другой материальный предмет, не обладающий сознанием (камень, металл), тут характерно это популярное *онтологическое* трактование проблем, по существу *научно-методологических*.

Я должен ограничиться здесь этими краткими намеками, и то лишь на некоторые пункты учения Канта о познании; сколько-нибудзь подробное изложение его воззрений совершенно вышло бы из рамок настоящей краткой схемы исторического развития научно-философской мысли. Кант занимает определенное место не только в истории гносеологии, но и в космологии („Естественная теория неба"), в этике, эстетике, философии религии и т. д. Его философия оказала огромное историческое влияние.

53. Правда, в ближайшие десятилетия после Канта в Германии была пережита реакция против некоторых его основных идей,—развитие научно-философской мысли сделало один из своих обычных „диалектических" поворотов: идея критики познания, давшая такие большие результаты в течение XVIII в., временно как бы изжита; чувствуется потребность перенести центр внимания на другие проблемы, охватить и переработать новый материал. *XIX век—есть век нового расцвета реальных наук*; особенные успехи делают науки *биологические*, *общественные* и *исторические*, причем в самих биологических и общественных науках получает особое значение *историко-эволюционная* точка зрения.

В области собственно философии особенно оживленная работа идет в Германии. Здесь с влиянием кантовской критики познания сплетаются, с одной стороны, влияние спинозизма, с другой—историческо-эволюционная точка зрения, постепенно подготовлявшаяся еще во второй половине XVIII в. *И. Г. Фихте* (1762—1814 г.) ставит себе задачей*) систематизировать те познавательные функции и формы, о которых по отдельности говорил Кант, представить их в связной, эволюционирующей последовательности, как проявления некоего суб'екта—„я". При этом мысль Фихте колеблется между *тремя* пониманиями этого „я"—суб'екта этих познавательных фун-

*) В своем «Наукоучении», получившем у него целый ряд последовательных переработок.

кций и форм: 1) *индивидуально* психологическим и суб'ективно-гносеологическим его истолкованием, при котором взгляды Фихте получают тенденцию к *солипсизму*, т. е. признанию за основную реальность" *одного* познающего суб'екта; 2) *онтологическим* их пониманием, при котором „я" получает косический характер некоторой основной мировой реальности, и наконец, 3) *об'ективно-гносеологическим*, или *логически м* пониманием—как безличных чисто умственных содержаний („чистая логика").

В детальном проведении своей задачи Фихте проявляет немало произвола; но основная цель его —дать генетическую схему познавательных функций и форм—имеет вполне научный характер и должна была быть выполнена. Фихте первый вводит, в качестве основной схемы этого развития, принцип «диалектической триады»: тезиса, антитезиса и синтеза*).

Шеллинг (1775—1852 г.), начавший также с кантианства, бывший одно время под влиянием Фихте, переходит затем к натурфилософии, и считая разработку гносеологических проблем в общем законченной, пытается выйти из кантианства „в свободное море об'ективной науки". Однако, при выполнении этого вполне разумного желания Шеллинг, увлекаясь своей богатой фантазией и не обладая достаточным критическим чутьем и надлежащей методологической выправкой, выходит подчас далеко за пределы сколько-нибудь обоснованных утверждений и впадает в такия гадания о „домировых" стадиях истории вселенной и т. п., что надолго компрометирует натурфилософию в глазах специалистов ученых и отпугивает их и от того ценного и интересного, что было в его сочинениях на ряду с этими фантазиями. Тем не менее, и от Шеллинга идет ряд идей, оказавшихся весьма плодотворными

*) Фихте за свои воззрения на божество подвергся в самом конце XVIII в. обвинению в атеизме и потерял в связи с этим место профессора философии в Иенском университете. Ранее его имел неприятности с прусским правительством на этой же почве Кант.

в различных науках (в физике идея полярности, в биологии—идея единства плана организмов и т. д.) Вообще поэтическая, нередко вдохновенная и в то же время самодовольная и претензиозная личность самого Шеллинга многое об'ясняет в загадках его философии. Своим «реализмом», разрывом с гносеологической философией кантианства, а частию и другими сторонами своих воззрений Шеллинг оказал значительное влияние на многие философские направления XIX в.

Особенно сильно было влияние Шеллинга на искусство, романтическую, поэзию, на общественные теории, метафизические построения и т. д.

Завершает этот ряд представителей так наз. «немецкого идеализма XIX в.» гениальный *Гегель* (1770—1831 г.).

У Гегеля кантовский познающий суб'ект окончательно отожествляется с мировой реальностью. Все развитие мира истолковывается как саморазвитие этой реальности („Абсолютной Идеи"), состоящее в выработке ею *понятий*, являющихся одновременно и стадиями реального мирового процесса. С этим эволюционно-онтологическим преобразованием кантианства соединяется, как я уже упомянул, спинозистский пантеизм.

Главная сила Гегеля—в области „наук о культуре", в поразительном уменьи охватить огромный культурно-исторический материал, подчинить его общим эволюционным схемам, в замечательном подчас историческое чутье. Гегель делает принцип „диалектической триады" основой общей схемы мировой эволюции, и хотя он впадает в мифологические крайности и произвольные утверждения в своей „Логике" и не вносит ничего ценного в естествознание своей «Философией природы», за то совокупностью своих сочинений, посвященных различным отделам «Философии духа», оказывает могущественнейшее влияние на все отрасли общественных и исторических наук. В частности „диалектический метод" Гегеля был, в реалистической

его переработке, усвоен Карлом Марксом при обосновании им экономического понимания истории и построении теории научного социализма.

Из остальных крупных мыслителей Германии первой половины XIX в. И. Фр. Гербарт (1776—1841 г.) частично возобновляет метафизику, несколько сходную с Лейбницевой, и обосновывает на ней, а также на математике и на опыте, психологию, а *Арт. Шопенгауэр* (1778—1860 г.), оказавший влияние на *Э. фон-Гартмана* (1842—1906 г.) и *Фр. Ницше* (1844—1900 г.), развивает эстетически окрашенную романтическую философию.

54. Во Франции первая половина XIX в дает основателя позитивизма *О. Конта* (1798—1857 г.). Конт доказывал, что развитие человеческого познания проходит три фазиса: богословский, метафизический и научный; последний фазис он, не делая самостоятельных исследований в области научной методологии, понимал довольно неопределенно: как философию действительного, достоверного, точно определимого и внутренно связного, допускающего предвидение, а потому и полезного. Оказали влияние контова классификаций наук и его попытка создания науки об обществе („социологии").

В Англии с 20-х до 60-х годов XIX в. имел большое значение так наз. „философский радикализм", или „утилитаризм", старавшийся обосновать общественную философию на принципах пользы—индивидуальной (себялюбие) и общественной—и привычки, или ассоциации. Главою этого направления был *Иер. Бентам* (1748—1832 г.), а крупнейшими представителями *Джемс Милль* (1773—1836 г.), его сын *Джон Ст. Милль* (1806—1873 г.), историк Греции *Джордж Грот* и др. Д. С. Милль двинул вперед изучение научной методологии („Система логики" 1843 г.). Бентам был враждебен традиционным религиозным точкам зрения на мир и жизнь и резко критиковал социальную роль церкви („Анализ влияния естественной религии на земное счастье людей" Бентама и Дж. Грота, 1822 г.).

Крупное явление представляет собою попытка систематического проведения через все важнейшие области реального знания принципа эволюции, сделанная *Г. Спенсером* (1820—1903 г.), еще в начале 50-х годов предвосхитившим некоторые идеи, позже (с 1859 г.) развитые *Чарльзом Дарвином*. Философия Спенсера представляет теорию, параллельную гегелианству. Спенсер является реалистическим истолкователем принципа эволюции, ранее развитого на идеалистической основе Гегелем.

55. Таким образом, общую характеристику тенденций научно-философской мысли большей части XIX в. можно дать в таком виде.

Эволюционный принцип начинает применяться во всех областях знания. История мирового целого и Земли, растительного и животного мира, человеческого рода и его отдельных частей —племен, народов государств; история хозяйства и политического строя, религии и искусства, науки и философии—все это создано трудами бесчисленных работников науки именно в течение XIX века. Вместе с тем вырабатывается и некоторое новое чувство—«чувство времени», чувство исторической перспективы, сознание временной относительности тех категорий мысли и всех тех фактов, которые казались «вечными и неизменными» не-исторически настроенным предыдущим столетиям. «Все течет», все изменчиво,—кроме самих единообразий, или законов изменений, поддерживающих постоянство некоторых из вновь возникающих форм... Люди, прошедшие научно-философскую школу, начинают все более и более представлять себе прошлое не в виде серой, однородной и однообразной массы, а в ряде связных моментов, сменяющих друг друга по схемам и законам, которые могут быть отчетливо установлены и поняты. Создается „историческое чутье", —сознание, с одной стороны, массы одновременных, синхронистических связей, не позволяющих делать грубые анахронизмы, а с другой—некоторых временных цепей моментов, из которых каждый занимает свое, определенное место, вытекает из предыдущего и обусловливает собою последующий. Лишь в XIX в. стали смешны «героические» статуи эпохи ложного классицизма, изображавшие героев в виде древних римлян, одетых в парики XVII века, и лишь с этой эпохи начинает считаться усвоившим себе культурную традицию лишь тот, кто более или менее твердо знает последовательность и смену форм во всех важнейших отделах культуры,—кто не думает, что Одиссей справлялся о времени по карманным часам, а Колумб открыл Америку с парохода.

Идея эволюции мира, как целого, в ее научной форме восходит, по меньшей мере, к Декарту; в XVIII в. ее развивает

Кант, в начале XIX в. Лаплас („канто-лапласова гипотеза"). С Ляйелем на историко-эволюционную дорогу становится геология; с Ламарком и Дарвином биология; с Карлом Марксом и новыми историками общества—социология.

Социологические интересы XIX в. все время идут параллельно с его эволюционистскими стремлениями (и частью внутри их), так что и тут мы встречаем те же имена. Гегель и Спенсер, Дарвин и Маркс, целый ряд крупнейших историков всех сторон общественности,—наконец (по времени еще раньше) «основатель социологии» О. Конт с его школой (Т. Бокль и др.), английские «философские радикалы (И. Бентам и оба Милля), «классические экономисты» и утопические социалисты,—все это наполняет собою XIX век, делая его по истине веком «историко-социологическим».

Наконец, со второй половины XIX в. отражается на философии и расцвет всех специальных наук: математики и физики, химии и биологии. Выходит масса исследований по методологии всех отраслей науки: сама философия в известном своем отделе становится «научной»,—делает науку об'ектом своего изучения и вводит в состав общего миропредставления крупнейшие достижения специальных наук.

56. Все это делает картину положения философии к началу нового, XX столетия очень живой и богатой. Оживлению философии во второй половине XIX в. способствует также и ряд внешних обстоятельств. С 60-х годов XIX в., под влиянием общего оживления международных сношений, начинает падать прежняя *национальная обособленность* философских школ и направлений. Англичане, «пробудившие от догматической дремоты» (в лице Юма) Канта, а за ним и всю Европу, большую часть XIX в. живут юмовским капиталом, внося новое лишь в области проблем общественных (Иер. Бентам, Д. С. Милль); но с половины XIX в. их национальная исключительность слабеет, и они начинают старательно проходить школу немецкой философской мысли. В 1866 г. выходит Миллево «Рассмотрение философии сэра У. Гамильтона», последнее крупное философское состязание на почве национальной философской традиции, и в том же году печатается первое замеченное сочинение (The secret of Hegel Гётчинсона Стирлинга), приглашающее англичан поучиться у немецких философов. Позже создаются английское кантианство, гегелианство и гербартианство.

С этого же времени и в Германии начинает сказываться влияние английской мысли (особенно Юма) и вновь растет интерес к методологическим проблемам; возникает неокантинство (О. Либман, Ю. Б. Мейер, Фр. А. Ланге и др.)*) и другие напра-

*) Распадающееся и том на четыре главных школы: 1) «математизирующую» марбургскую (Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер, Гёрланд и многие другие), 2) «нормативистическую» (Виндельбанд и Риккерт), 3) «реалистический критицизм» (А. Риль) и 4) скептическое кантианство (Г. Файнгер).

вления, ориентирующиеся на методологических соображениях: «имманентная школа» (В. Шуппе, Шуберт-Зольдерн, Леклер, Кауфманн, Ремке и др.), психологизм (Т. Липпс, Ерузалем), немецкий позитивизм (Э. Лаас, Геринг, Г. Корнелиус), наконец школа «чистой логики» (феноменологизм Э Гуссерля). В общем в Германии преобладает в методологической философии рационалистическое направление.

Франция после погрома 1870—71 г. также начинает принимать более живое участие в европейском движении философской мысли.

Во всех странах основываются философские журналы, знакомящие каждого мыслителя с тем, что делают его собратья в других странах: созываются международные философские конгрессы; устраиваются национальные и международные конкурсы работ на определенные темы,—образуется единая, обще-европейская и американская научно-философская культура.

Систематически обозреть важнейшие новые направления философии нам невозможно. Ту группу которая, в противоположность рационализму, выдвигает иные (интуитивные и т. п.) принципы, Риккерт*) об'единяет под общей рубрикой «философии жизни». Риккерт относит сюда таких мыслителей, как Шопенгауэр, Ницше, Бергсон, У. Джемс и прагматисты, Зиммель, Дильтей, Паульсен, Файнгерт и др. **) Если умыслителей методологического типа часто не хватае общей картины действительности, если они из-за (необходимых, конечно, но недостаточных самих по себе) методологических «лесов», скреплений и подпорок, забывают о самом здании, для построения которого назначаются сами эти леса и подпорки, то философы «жизни» грешат методологической необоснованностью своих утверждений и часто выдвигают свои решения мировых проблем, опираясь на инстинкт, интуицию, непосредственное убеждение и т. п. основания, в сущности, суб'ективные и не обладающие общеобязательностью. Риккерт справедливо указывает на «беспринципность интуитивной философии жизни», на то, что эта философия совершенно неправильно уклоняется от более строгих, логических построений и обоснований («борьба против системы») и слишком долагается на «чистое созерцание». Риккерт признает, что „философия должна быть теорией жизни", что жизнь должна быть об'ектом философских анализов, но отрицает, чтобы «жизнь», т. е. непосредственные пере-

*) *Г. Риккерт* Философия жизни. Изложение и критика модных течений философии нашего времени. Пер. Е. С. Берловича и И. Я. Колубовского. Петроград. 1922

**) Другие группы мыслителей стоят между этими двумя типами, примыкая в известной степени к обоим. Такими являются, напр., «имманентная школа», эмпирио-критицисты (Р Авенариус, Э. Мах и др.), Гуссерль и др. Точно так же и Шопенгауэр, связанный с «философией жизни» своею метафизикой мировой воли, является в то же время и одним из возобновителей кантианства, т.е гносеолого-аналитической философии. Правда, кантианство в представлении Шопенгауэра получает довольно упрощенное истолкование.

живания, могли дать *метод* и *точки зрения* для этих анализов. Такой метод дается не непосредственным жизненным чувством, а *логикой* и критикой *понятий*: «всеобемлющая философия всей жизни должна быть построена на основе *теории всех ценностей*» (в том числе и теоретической ценности «истины»),—думает Риккерт.

В настоящее время имеется довольно богатая литература, по которой можно ознакомиться с новейшими философскими направлениями. Очень полезной может быть книжка *П. И. Блонского* „Современная философия", части I и II. М. 1919 и след., дающая общую схему и значительный материал. Далее можно указать: *Г. Геффдинг* «Современные философы», М. 1912, *О. Кюльне* „Современная философия в Германии"; *А. Риль* «Введение в современную философию»; последние отделы в «Общедоступной истории философии» *К. Форлендера* (М. 1922). На немецком языке: IV том Grundriss der Geschichte der Philosophie ***Ueberweg-Heinze*** (обработанный в последнем издании K. Oesterreich'ом); ***J. Baumann*** Die deutsche und ausserdeutsche Philosophie der letzten Jahrzehnte (Gotha, 1905); ***M. Frischeisen Köhler*** Die moderne Philosophie; Die deutsche Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen, herausgegeben von Rauym. Schmidt Lpz. 1921,2 Bände и др.; а также многочисленные журнальные обзоры разных авторов. О новейшей английской и шотландской философии книги ***Mason'a, Pringle-Pattison'a, Forsyth'a.***

57. К каким итогам и выводам приводит нас обозрение исторического развития научно-философской мысли? Видим ли мы здесь лишь вековечную разноголосицу пестрых и противоречивых, суб'ективных мнений, или же мы можем заметить некоторый более или менее связный процесс развития?

Я уверен, что имеет место именно последнее. Если мы возьмет историю мысли новых народов, *представляющую некоторое единое, сплошное целое начиная с IX—X века по Р. Х.* и кончая современностью, то мы сразу увидим несколько совершенно определенных основных тенденций, постепенно реформирующих научно-философскую мысль человечества.

Не пытаясь перечислить их все, я укажу для примера лишь некоторые, наиболее очевидные.

Такова прежде всего *нозависимость* научно-философской мысли и человеческого разума от внешнего, в частности религиозного, авторитета и посте-

пенное подчинение самой религиозной сферы анализу и оценке со стороны науки и философии.

Во-вторых, *сближение с научным знанием* и обогащение всем его содержанием.

В-третих, постепенный рост *сознательного отношения* к методологической стороне познания и практической деятельности.

В-четвертых. такой же рост идей *относительности* знания и постепенное разрушение абсолютистских претензий, и т. д.

Все это совершается, конечно, не сразу, а мало-по-малу, с частичными отступлениями назад, компромиссами и т. п. Но все же окончательные итоги знания в начале и конце процесса развития очень сильно различаются друг от друга во всех отношениях.

Несомненно, что для выделения этих прогрессивных достижений мысли из общей массы исторического материала необходимы *логические и методологические* критерии, так как „сохраняется", в качестве элементов позднейшей, более широкой истины, далеко не все содержание предыдущих моментов развития, а лишь его *истинная* часть, состав которой и должен быть установлен.

58. В каком направлении пойдет дальнейшее развитие философии? Детально указать, какие именно воззрения будут развиты мыслителями, само собою разумеется, невозможно; ибо указать такие воззрения значило бы уже предвосхитить эту работу будущего. Несомненно одно: что все сомнения в будущности философии неосновательны. О. Конт и вообще позитивисты полагали, что роль философии будет закончена, когда все основные отрасли знания примут научную форму, что философия будет состоять только в *сумме* выводов отдельных наук. Австрийский мыслитель Wahle провозгласил прямо «конец философии». Ошибка всех этих мнений в том, что авторы их неправильно понимают задачи философии: философия не исчезнет до тех пор, пока людей будут интересовать и пока будут изучаться проблемы *метода*, *системы* и *оценки*: а так как эти проблемы вечны, то и философия будет существовать, пока существует культура.

Посмотрим на ближайшие задачи, какие выдвигаются перед философией в каждом из этих трех ее основных отделов.

В области проблем *методологических* сравнительно более изучена методология *научного* знания; но и здесь еще много проблем недостаточно освещены. Современное развитие *матема-*

тики и математического естествознания, не-эвклидова геометрия, специальная и общая теория относительности Эйнштейна, проблемы небесной механики и физики—все это должно дать даже и в этой, более разработанной области толчок к пересмотру многих вопросов как теории знания, так и психологии познавания и методологии наук. И как из Ньютоновых «Начал» (а также Лейбница и Юма) вышел Кант, так из Эйнштейна (если его теории окончательно укрепляется в науке) может выйти новая реформа гносеологии и научной методологии. Равным образом, проблемы *органической* природы могут дать толчок для новых философских исследований в области принципов, свойственных именно живой природе. Методология *психологических* изучений (особенно в области подсознательного, творческого) также еще находится в процессе развития, Проблемы наук *исторических и общественных*, в сущности, сделали лишь первые (правда, уже достаточно твердые) шаги; детальная их разработка—дело будущего. То же надо сказать и про методологию наук *прикладных* и самой *философии*. Везде еще много не изученных вопросов, не разработанных детально проблем. Что же касается до *истории научной гносеологии и методологии*, то это, надо сказать, еще мало разработанная хотя и крайне важная и интересная, область.*)—Если так обстоит дело с методологией знания, то *методология практики* (чувств и настроений, желаний и действий, а также и мышления—преимущественно выразительного) представляет едва початую область. Методы поведения людей в сфере интересов и этики, в реальной, личной и общественной жизни и в области творчества, в искусстве и религии, та «логика и методология воли», о которой мечтал Бентам и для которой он готовил материал в области права и законодательства, все это едва затронуто Лишь когда все эти проблемы будут достаточно разработаны, может сложиться *общая методология культуры*, в которую войдут и добытые уже результаты собственно философского, гносеологического анализа.

59. На результатах этой общей методологии культуры, с одной стороны, и на материалах отдельных культурных систем должны строиться попытки создать *цельное миропредставление*, составляющие вторую задачу философии. Здесь предстоящая работа еще сложнее, чем в первом, методологическом отделе философии: ибо она требует не только ясного понимания методологической стороны мировоззрения, как целого, и его отдельных составных моментов, но и овладения огромным материалом, входящим в состав всех культурных систем. Каждую из этих систем необходимо проанализировать в ее основах, генезисе, истории, значении для

*) Лучшею, пожалуй, общей работой в этой области надо признать капитальный труд *Э. Кассирера* Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft neuerer Zeit— 3 больших тома, полное мыслей, глубоко входящее в вопросы сочинение.

общей картины реальности, найти ей вполне подходящее место в строе целого,—и продумать, охватить все это целое. Это задача, выходящая за пределы сил отдельных, даже первоклассных умов, потому что с нею не были в состоянии окончательно справиться даже такие мыслители, как Аристотель в древности, Кант, Конт, Гегель и Спенсер—в новое время. И быть может, в этой области, с одной стороны, всего естественнее ожидать односторонних ответов и решений, а с другой—всего необходимее некоторые новые, коллективные методы работы.

Наконец, и разработка третьей основной проблемы философии—*проблемы оценок*—также далека от завершенного состояния. Проблема эта выдвинулась позже двух первых и мало еще разработана как в ее общей постановке, так и в отдельных группах оценочных деятельностей, хотя материал для обработки здесь имеется уже и сейчас огромный (факты оценок эстетических, этических, практических, религиозных, и т. д.).

Все это дает уверенность в том, что философия,—как «самосознание и самооценка культуры», способна к неопределенно далеко идущему прогрессу и содержит в себе возможности огромного количества новых творческих синтезов, новых идейных достижений.

Для обозначения такой дисциплины известный неокантианец Г. Коген попробовал применить термин «психология». Нам кажется неудачной такая попытка: со словом «психология» связаны слишком прочные ассоциации другого порядка. И понятие «философии» гораздо лучше выражает мысль такого «цельного культурного сознания», или «самосознания культуры».

60. Какое значение имеет изучение философии и ее истории *для реальной жизни?* Что такое философия с этой точки зрения? Не служит-ли она просто забавой, подчас пустой игрой ума? В чем польза ее в век техники и индустрии, когда на первом плане интерес к практически эффективному, повышающему производственную деятельность, когда все утонченности практически непосредственно безполезной мысли должны отойти на второй план?..

Несомненно, что это не так, и вот почему. *Культура* всякого народа составляет некоторое *внутренно связное целое*; она является выражением общей равнодействующей всех жизненных и умственных сил народа. И *чем сильнее народ*, чем выше напряженность его внутренней энергии, тем неизбежнее будет он интересоваться не только непосредственно практически полезным, тем шире будет круг его интере-

сов, тем громче будет говорить в его представителях *общий систематический интерес и стремление уяснить себе все*, знать все факты, понимать все проблемы — независимо от вопроса о их прямом практическом значении.

Об этом отлично говорит К. А. Тимирязев («Основные черты истории развития биологии в XIX ст.», 8). „Никакая мысль не может принести столько вреда успехам умственным и материальным, как убеждение, будто наука в своем поступательном движении должна руководиться утилитарными целями. Эта мысль, к сожалению, слышится с самых противоположных сторон. В действительности же наука может развиваться только строго последовательно... и никакой гнет самых настоятельных потребностей не может заставить научную мысль... не идти вперед строго логическим, единственным возможным путем"...

Кроме того, далеко нельзя сказать, что научное изучение философии безполезно даже в прямо практическом смысле. Конечно, философия не дает нам прямо технических средств для произведения каких бы то ни было материальных ценностей; но изучение ее *внутренно преобразует мышление самого человека*, делает его более сознательным и отчетливым, более широким и критичным, внушает ему уверенность в правильности того пути, по которому он идет, и сопровождается общим под'емам мысли и жизненной энергии, благотворно отражающимся и на всех тех деятельностях, которые связаны с удовлетворением непосредственно практических нужд людей. И не может быть великой, «мировой» культуры у народа, совершенно чуждого философии: общий расцвет сил народа непременно должен отразиться на его успехах и в этой сфере умственной деятельности.

Не даром философия делала особенные успехи у могущественнейших, сильнейших народов,—у тех, которые шли впереди, ведя за собой остальное человечество, и она деградировала вместе с другими культурными системами, когда начинала падать хозяйственная, промышленно-торговая, политическая культу-

ра этих народов. Философию создали преимущественно греки, частию римляне, арабы, а затем крупнейшие народы Зап. Европы. И в свою очередь, философские достижения этих народов уясняли основы и методы и преобразовывали остальные области их культуры, на которой благотворно отражалось то возвышение под отдельными сферами общественного бытия, то осознание жизни, к которым неизбежно ведет достойная своего именно, истинно научная и прогрессивная философия

Кроме того, в силу тесной связи с наукой, философия естественно должна быть развита там, где развита наука. Без философии,—без изучения методологии и истории мысли не может быть настоящего научного знания. Каждый научный вопрос при своем углублении переходит в вопросы методологические, каждый связуется теснейшим образом с логикой и историей мысли, каждый стремится занять свое место в общей системе миропредставления. А высокое развитие науки есть одна из предпосылок великих изобретений, высокой техники, экономии труда и его максимальной производительности.

60. Конечно, выполнение философиею этих ее задач требует соблюдения некоторых условий, необходимо впрочем вытекающих из самого существа дела. А именно, прежде всего, необходима известная широта понимания *философии, как таковой, во всем ее целом.* У нас очень часто не столько смотрят вперед, сколько оглядываются назад, не столько ведут дальше исследование самого существа проблем, не столько стараются из частичных достижений прошлого создать новые синтезы, шире и полнее охватывающие предмет, сколько ищут для себя в прошлом мысли безусловных авторитетов, возводя тем эти необходимо частичные достижения в ранг относительно полной истины. Пройти хорошую философскую школу не значит стать кантианцем или позитивистом или эмпириокритицистом и т. д.; это значит понять частичность всех этих достижений, уметь выделить в них истинное и синтезировать эти частичные истины в новое, более широкое целое. При этом часто окажется, что частично правы различные школы и направления. Нужна критика познания и теория знания,—должны мы сказать вместе с Кантом; но столь же необходима и та «реальная наука», которую противополагал кантианству Шеллинг. Прав натуралист Спиноза, смотревший на мир как на гармоническое целое, подчиненное вечным законам; но столь же прав и

и историк Гегель, приведший это целое в движение. Правы в известной сфере философы, бывшие под влиянием математического метода мышления, и правы в другой сфере эмпирики*) и т. д. Нужна каждая частная истина: ибо целое слагается из таких частных достижений, создаваемых отдельными мыслителями в зависимости от всех моментов, под влиянием которых жила их мысль.

61. Философия, как я уже говорил, близка к жизни во всех сторонах и проявлениях последней. Поэтому естественно, что философия и философы, именно *как таковые*, всегда принимали участие в жизненно-общественной борьбе; многие рисковали, терпели кары, гибли, защищая до самого смертного часа то, в чем они были убеждены, то, во имя чего они жили и умирали. Стоит вспомнить смерть Сократа и изгнание из отчизны или из постоянных мест жительства многих греческих философов, погромы пифагорейских общин, закрытие философских школ византийскими императорами, убийство Гипатии александрийской христианской толпой; бесчисленные осуждения на средневековых соборах учений и личностей схоластических мыслителей; гибель в Варфоломеевскую ночь Петра Рамуса, сожжение на костре Джордано Бруно, процесс в инквизиции и вынужденное отречение от коперниковой системы Галилея, невольное изгнанничество Декарта, которому во Франции было не безопасно жить; отлучение от амстердамской синагоги Спинозы и удар кинжалом фанатика в отмщение за отступничество; изгнание в 24 часа Фридрихом Вильгельмом I прусским философа Христиана Вольфа под угрозой виселицы; цензурные неприятности Канта из-за его религиозных взглядов; про-

---

*) Я уже упоминал об этой (одной из основных) противоположности между типами мысли. Она проходит через всю историю философии. В древности Пифагор, элейцы, Платон—мыслители математического типа; софисты, эпикурейцы, скептики—эмпирики. Аристотель и др стоят по середине. В средние века противоположность этих двух типов маскировалась сходством изучавшихся проблем; но и тут можно наметить различия: Ансельм Кентерберийский, часть схоластических логиков, Роджер Бэкон и др.—принадлежит к математическому типу; номиналисты, многие психологи—к эмпирическому. В новое время Николай Кузанский, Галилей, Декарт, Кеплер, Лейбниц, Ньютон, Эйлер, Кант—математики; Локк, Беркли, Юм и др. эмпирики; Гоббз, Спиноза совмещают оба элемента.

цесс Фихте по обвинению в атеизме и потерю кафедры в Иене; жестокую общественную борьбу многих французских и английских свободных мыслителей... Если мы вспомним все это и многое другое в том же роде, мы поймем, какую тяжелую жизненную борьбу несли философы во имя свободы мысли, во имя науки и истины, а следовательно и вообще всей культуры человечества, всего того будущего, которое они предвидели и призывали, но осуществить которое могут только силы иного порядка—более могущественные, чем теоретическая мысль.

62. Чтобы показать вам пользу философско-исторических исследований, приведу в заключение этой главы краткие справки по истории некоторых философских терминов. Из этих справок вы увидите множественность значений этих терминов, создавшуюся в многовековом процессе развития знания, а следовательно и необходимость принимать эту множественность значений во внимание при решении теоретических вопросов.

Во-первых, термин *идея*; он имеет целый ряд далеко не совпадающих одно с другим значений:

1) основное значение—*зрительный образ* (греч. i dea=videa, от корня vid, видеть);

2) платоновское значение: *типы естественных классов вещей*, самостоятельно существующие умопостигаемые «сущности»; из того, что для обозначения такой сущности Платон выбрал имя зрительного образа, ясно (кстати сказать), что Платон имел ввиду, говоря об «идеях», прежде всего их *внешне-зрительные признаки* (быть может, потому, что он сам обладал преимущественно зрительным типом представления);

3) в позднейшую эпоху древности и в средние века «идеи» понимались как существующие в божественном уме образцы всех вещей, по которым божество создало мир;

4) в средние века «материальными идеями» схоластики называли те материальные отпечатки, копии внешних вещей, которые, по тогдашнему воззрению, отделялись от предметов и, попадая в органы восприятия, вызывали ощущения;

5) декартовское (локковское) значение: всякое без исключения сознательное состояние, *как таковое*;

6) берклеевское значение: «идея»—это способ бытия всех внешних предметов, состоящий в том, что они воспринимаются сознаниями («духами»);

7) юмовское значение: «идея»—это *воспроизведенное* восприятие (perceptions of ideas – в противоположность «ощущениям» —perceptions of sensation);

8) кантовское: «идея разума» (или «трансцендентальная идея»=«необходимое понятие разума, которому нет соответствующего предмета в нашей чувственности»);

9) у Канта можно выделить и другое значение: «формальные идеи» чувственности и рассудка=априорные формы всякого научного познания;

10) наконец, «абсолютная идея» Гегеля есть приблизительно то, что Спиноза называл «богом, или природой» (deus sive natura).

Не удивительно, что не меньшей многозначностью обладает и термин *идеализм*. Эта его многозначность заставляет некоторых философов даже вовсе избегать по возможности этого сбивчивого и неясного понятия. Проф. Файингер так об'ясняет его студентам на лекциях: «термин *идеализм* не имеет никакого определенного смысла, потому что имеет их несколько». Под «идеализмом» разумеют.

1) общее социально-этическое *настроение* человека, служащего «идеалу», считающего это своим долгом и т. п;

2) «исторический идеализм» есть теория, считающая, что двигателем общественного процесса являются «идеи» и «идеалы» деятелей (а не интересы, напр.);

3) «об'ективный идеализм» Платона и Гегеля—воззрение, согласно которому основная сущность и действенная сила мира, есть некоторая умопостигаемая, идейная сущность;

4) «религиозный идеализм» средних веков;

5) «суб'ективно-гносеологический идеализм» Декарта, Локка, Юма;

6) «спиритуалистический, или антиматериалистический идеализм» Беркли;

7) «трансцендентальный идеализм» Канта.

Это воззрения далеко не тожественны друг с другом, и когда их соединяют под одним термином, ничего, кроме сбивчивости мысли, не получается. Я ограничусь здесь этой справкой о различных значениях этих терминов, не входя в более подробное раз'яснение их; с ними придется еще встречаться в дальнейшем.

Диалектика (от греч. dialegomai=разговариваю, откуда dialogos=разговор):

1) основное и буквальное значение: нечто связанное с «разговором», с процессом обмена мнений;

2) так как цель «разговора» не строгое доказательство, а *убеждение* собеседника (формой доказательства будет, напр., силлогизм и др. логические методы), то у Аристотеля и позже у Канта термин получает значение *не строго обоснованного* знания. Так, по Аристотелю, диалектика есть *доказательство из ходячих понятий* (ex endoxon, Топика, I, 1, 100 a 27), дающее лишь *вероятность*. Подобным же образом и у Канта («Критика чистого разума») диалектика есть *логика видимости* (Logik des Scheins), призрачного, сверхопытного знания. Человеческое позна-

ние имеет, по Канту, некоторое естественное стремление к «трансцендентальной диалектике», т. е. к признанию за реальности некоторых видимостей». И Кант исследует и критикует эти «видимости» (душа; мир, как целое; бог) в отделе «Критики чистого разума» озаглавленном «Трансцендентальная диалектика».

3) однако, всякий «разговор» имеет и другую особенность: в нем всегда высказываются собеседниками *различные*, а иногда *противоположные* одно другому суждения. Отсюда термин «диалектика» получает значение *метода* исследования при помощи обсуждения различных точек зрения, выставления возражений и т. п. Изобретение диалектики в этом смысле Аристотель приписывает Зенону элейскому У софистов метод диалектики вырождается подчас в «эристику»—в оспаривание всякого положения только потому, что его можно оспаривать. Серьезно и систематически начинает применять диалектику Сократ; у него она превращается в метед исследования понятий индукцией и составлением определений. У Платона диалектика получает значение искусства логического процесса восхождения, при помощи анализа и синтеза понятий, от низших понятий к высшим; этот процесс приводит к познанию истинно существующего—«идей»;

4) отсюда в древности и в средние века „диалектикой" называли вообще теоретическую философию: логику с теорией знания и онтологию (метафизику); под названием «диалектики» философия, особенно логика, входила в состав 7 „свободных искусств", и схоластических философов в средние века часто называли «диалектиками»;

5) будучи перенесена из области методологии в сферу *онтологии*, «диалектика» получает значение некоторой *реальной* тенденции к переходу каждого природного явления, факта, понятия в свою *противоположность*. Еще Гераклит Эфесский, повидимому, впервые высказал эту мысль. Позже принцип „диалектики в смысле перехода всего в свои противоположности мы находим у неоплатоника Прокла (411—485 г. по Р. Х.). Мировой процесс, по Проклу, течет по схеме триады: из первоначального единства развивается мир множественных вещей, который затем опять возвращается в единство. Онтологический момент диалектики (на об'ективно-идеалистическом основании) выдвигает Гегель. По Гегелю, диалектика есть «научное применение закономерности, лежащей в природе мышления» (с которым тожественно бытие), а также и сама эта закономерность. Сущность бытия—понятие, и диалектика состоит в имманентном движении понятия, которое, в силу содержащегося в нем «противоречия», само себя „снимает", чтобы опять вернуться к себе на высшей ступени развития. У К. Маркса «диалектика», оставаясь онтологическим принципом мирового процесса, получает характер реалистический: это основной принцип реального развития, состоящий в том, что всякий факт содержит в себе, в известном смысле, свою противоположность и в известный момент в нее переходит.

Метафизика. Термин этот возник случайно. Андроник Родосский (I в. до Р. Х.), приводя в порядок сочинения Аристотеля, поставил одно из них, не имевшее особого заглавия, но по существу связанное с „Физикой" и трактовавшее о принципах «первой философии», *после физики* (Meta ta physica); с тех пор это сочинение и получало название «Метафизики».

Так как содержанием этого сочинения были основные вопросы аристотелевского мирообъяснения (материя, форма, первый двигатель и т. д.), то отсюда получилось второе значение термина: *учение о принципах бытия самого по себе*, которое и стало наиболее общепринятым.

Далее, в более популярном и неточном смысле „метафизикой" называют иногда изучение всего, что не «физично»; в этом смысле под нее подойдут, напр., все вообще *сознательные* состояния. Этот смысл (по крайней мере, одно время) был в ходу в английском языке; «метафизикой» называли *психологию, как науку о* состояниях сознания. Так, лекции психологии известного шотландского мыслителя У. Гамильтона были изданы под заглавием Lectures on Metaphysics.

Наконец, иногда «метафизикой» называют *совокупность априорных*, т. е. построяемых познающим субъектом (не почерпаемых из *чувственного* опыта) *принципов* изучения-ли природы или человеческого действования, *отнюдь не выходящих за пределы опытного знания*, имеющих значение лишь в сфере *явлений*. Это не трансцендентные принципы бытия *самого по себе*, а имманентные приципы *познания* и бытия, *как познаваемого*. В этом смысле употреблял иногда термин „метафизика" Кант. В близком к этому значению говорит об «индуктивной метафизике» В. Вундт.

Литературные указания. I. *Определений философии* очень много: каждый философ, каждая школа выражали таким определением сущность своих философских воззрений. Платон первый понимает философию как науку («геометрия или какая-либо другая философия», Теэтет, 143 D). У стоиков философия обозначает стремление к добродетели («философия есть изучение высшей добродетели, высшая добродетель есть мудрость, а мудрость состоит в познании божеского и человеческого»,—Сенека). По Эпикуру, философия есть разумное стремление к счастью. У неоплатоников философия становится «теософией». Для христианских апологетов истинная философия определяется как помогающая богопознанию («служанка богословия»—ancilla theologiae) дисциплина, изучающая в форме понятий принципы вещей. У Фр. Бэкона философия охватывает всю науку, поскольку последняя изучает не частное, а общее; она делится на 1) «первую» философию (онтологию), 2) философию природы, 3) естественное богословие, 4) антропологию (philosophia humana), 5) политику (ph. civilis). По Канту, философия есть наука о принципах познания и действования; ее четыре вопроса: что могу я знать? Что дол-

жен я делать? На что я могу надеяться? Что такое человек? Для И. Г. Фихте философия есть «учение о науке» (наукоучение, Wissenschaftslehre), «познание, созерцающее свое собственное *возникновение, генетическое* познание». Для Шеллинга философия есть «наука об абсолютном,—об идеях, или вечных прообразах вещей»; для Гегеля—«идея, мыслящая себя». У Гербарта философия есть «обработка понятий», очищение их от противоречий и восполнение их; у О. Конта—«общая система человеческих понятий»; у Г. Спенсера «вполне об'единенное знание»; у Р. Авенариуса—„научное стремление мыслить совокупность данного в опыте с наименьшей затратой сил"; у Э. Маха «взаимное критическое восполнение, проникновение и об'единение специальных наук в одно целое». То же у Вундта: «всеобщая наука, об'единяющая доставляемые отдельными науками общие познания в единую, лишенную противоречий систему»; она делится на генетическую (учение о познании) и систематическую, или учение о принципах: последнее распадается на метафизику, философию природы и философию духа (этику, философию права, эстетику, философию религии, философию истории). По Когену, задача философии «привести науку и всю вообще культуру к пониманию их предпосылок». По В. Виндельбанду и Г. Риккерту, философия есть «критическая наука об общезначимых ценностях». И т. д.

II. *Пособия по истории ф-ии.* а) *Общие*: *Ремке.* Очерк истории философии, 2 изд., Спб. 1907; *К. Форлендер.* История философии, 2 тома; *Его же.* Общедоступная история философии, М. 1922; *Фр. А. Ланге.* История материализма; *В. Виндельбанд*; *А. Вебер*; *А. Швеглер*, *А. Фулье*; *Ueberweg-Heinze.* Grundriss der Geschichte der Philosophie, последнее (11) издание в 4 томах (древняя, средневековая, новая и новейшая ф-ия); *P. Deussen.* Allgemeine Geschichte der Philosophie, коллективная в Die Kultur der Gegenwart (есть рус. пер.) и др. б) *По истории древней ф-ии*: *E. Zeller.* Die Philosophie der Griechen (6 больших частей); *Э. Целлер.* Очерк истории греческой ф-ии (есть три рус. перевода); *В. Виндельбанд.* История древней философии; *Арним.* История античной ф-ии; *Т. Гомперц.* Греческие мыслители; *С. Н. Трубецкой.* Лекции по истории древней ф-ии*); *А. Д. Гуляев.* Лекции по ист. древ. фил.; *А. О. Маковельский.* Досократики, 3 выпуска; *П. Таннри.* Первые шаги древне-греческой науки. в) *По истории средневековой ф-ии*: *Штёкль.* Ист. схоластич. ф-ии. *A. Stöckl.* Geschichte der Philosophie des Mittelalters; *Hauréau.* Histoire de la philosophie scolastique, 2 тома; *Picavet.* Esquisse d'une histoire critique et comparée des philosophies médiévales;

*) С. Н Трубецкому принадлежат также другие работы в области древней философии: „Метафизика в древней Греции" и «Учение о Логосе». От основных точек зрения первой из этих работ впоследствии отказался сам автор. Для общей оценки этого мыслителя см. интересную статью П. П. Блонского «Кн. С. Н. Трубецкой и философия» в № 1 философского ежегодника «Мысль и Слово» (М. 1917).

De-Wulf. Histoire de la phil. schol.; *Г. Эйкен.* История и система средневекового миросозерцания; новейшая история средневековой ф-ии *Grabmann'a* и др.

г) *По истории новой философии*: *К. Фишер.* История новой философии (всего 10 томов: I—Декарт, II—Спиноза, III—Лейбниц, IV-V—Кант; VI—И. Г. Фихте; VII—Шеллинг; VIII—Гегель; IX—Шопенгауэр; отдельно том об английской ф-ии:Реальная ф-ия и ее век). *В. Виндельбанд.* История новой философии, 2 тома. *Р. Фалькенберг.* История новой ф-ии от Н. Кузанского (есть 2 рус. перевода). *Н. Höffding.* Geschichte der neueren Philosophie 2 тома (второй есть в рус. пер. под заглавием: «История новейшей ф-ии»); *Г. Гефдинг.* Учебник истории нов. философии; *Е. Cassirer.* Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft neuerer Zeit, 3 больших тома (капитальное сочинение); *А. Riehl.* Der philosophische Kritizismus, 2 тома; *L. Stephen.* History of the englisch Thought in the XVIII Century, 2 тома; *Th. Merz.* History of the european Thought, 3 тома; д) *по новейшей и современной ф-ии* (кроме указанного выше): *I. Volkelt.* Vorträge zur Einführung in die Philosophie der Gegenwart, 1892; *H. Höffding.* Einleitung in die englische Philosophie unserer Zeit, 1889; *P. Falkenberg.* Hilfbuch zur Geschichte der Philosophie seit Kant; *Leslie Stephen.* The english Utilitarians, 3 тома (Иер. Бентам, Джемс Милль, Дж. Ст. Милль); *E. Halevy.* La formation du radicalisme philosophique, 3 тома.

Кроме того, серии книжек в роде «Библиотеки философов» (издававшейся редакцией журнала «Образование»),Frohman's Klassiker der Philosophie, Philosophical Classics for english readers (ed. by W. Knight) и т. п.

Вопросы о жизненном подвиге ученых мыслителей в связи с с условиями их жизни изучают: *В. Оствальд.* Великие люди, рус. пер., Спб., 1910; *А. Decandolle*—Zur Gescichte der Wissenschaften und der Gelehrten, нем. пер. Оствальда, и др.

Добавление к параграфам о греческой философии.

Позвольте мне добавить еще несколько слов об общей схеме истории греческой науки на основании известной книги *П. Таннери* «Первые шаги древне-греческой науки». Таннери совершенно справедливо говорит (рус. пер. Спб. 1902, стр. 11), что «история науки должна служить дополнением к истории философии» (в собственном смысле). Вместе с тем Таннери, в противность более или менее общепринятому среди историков философии мнению, утверждает, что «до Платона почти все мыслители Эллады были не философами в современном смысле этого слова, а *физиологами* (как тогда говорили), т. е. учеными». С моей точки зрения, так как я ставлю философию в очень тесную связь с научным знанием, они были *и учеными*, *и философами*: они

были философами именно потому, что они ставили научные вопросы то с методологической стороны, то в систематической их связи, т. е. они были *философами в науке.*

Историю античной науки Таннери делит на *четыре* периода—приблизительно по *три* столетия в каждом.

Первый период—*эллинский* (с 600 г. до конца эпохи Аристотеля, умершего в 322 г. до Р. Х., т. е. почти до 300 г.). Эта эпоха, при начале которой «не было не только науки, но даже и понятия о том, чем она может и должна быть, завершился двумя образцовыми произведениями, перед которыми преклонился весь древний мир: трудами Гиппократа по медицине и Аристотеля... по всем отраслям теоретического знания, за исключением математики». Научное движение, начавшись на периферии греческого мира, к концу этого периода концентрируется в Афинах.

Второй период—*александрийский*, время господства династии Птолемеев в Египте (со смерти Александра Македонского в 323 г. и до имп. Августа). Это—эпоха необычайного развития математики, астрономии, частию физики, географии, филологии и т. д. (Гиппарх, Архимед, Герон, Аристарх Самосский, Эвклид, Аполлоний, Эратосфен и др.). На ряду с Александрией в эту эпоху возникает ряд новых научных центров: в Родосе, Пергаме и др. местах.

Третий период—*греко-римский*, продолжительностью также около 3 столетий (от Августа до имп. Константина, который скончался в 325 г. по Р. Х.). Римляне сами внесли собственно мало в науку, и научная гегемония и в эту эпоху принадлежала все же грекам (Птолемей, Страбон, Гален, Диофант, Папп и др.).

Движение философской мысли в античном обществе за этот период Таннри конструирует так. К началу его над другими школами получил видимое преобладание стоицизм, влияние которого, все усиливаясь, достигает апогея в эпоху Антонинов (вторая половина II века по Р. Х.).

Сила стоицизма коренилась в том, что он прикрывал собою, в сущности, политическое движение: борьбу эллинизма в его самой благородной форме, воспринятой лучшей частью римской аристократии, против жестокостей цезаризма.

Затем он внезапно исчезает; исчезают и те школы, с которыми он боролся (эпикурейская, аристотелевская, скептическая): эллинизм как бы чувствует необходимость сплотить все свои силы против надвигающейся волны христианства. Эту миссию выполняет неоплатонизм, занимающий умы в течение всего III века по Р. Х. Со смертью Плотина и его ближайших учеников исчезает различие между философскими школами, которые сливаются в одну эллинскую философию,—наступает эпоха эклектизма и синкретизма (т. е. более или менее произвольного совмещения учений, исходящих из различных принципиальных точек зрения). При этом вновь оживают древние учителя: наделяемый мифиче-

скими чертами Пифагор, Платон, Аристотель (со времени издания его трудов Андроником Родосским при Сулле, в I в. до Р. Х.). В эту эпоху возникает множество новых научных центров, и элементарное научное образование широко разливается в античном обществе.

Четвертый период—*эпоха комментаторов* и *компиляторов*—также около 3 веков, после чего замирающая греческая наука переходит в Византию, где и теплится в течение всего средневековья.

А. Философия, как методология.

ГЛАВА III.

Классификация наук.

1. Отдел методологии мы начнем с общего систематического обзора наук.

Научное знание весьма обширно по об'ему и разнообразно по составу, в нем применяются весьма различные точки зрения и принципы,—оно очень пестро по своему материалу, а потому и представляет большие трудности для обозрения и отчетливого представления. Между тем, систематический обзор наук имеет большое значение в различных отношениях. Прежде всего, такой общий обзор и ясное понимание отношений между отдельными науками существенно помогают успешности научной мысли и работы, указывая, какие знания необходимы для полного выяснения той или другой проблемы, что с чем связано и что от чего зависит, где концы тех нитей, которые проходят сквозь тот или другой предмет изучения, и т. д.

Особенное значение вопрос о систематическом обзоре научного знания получил в новейшее время, когда научный материал стал необозрим: без такого обзора сделалось невозможным ориентироваться в накопленных человечеством сокровищах знания.

Имеет такой обзор и значение образовательное: приступающий к изучению наук чувствует себя, как в лесу, в пестрой номенклатуре наук и их отделов; он теряется в этой непривычной для него и сложной системе, не понимает ее внутреннего строя;

классификация наук уясняет ему все это. Наконец, классификация научного *знания* есть в то же время и классификация того, что мы *познаем, как существующее*, то-есть, классификация основных элементов, стихий и т. д. *бытия*; и в этом смысле классификация наук имеет существенное значение для мировоззрения, для систематического и отчетливого представления о действительности (как внешней, об'ективной, так и суб'ективной, сознательной).

2. В течение истории научно-философской мысли перепробованы, можно сказать, почти все способы группировки знания. На разнообразии взглядов по этому вопросу сказались как различия в исходных точках зрения мыслителей (а частию и односторонности их взглядов), так и постепенность, с какою происходило фактическое развитие и дробление наук.

История классификации наук—вопрос очень интересный; он мог бы послужить темой для самостоятельной студенческой работы; указания по литературе вопроса я даю в конце главы.

Древний мир завещал нам две главных классификации научного и философского знания: платоновскую и аристотелевскую. В древности философия в собственном смысле не отграничивалась определенно от специальных наук, и потому в эти классификации наук входило и философское знание. Самими мыслителями классификации эти прямо не были формулированы: мы знаем их частию потому, что схемы их лежат в основе распределения научного материала по отдельным сочинениям этих мыслителей, частию же по передаче их учеников и последователей.

В основе *платоновской* классификации знания лежит комбинация *двух* принципов. Во-первых, Платон исходит из свойств изучаемого в науках *материала*, причем эти свойства характеризуются и с познавательной, и с онтологической стороны; с этой точки зрения знание делится на изучение: 1) *истинно существующего* («идей»), познаваемого при помощи *разума* и его *понятий*, 2) той видимой природы, которая не имеет вечнаго, онтологически-метафизического бытия, а составляет лишь совокупность *преходящего*—отдельных вещей и процессов (познается *чувственным восприятием*), и 3) *действий человека*, обусловливаемых его волею и составляющих его *поведение*. Отсюда тройное деление знания на *диалектику*, *физику* и *этику*. «Диалектика» у Платона обозначала те знания, которые сейчас входят в логи-

ку и онтологию: диалектика» для Платона была изучением истинно сущего, т. е. «идей» при помощи понятий, их анализа, определения и непосредственного усмотрения их содержаний. Термин „физика" происходит от греч. physis=природа; „этика"—от греч. ethos=нрав. По этим трем рубрикам можно разделить основное содержание отдельных диалогов Платона; так, Теэтет, Софист, Парменид относятся к диалетике, Тимей—к физике, Государство, Политик, Филеб и др.—к этике.

Второй принцип платоновской классификации, перекрещивающийся с первым, имеет чисто *гносеологический* характер; им подчеркивается основной принцип познавательной сферы. Таковым является познающий (через посредство понятий) *разум.* Поэтому у Платона «диалектика», наука разума, подчиняет себе и физику, и этику в их более глубоких основах: совершенное познание как природы, так и человеческой деятельности возможно только при помощи *понятий*, а следоват, диалектики. Таким образом, платоновскую классификацию, с этой ее стороны, можно представить так:

Диалектика

(познание «идей»—всех вообще, в том числе и «идей» процессов и об'ектов природы и «идей» человеческих действий и их принципов; познание при помощи *разума*, т. е. *понятий*)

Физика (познание природы—при помощи чувственных восприятий)

Этика (познание желаний, воли и действий человека)

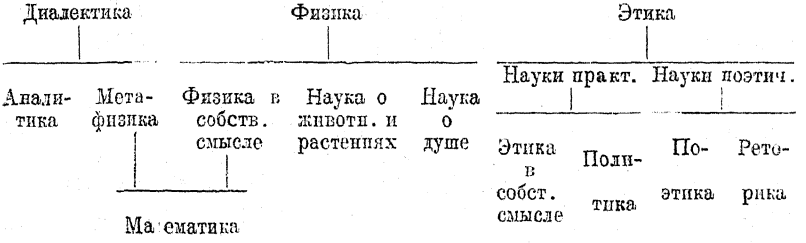
В платоновском делении знания даны лишь крупные отделы: в нем нет, напр., астрономии, представлявшей тогда уже довольно дифференцированную группу знаний. Замечательно, что не указана особо и математика, которая так высоко ставилась Платоном и детально разрабатывалась в Академии; вероятно, это произошло потому, что математические положения, являясь основой стройно расчисленного космоса, в качестве понятий, входили в диалектику; метод математики был также частным случаем общей методологии научного знания (то-есть, также относился к диалектике).

3. *Аристотелевскую* классификацию знаний можно установить лишь приблизительно, так как замечания самого Аристотеля о взаимных отношениях между науками и распределение материала по отдельным его сочинениям не вполне согласуются между собою. В основе этой классификации точно так же лежат два принципа: 1) *первый* платоновский принцип, приводящий к делению знания на диалектику, физику и этику, 2) принцип *цели*, которой служит тот или другой отдел знания. По этому принципу Аристотель делит науки на *теоретические и практические*. К теоретическим дисциплинам относятся у него диалектика и физика; к практическим—этика.

Диалектика делится на познание методов («Органон», глав-

ной частью которого являются «Аналитики») и познание принципов («первая философия». изложенная в «Физике» и «Метафизике»; она является и „богословием", так как Аристотель, кроме философских умозрений о божестве, не признает никакой религиозной догмы). От физики отделяется, с одной стороны, математика, как учение о неизменном в телах, связывающееся поэтому с учением о принципах, а с другой—учение о живых телах и психология (соч. „О душе").

Практические науки делятся на *собственно-практические* (изучающие *поведение*, деятельность—praxis—человека: этика, политика) и науки поэтические: *поэтика*, наука о *творчестве* (от poieo=делаю, творю), в связи с которой стоит *реторика* (от корня rhe=говорить), наука о красноречии. Таким образом, аристотелевское деление знания имеет приблизительно следующий вид:



4. Классификации Платона и Аристотеля, несомненно, не охватывают всего материала античной науки. Кроме указанных дисциплин, древность знала и науку о языке и слове (грамматику), и медицину, разрабатывавшуюся с давних пор в ряде школ врачей, разбросанных по Греции.

Из античных школ после Аристотеля *стоики* упражнялись преимущественно в придумывании образных описаний основных наук платоновской классификации (в роде уподобления всей науки саду, логики—ограде сада, физики—почве, этики—плодам); кроме того, они ввели удержавшийся до настоящего времени термин «логика» для обозначения того, что входило в аристотелев «Органон».

Общую систематизацию античного знания в школьных целях дал писатель V века по Р. Х. *Марциан Капелла* в энциклопедическом сочинении под вычурным заглавием: «О свадьбе Меркурия и Филологии». Капелла распределил весь материал научного знания в *семь* рубрик, ставших в средние века столь знаменитыми «семью свободными искусствами» (septem artes liberales). Эта группировка держалась в течение всех средних веков. Как известно, эти 7 свободных искусств делились на 2 цикла: 1) на *тривиум* («трехдорожие») словесных знаний: грамматика, реторика, диалектика и 2) *квадривиум* („четырехдорожие") знаний реальных: музыка, арифметика, геометрия и астрономия. По средневековому обычаю были сочинены и мнемонические стихи с указанием содержания каждой дисциплины:

Gram. loquitur; Dia. vera docet; Rhe. verba colorat;

Mus. canit; Ar. numerat; Geo. ponderat; As. colit astra;

т. е. «грамматика (учит) говорить, диалектика учит истине, риторика украшает речь; музыка (научает) петь, арифметика считает, геометрия взвешивает, астрономия изучает светила».

Эти семь наук легли в основу средневековой обще-образовательной системы, над которой выросло ко второй половине средневековья высшее знание в виде *юриспруденции* (гражданского и церковного права), *медицины* и *богословия*. Из других средневековых терминов, сбозначавших отдельные науки, нередко употреблялись «перспектива» (оптика), «экспериментальная наука» (у Р. Бэкона scientia experimentalis означала приблизительно то, что теперь называется «опытной физикой») и т. д. Так постепенно расширялся об'ем понятия науки в течение средних веков.

5. С XIV в. во всех областях знания начинают проявляться тенденции к пересмотру старого, антично-средневекового капитала, создаются новые научные дисциплины; а вместе с тем чувствуется потребность и в новой схеме классификации наук.

Из попыток этого рода особенный успех имела классификация *Фр. Бэкона*, впервые опубликованная по-английски в 1605 г. (On the advancement of learnig), а затем в более развитом виде изложенная в I-й части Instauratio magna (De dignitate et augmentis scintiarum, 1623 г.). Схема Бэкона сохраняла свое значение до появления «Курса положительной философии» О. Конта, т. е. до 30-х годов XIX века. Бэкон положил в ее основу также разделение психических способностей; но с тремя отличиями от Платона и Аристотеля. У последних по этим способностям делилось *содержание* наук (науки о том, что *состоит* 1) из *понятий*, 2) *ощущений*, 3) сознаваемых акта *воли*, *желаний* и *действий*). Бэкон, напротив, имел в виду те способности, при помощи которых (по его мнению) *создаются науки*. Иначе говоря, у Платона и Аристотеля это было деление *об'ектов* наук, у Бэкона—деление *функций познающего* суб'екта. С этим связано второе отличие: так как все науки создаются, по Бэкону, *умом*, то они сгруппированы у него по одним *интеллектуально-познавательным* способностям. Таких способностей Бэкон признает три: память, фантазию и рассудок. На *памяти* основываются исторические науки: история человечества (гражданская, церковная, литературная) и история природы. На *фантазии* базируется поэзия, под каковой Бэкон разумел изображение познанного с помощью символических образов («дидактическая» поэзия). *Рассудок* создает „об'яснительные" науки, которые Бэкон обозначает общим названием «философии»; сюда относятся (употребляя термины современной научной номенклатуры): 1) естественное богословие, 2) космология—учение о природе (физика), распадающееся на «описание» природы и «об'яснение» природы (современ-

ные теоретич. физика и химия), и учение о телеологии природы (метафизика) и 3) антропология—индивидуальная (физиология с практической медициной и психология с логикой и этикой) и социальная (с политикой). Как видно из этого перечня, Бэкон в широких размерах учел рост новой науки и дал довольно полный перечень основных областей знания. Третья особенность классификации Бэкона состоит в том, что ней нет особого отдела наук «практических»,—она содержит в себе только *теоретическое* знание; практические же науки Бэкон понимает, согласно своей общей формуле, что „человек, правитель природы, может только то, что он знает",—как *приложения теоретического знания.* Поэтому, с точки зрения Бэкона, сколько есть теоретических наук, столько же может быть и соответствующих им практических или прикладных, которых он поэтому и не перечисляет.

Бэконова классификация имела много достоинств для своего времени (напр., отделение истории литературы от истории политической, описания природы от ее об'яснения, физики от химии, психологии от философии); но в ней были и серьезные недостатки. Так, в ней вовсе не было места для математики; «поэзия» вовсе не наука; история—дело, конечно, не одной памяти, но и воображения и мышления; да и вообще во всех науках функционируют все познавательные способности человека—и восприятие, и память, и воображение, и мышление... Поэтому основное деление Бэкона неудачно.

Тем не менее, еще в 1756 г. известный французский математик-философ *Д'Аламбер*, составляя введение в знаменитую французскую «Энциклопедию», воспроизвел в основном схему Бэкона, внеся в нее лишь несколько поправок (к «фантазии» он отнес искусства, тоже входившие в план «Энциклопедии»; ввел в естественные науки математику, как отвлеченное естествознание и т. п.).

6. Быстрое развитие ряда новых естественных наук и наук о духе в конце XVIII и начале XIX в. вызвало несколько новых попыток классификации научного знания, из которых эпоху составила классификация наук *О. Конта.*

В 1830 г. Конт начал издавать свой знаменитый «Курс положительной философии», в первых лекциях которого и дал свою схему наук. Он делил человеческие познания на науки *теоретические* и *прикладные*, а теоретические на *общие* и *частные*, и указывал на возможность излагать каждую науку по двум методам: *историческому* и *догматическому.*

Общие теоретические науки Конт попробовал расположить по степеням *убывающей общности об'ема и возрастающей сложности содержания* их материала, т. е. начиная с науки, законам которой подчинены без исключения *все* предметы, но зато в отношении *очень немногих* признаков, и кончая той наукой, которая охватывает сравнительно *немногие* предметы, но зато в *большом* количестве их признаков. Соответственно этому Конт

придал следующую форму системе общего теоретического знания: 1) математика (исчисление, геометрия, рациональная механика), 2) астрономия, 3) физика, 4) химия, 5) физиология (или биология), 6) социальная физика или социология.

О. Конт сам заявляет в «Предисловии» к своему «Курсу положительной философии», что ему пришлось принять термин «философия» лишь за неимением другого. «Я употребляю, говорит он, слово «философия» в том смысле, какой ему придавали древние и в особенности Аристотель, и обозначаю им общую систему человеческих понятий.» Конт полагает, что «каждая из наших главных идей, каждая из отраслей нашего знания проходит последовательно три различных теоретических состояния: теологическое или фиктивное, метафизическое или абстрактное, научное или положительное... В теологическом состоянии человеческий ум... представляет себе, что явления производятся прямым и постоянным влиянием сверх'естественных... деятелей... В метафизическом состоянии сверх'естественные деятели заменяются отвлеченными силами, сущностями (олицетворенными абстракциями)... Наконец, достигнув положительного состояния, человеческий ум признает невозможность приобрести абсолютное знание, отказывается от исследования происхождения и цели вселенной и знания внутренних причин явлений для того, чтобы заняться, с помощью правильного сочетания мышления с наблюдением, исключительно открытием их законов, т. е. неизменных отношений последовательности и сходства явлений. Отсюда и возникают три взаимно исключающие друг друга вида философии»: теологическая, метафизическая и положительная. Так как положительная философия состоит только из совокупности наук, то построение ее будет закончено, когда все науки перейдут в положительную стадию. В настоящее время, по мнению Конта, этой стадии достигло изучение четырех главных категорий естественных явлений: это явления астрономические, физические, химические и физиологические. Остается один, но очень крупный пропуск, который «надо заполнить, чтобы закончить построение положительной философии». Это социальная физика или социология, и Конт поставил своей главной задачей позитивное обоснование социологии. Изучение положительной ф-ии, по Конту, во 1-х, дает единственное рациональное «средство обнаружить логические законы человеческого ума» (иначе говоря, изучение человеческого ума, невозможное, по мнению Конта, посредством самонаблюдения, должно совершаться посредством изучения системы наук); во 2-х, оно может стать руководством «во всеобщем преобразования нашей системы воспитания»: изучение положительной философии, вместо теологического, метафизического и литературного материала, станет основой действительно рациональной системы всеобщего образования; в 3-х, «оно будет способствовать прогрессу отдельных специальных наук». Установление естественных связей наук даст возможность изучать научные проблемы с разных точек зрения, между прочим, и по методам

наук смежных (изучение пространства в виде системы уравнений —«аналитическая геометрия» Декарта); в 4-х. «положительную философию можно считать единственной прочной основой общественного преобразования.. Весь социальный механизм основывается на убеждениях... Пока отдельные умы не примкнут единогласно к известному числу общих идей, с помощью которых можно было бы построить общую социальную доктрину... народы останутся в совершенно революционном состоянии». Торжество положительной философии и завершение ее созданием социологии восстановят порядок в обществе.

Главной заслугой контовской классификации наук является то, что в основу ее положены *об'ективные*, *логические* моменты, некоторые *свойства самих наук*: а именно, *содержание* наук и связанные с их специфическим содержанием *методы*. Правда, то и другое проведено не совсем удачно: напр., Конт не учитывает методологических особенностей математики; ставит в один ряд *общее* изучение явлений известного рода с изучением *единичного* об'екта (или системы об'ектов) с точки зрения всей совокупности его проявлений (так, напр., астрономия в контовской классификации повторяет математику, физику и отчасти химию, как эти науки прилагаются к изучению тел вселенной); вовсе не вводит в число наук психологию; неправильно сводит философию на одну «совокупность наук», не замечая вовсе в составе философии *методологической* проблемы, и т. д.

7. Почти одновременно с Контовской появились классификации известного юриста и философа права *Иеремии Бентама* (1829 г.) и физика *Ампера* (1834 г.); но они имели гораздо меньшее значение, чем контовская, давшая толчок оживленной работе в этой области.

Контовскую классификацию подверг критике и переработке *Герберт Спенсер*, разделивший науки на абстрактные (математика, абстрактная механика), абстрактно-конкретные (конкретная механика, физика и химия) и конкретные (астрономия, геология, биология, психология и социология). Однако, схема Спенсера построена довольно искусственно и критики не выдерживает; а потому я только мимоходом упоминаю о ней. Из других критиков Конта укажу Д. С. Милля, отстаивавшего самостоятельное значение в ряду наук за психологией.

Вопросы распределения и связи наук часто служили и позже предметом исследований, причем одни мыслители старались обнять вопрос в целом, другие же предлагали схемы классификации только для одной какой-нибудь отрасли знания. Существует много попыток общих классификаций: Хьюэля (Whewell), Бурдо, Адриена Навилля, Гобле, Вундта, К. Пирсона и многих др. авторов. Немало работали в этой области и русские мыслители (*М. М. Троицкий*, *Н. Я. Грот*, *В. М. Хвостов*, *Л. С. Берг* и др.). Частичных специальных классификаций также много; таковы, напр., класси-

фикации математических наук *Гоэнне-Вронского* (очень сложная и довольно искусственная), известного химика *В. Оствальда* (науки о числе, порядке, времени, пространстве и движении) и др.

Во многих классификациях есть удачные замечания; но окончательной схемы никем еще не дано, потому что для выработки таковой необходимо определенное решение ряда гносеологических вопросов (напр., о познавательных источниках математики, о том, с каких основных точек зрения можно вообще изучать научный материал и т. д.).

8. Та классификация научного знания, которая, как мне кажется, подсказывается, с одной стороны, логическими соображениями, а с другой—фактическим распределением наук в современной системе знания и фактами из истории науки, в основном должна быть такова.

Классификация наук должна опираться на те или другие признаки самих наук, как таковых, как систематических целых познавательных данных. Важнейшими из таких признаков надо считать 1) *содержание* науки, характер ее предмета, 2) обусловливаемые этим содержанием *методы* ее построения и разработки, 3) вытекающую также из содержания *цель* каждой науки.

9. С этой последней точки зрения все „науки" (в наиболее обычном об'еме этого термина) могут ставить себе одну из двух целей: либо *теоретическую*, либо *практическую*. Поэтому понятия „теории" и „практики" прежде всего требуют выяснения.

Традиционная классификация основных фактов психики и отношений к окружающей среде делит все проявления человека на три группы: 1) *эмоционально-чувствительную*, 2) *познавательную* и 3) *волитивно-двигательную*. Первая из этих групп теснее всего связана с внутренними моментами: она состоит из суб'ективно-оценочных состояний. Вторая и третья, напротив, обращены более к об'ективному. Эмоционально-чувствительная сфера, если и имеет логику, то свою, особую—эмоциональную: логику чувствований и настроений (кстати сказать, очень мало изученную). Сферы же познания и воли подлежат нашей обычной логике, и с ними именно имеет дело методология.

При этом сферы эти противоположны одна другой с точки зрения положения человека, суб'екта, поскольку он действует в каждой из них. В сфере *познавательной* человек, какие бы активные действия он ни проявлял, проявляет их с целью *познать нечто* предстоящее ему, в качестве об'екта. Суб'ект исходит здесь из стремлений *теоретических*, и хотя бы он совершенно *активно* искал об'яснения тех или других фактов, *придумывал* бы гипотезы, *конструировал* понятия, производил сложнейшие вычисле-

ния и т. д., всегда он делает это в последнем счете в целях «теоретических», созерцающих, изучающих то или другое «содержание», той или другой «предмет» знания: предмет этот (пусть это будет даже конструкция ума: напр., понятие «преступления», «добродетели» и т. д.) *предстоит субъекту*, имеет свой собственный состав и свои причинные связи и зависимости. Напротив, в области *практической* человек *сам*, своей личностью входит в состав агентов, создающих изучаемое: стержень причинных обусловленностей не просто «развивается перед его глазами» (точнее, перед его умом), как это имеет место в сфере теоретической, а *проходит сквозь него самого*: без участия сил человека невозможно само *понятие практики*.

Поэтому теоретическая и практическая „позиции" человека, дающие начало наукам теоретическим, с одной стороны, *практическим*, или прикладным, с другой, суть *два совершенно различных подхода* к жизненному содержанию, и подхода *основных*, определяющих многое другое... Остановимся на этих понятиях.

10. Прежде всего „теоретическая" и „практическая" позиции суть точки зрения *всеобщие*: решительно ко всему возможны оба эти отношения. Всё без исключения мы можем *изучать*, и на всё мы можем так или иначе, в тех или иных целях *действовать* (в меру, конечно, наших физических сил и возможностей: солнца мы погасить не можем; но ослабить для нас его блеск, защитив глаза цветными очками, вполне в нашей власти).

Во-вторых, эти два основных отношения ко всякому материалу, *будучи различными, как типы отношений*, тем не менее, связаны одно с другим.

С одной стороны, само познание складывается вначале, благодаря накоплению чисто практических данных, возникающих не из теоретических стремлений, а из непосредственных, жизненных нужд и из действий, как бы ощупью, без определенного плана и случайно производимых с целью удовлетворения этих нужд. Позже, когда первоначальный капитал познаний накоплен и в действие вступает теоретико-систематический интерес, дальнейшие, высшие формы практических деятельностей начинают опираться на систематическое знание—на науку. «Использование науки в целях практики»—великая мысль нового времени. Ее еще в средние века выдвигал одинокий, гонимый монах-мыслитель XIII в. Рожер Бэкон. Ее в самом начале эры нового естествознания высказывает один из первых теоретиков новой науки Фр. Бэкон, начинающий свой Novum Organum словами: „человек, слуга и толкователь природы, делает и понимает настолько, насколько он произвел реальных или умственных наблюдений над порядком природы". И далее (афор III: «наука и могущество (иначе говоря, «теория и практика» В. И.) человека совпадают, так как незнание причины уничтожает возможность использования действия (destituit effectum). Ибо природа побеждается только через под-

чинение ей; и то, что в порядке наблюдения (т. е. теоретическом: in contemplatione) играет роль причины, является правилом в порядке исполнения (in operatione)».

Поэтому, в настоящее время в сложных «техниках» мы всюду используем науку.

Мы „действуем" *на основании* наших знаний. При этом из общего состава знаний выделяется, в качестве оснований для действий, преимущественно одна категория положений—так наз. «причинные законы»—общие положения относительно связей между двумя смежными моментами какого-либо процесса. Законы эти очень важны и в теоретическом отношении, так как именно они вносят связность в понимание явлений и позволяют выяснить происхождение, генезис каждого факта, каждой вещи. Важны они и в отношении практическом, так как на них основываются *правила* практического действования: всякое «действование» совершается в настоящем *во имя будущего*,—оно имеет целью переход в будущее, достижение чего-либо в будущем. Человек применяет те или иные *средства*, имеющие то свойство, что они вызывают, производят то, что нам нужно, приводят к поставленной нами *цели*. Поэтому понятно, что руководить действиями могут только те общие положения, те «законы», в которых определяется отношение одного момента (как причины, или средства) к определенному следующему моменту (как к следствию, или цели). Иначе говоря, то самое, что в „законах" наук теоретических составляет *причину*, то будет в дисциплинах практических *средством*; а то, что с теоретической точки зрения называется *следствием*, будет в практике *целью*. Причинный *закон* науки теоретической говорит нам, что всегда одно явление, при известных условиях, вызывает другое; *правило* соответствующей науки практической исходит из этого второго явления («следствия»), как «цели», и указывает нам, при помощи какого «средства» (причины) эта цель может быть достигнута. Если (сравнительно) теплый воздух прикасается к (сравнительно) холодной стенке, то на последней осаждаются капли воды, говорит физика. Если вам нужно осадить из воздуха воду, то вы должны нагреть воздух и потом выставить на него более холодный предмет, который тогда покроется каплями воды,—так прилагает физический закон техника.*)

11. Обычно практика применяет сразу, в одном приеме, не один, а несколько «законов» науки, которые и надо суметь скомбинировать так, чтобы получить именно нужный результат. Так,

---

*) Для обозначения «практических» наук употребляются еще термины: „науки прикладные" (этот термин прямо указывает на момент *приложения* в этих науках законов наук теоретических), а также «теории искусств». В последнем выражении „искусство" употребляется в широком смысле: оно обозначает не одни «изящные» искусства, а и все техники (нередко эти два термина употребляют почти безразлично: напр., искуство пивоварения и техника пивоварения, строительное искусство и строительная техника и т. д.)

в психологии мы находим два (теоретических) закона. Это во первых, так наз. *закон мотивации (произвольных действий)*, или, как его еще иначе иногда называют, *закон самосохранения* живого существа, закон отношения между чувствованиями, с одной стороны, и волей и действиями, с другой. Закон этот гласит, что живое, сознательное и обладающее активностью существо стремится прекращать или воздерживаться от таких действий, выполнение которых или представление о которых связывается у него с неприятным чувством, и наоборот, стремится совершать, продолжать или усиливать такие действия, с которыми связаны у него чувства приятные. Во-вторых, закон *ассоциации (по смежности)*: все, что пережито данным суб'ектом одновременно или в непосредственной последовательности, имеет тенденцию воспроизводиться этим суб'ектом именно так, как оно было пережито, т. е. тоже одновременно или в непосредственной последовательности. Таким образом, мы имеем здесь два причинных закона: 1) *представления* о страдании (или удовольствии), связанные с идеей какого-либо поступка („причина"), вызывают *воздержание* или *совершение* этого поступка («следствие»); 2) *переживание* чего бы то ни было одновременно или в непосредственной последовательности (причина) обусловливает и *воспроизведение* того же в такой же связи (следствие).

На этих двух законах основывается педагогическая, правовая (пенитенциарная), административно-политическая и всякая другая *практика наград и наказаний*. Для того, чтобы заставить людей (и животных) совершать одни поступки и воздерживаться от других. Люди связывают с поступками первого рода нечто приятное для действующего, наступающее по решению соответствующего органа общественного воздействия (награду), а с поступками второго рода нечто неприятное (наказание). Тогда мысль о воздействиях первого рода сама собой, автоматически, будет склонять к совершению связанных с ними действий, а мысль о воздействиях второго рода будет удерживать от связанных с такими воздействиями действий другого рода. „Если хочешь заставить людей делать то, что с данной общественной точки зрения нужно, свяжи с выполнением таких действий удовольствие, а с поступками противоположного рода—страдания; тогда, по законам психологии, мысли о награде или наказании свяжутся с мыслями о соответствующих поступках и будут склонять к их выполнению либо отклонять от такового", —так рассуждает всякий законодатель, педагог, судья, политик...

Психологические законы, лежащие в основе теории наград и наказаний, делают нам понятными и некоторые правила пенитенциарной политики. На чем основано требование, чтобы наказание следовало, если не непосредственно, то по возможности скоро за преступлением или проступком? Именно на том, что при таком непосредственном соприкосновении мысль о наказании всего вернее свяжется с мыслью о нарушении требований закона.

Поэтому, когда нельзя наложить наказание немедленно за проступком, перед наказанием читают «приговор», являющийся напоминанием о поступке—в непосредственной близости с наказанием и укрепляющий в умах людей связь между ними. Как наказываемый, так и все окружающие должны ясно сознавать, за что именно налагается наказание. В применении к животным это делается в очень элементарной форме. Кошку, беззаконно стащившую кусок мяса, наказывают в непосредственной близости с украденным, самым несомненным образом подчеркивая ей, за что именно постигает ее эта кара.

12. Итак, науки теоретические и практические имеют дело с одним и тем же содержанием; правила наук практических представляют собою комбинированные приложения законов наук теоретических. Но эти две группы знаний противоположны по тому положению, какое в каждой из них занимает суб'ект. В теоретической сфере суб'ект занимает положения либо активного *наблюдателя*, отыскивающего закономерности в известной области явлений, либо мыслителя, *конструирующего* известную систему представлений и понятий, — систему, обладающую *своим собственным*, об'ективно-общеобязательным строем, своей специфической, принудительной структурой. В сфере практики суб'ект комбинирует сведения и вырабатывает на их основе системы практических средств и приемов действий, удовлетворяющих *своим*, или вообще человеческим, нуждам и потребностям: здесь суб'ект ставит себе цели, подбирает средства, комбинирует их и т. д., причем систематизирующим моментом является не связность знания, а связность жизненных задач и целей.

При этом надо иметь в виду, что и к своим собственным *прошедшим* действиям человек может относиться, как наблюдатель: он может изучать их „теоретически", как всякий другой материал знания. Но к своим действиям *в момент их выполнения* человек относится всегда «практически»: когда цепь причинности событий захватывает *и его самого*, он испытывает особый под'ем настроения, ощущает „риск", напрягает все свои силы для достижения цели,—вообще переживает состояния, очень далекие

от более холодного и спокойного, теоретического отношения к проблеме. (Дальнейшие соображения о теории и практике я дам в другом месте).

13. Не смотря на принципиальное различие между теорией и практикой, в обычном человеческом мышлении их специфические точки зрения нередко смешиваются, и это, как и всякая методологическая путаница, вредит обоим сторонам.

А именно, с одной стороны, нередко практически желательное,—то, что *хотелось* бы видеть, то, к чему стремятся, выдается за объективно уже существующее. Примеры этого встречаются в огромном количестве в области религиозного мышления: плоды субъективной идеализации (практически ценные для субъекта) начинают обычным мышлением признаваться за реальности: *задачи*, цели, идеальные *отношения между реальностями* сами получают характер реальностей, и больших усилий философской критики стоит потом разграничить эти две области. Бог, как благое начало мира, как „отец", хранитель, промыслитель, защитник и утешитель, становится из принципа «отношений между людьми и миром» («бог есть любовь», «бог есть нравственный миропорядок» и т. д.) особым существом,—мировой силой, имеющей именно те конкретные формы, в каких эта сила рисуется авторитетами данного вероисповедания. «Бессмертие души» из «желательного», из объекта надежд, упований, из того, чего просит сердце, делается *фактом*, и т. д. В области наук общественных такие смешения также очень часты: то, что составляет содержание общественного *идеала* данного мыслителя (или группы, класса), объявляется «сущностью данного явления (и его понятия)», „законом разума", «естественным, неотъемлемым правом» и т. п. Между тем, на самом деле это — только построения политической публицистики (правда, освещающие иногда и некоторые *стороны* действительности). „Естественное право" и его вечное, «разумное содержание», договорная теория образования государств, «права человека и гражданина», „нравственный закон, живущий в человеке" и многое другое — все это не реальности, не общие факты, а с практической точки зрения *идеалы*, цели стремлений, а с теоретической *фикции*. «Государство основано на договоре» — это значит, говоря реально, что отношения между властью и подданными должны иметь *свободно-договорный характер*, что (согласно предполагаемому содержанию первоначального договора) власть имеет целью заботы об общем благе подданных и что, если она этой своей, взятой по договору на себя обязанности не исполняет, то подданные имеют право отказать ей в повиновении. «Договорная теория государства» была не научным констатированием факта, а попыткой обоснования известной политической программы. Людям обычно больше импонирует, если желательное, идеал объявляется «реальностью»: тогда как-то само собой начинает разуметься, что этот идеал непременно «должен» быть че-

ловеческими усилиями осуществлен во что бы то ни стало,—причем обычно людей не останавливает то соображение, что данный закон разума, природы и т. п., якобы *присущий* человеку, как такому, сейчас отнюдь еще не осуществлен и является лишь двигателем и содержанием дальнейшей общественной борьбы... Раз человек „от Природы свободен", то, хотя он фактически и «родится в цепях», как-то автоматически начинает подразумеваться, что „свобода" должна быть осуществлена в общественной организации. «Декларация прав человека и гражданина», принятая французским национальным собранием,—классический образец этого вида мышления. «Позитивисты» потратили много сил на разоблачение этой подстановки желательного на место «реального», требуя строго разграничения действительности от желаний и идеалов.*) Современные исследования общественных учений, настроений и идеологий, проводимые с точки зрения «экономического понимания истории», оказывают в этом отношении большие услуги, вскрывая часто очень трудно различимые «практические» корни часто, казалось бы, теоретических построений и теорий.

В только что указанных случаях «практика» искажает „теорию", теоретическое представление о действительности. Но часто «практика» шла и дальше: известные теоретические взгляды она объявляла вредными опасными, запрещенными и т. п., совершенно не считаясь с их обоснованностью, доказанностью. Католическая церковь объявила в свое время опасным учение Коперника о вращении Земли вокруг солнца, а также и многие другие научно доказанные положения. Точно так же и светская власть нередко запрещала и преследовала, в качестве «вредных», теории и учения, которые потом вошли во все учебники. Тут вредное влияние практики заметно еще резче. По отношению к теоретическим положениям может быть только один ряд вопросов: истинны они или ложны или сомнительны, возможны, хотя и не доказаны, или наконец частично истинны и частично ложны, и в последнем случае, в чем истинны и в чем ложны? Бывают, конечно, истины односторонние,—правильные в более узкой сфере, но не охватывающие вопроса в его целом; бывают „неокончательные" истины—только приближения к истине, намеки на нее, предчувствия ее, ее первые смутные и не-адэкватные формулировки... Все это так; но из этого следует не то, что данные зачатки истины «вредны», а что они должны быть развиты в деталях, выражены в полной, ясной и точной форме со всеми ограничениями и поправками, какие могут оказаться необходимыми при соображении *всех сторон* вопроса. История общественных наук полна фактами «борьбы за истину» (хотя бы и не полную и относительную). Часто эту «борьбу за истину» сводят *только* на реальную историческую

*) Укажу из русских работ хотя бы на диссертацию В. И. Сергеевича „Задача и метода государственных наук" (М. 1870), которая вся построена на этой мысли.

борьбу общественных групп, напр., классов. Но давно уже было сказано (сколько помню, Д. С. Миллем), что всякое общественно-тенденциозное учение—для того, чтобы показаться сколько-нибудь приемлемым, должно найти для себя более или менее *приличное логическое одеяние и методологическое обоснование*. Поэтому всякое учение, прикрывающее односторонние «аппетиты», *непременно в то же время и ложно* основано на софизмах, на игре понятиями, на произвольных утверждениях, на методологических погрешностях и злоупотреблениях и т. д. И конечно, самая действительная борьба с такими «опасными» теориями состоит в простом показании их ложности, необоснованности, а не в об'явлении их в опале. Но раз какое-нибудь положение «истинно», т. е. проверено всеми логическими приемами и снабжено всеми возможными доказательствами, оно должно быть принято. Если в данном коллективе нет людей, способных произвести такую проверку, тем хуже для данного коллектива. И вероятно, римская церковь много раз жалела о том, что осудила учение Коперника, сожгла Бруно, вынудила отречение у Галилея и т. д., что ее руководители не могли сразу понять истинности учения Коперника, которое, как оказалось даже не особенно вредно для католицизма: католицизм существует и сейчас, хотя коперниканская теория признана всеми. Таким образом, если в «истине» есть что-либо неудобное для данного строя, то это доказывает лишь негодность и вырождение этого последнего, а не ложность истины. Надлежащим же образом организованное общество всегда найдет в себе силу переработать и усвоить всякую истину, приспособив к ней так или иначе свою жизнь и свою идеологию.

14. Возникает еще один вопрос: может ли «практика» противоречить теории? В популярной речи такие выражения употребляются нередко: «это не оправдывается на практике», «это одна теория,—практика говорит другое» и т. д. Известный английский мыслитель Д. С. Милль сказал однажды нечто подобное в разговоре со своим отцом. Его отец (также незаурядный философ и общественный мыслитель) Джемс Милль разбранил сына за то, что тот употребляет шаблонные, ходячие, непродуманные фразы, и раз'яснил ему, что правильной теории практика противоречить не может. Действительно, «практика может противоречить теории» только в том случае, если «теория» не охватывает всех элементов действительности, если она дает не полное, а упрощенное ее об'яснение. Такой неполной теории практика, конечно, противоречить может. Но поскольку теория учитывала бы все причинные моменты, все ингредиенты явлений в их точных размерах, степенях силы и своеобразных в каждом случае комбинациях, практика ей не могла бы противоречить. При этом надо помнить, что такой полный учет обычно является лишь идеалом: по большей части в дальнейшем оказывается, что известные моменты были упущены или недооценены или переоценены или неточно вычислены, и заставляет вносить поправки в «теорию». Поэтому

теория лишь сравнительно редко *вполне в точности* оправдывается практикой, и афоризм, приведенный выше, имеет некоторое фактическое основание.

15. Перейдем к классификации наук *теоретических*. Изучать мы можем либо *общее* (общие понятия, группы сходных вещей или событий), либо *индивидуальное*, частное (единичные представления и понятия, единичные предметы, однократные события и т. д.). Отсюда деление теоретических наук на два главних отдела,—наук об общем и наук об индивидуальном. Первые можно назвать *систематическими*, так как они изучают свои об'екты в системе, в группировке, в общих типах вторые *историческими*,—ибо под историей разумеется, согласно основному значению понятия „истории",*) именно изложение однократных событий, фактического хода явлений, перипетий судьбы отдельных вещей, людей, мнений, обществ и т. д.

Науки систематические вырабатывают разного рода *общие положения*, обобщения, единообразия, *законы* и т. д.; науки исторические излагают отдельные *факты*, как они в действительности происходили при известных, определенных обстоятельствах, в известных связях времени, места и причинности.

Надо иметь в виду, что это деление наук (как и другие, указываемые мною) не имеет абсолютного характера. Учение о классификации наук совсем не имеет целью строго передать какую-либо фактически существующую систематизацию научного знания, принятую в распределении материала в научном преподавании или в тех или других напечатанных книгах. *Фактически* «историк» в той же работе, в которой он изучает ту или другую последовательность единичных событий или явлений, часто устанавливает и те или иные обобщения; и обратно, „систематику" приходится разбираться в частных фактах,

*) Греческое historia значит первоначально *разузнавание*, расспрашивание, исследование, потом *узнанное* (знание), наконец, изложение узнанного—*рассказ*, повествование—«история».

на которые опираются устанавливаемые им общие положения. Точно так же фактически в курсах „прикладных наук" почти всегда излагаются в той или иной мере и те общие положения наук теоретических, из которых вытекают данные правила практической деятельности. Наконец, то же и в отдельных науках: очень часто в работе по психологии вы найдете факты и теории порядка биологического, в сочинениях по химии материал физики, и т. д. Разделение наук, устанавливаемое в их логической классификации, имеет целью другое: указать основные *типы* знания (в зависимости от его материала, методов и целей), приучить разлагать знание, как целое, на эти типы, понимать особую, специальную структуру и методологию каждого из них. Пускай не существует „наук", *в точности* соответствующих каждой из устанавливаемых здесь логических рубрик. Рубрики эти означают скорее лишь те *элементы* из которых в самых разнообразных сочетаниях слагаются отдельные фактически существующие науки и которые надо отчетливо понимать для сознательного отношения к утверждениям каждой науки и ко взаимным связям и отношениям отдельных наук и их составных частей. Это не указания для научного исследователя, а отметки того, на что надо обращать внимание при ориентировке в научном знании, как целом, распадающемся на некоторые естественные отделы.

1б. *Систематические* науки, устанавливающие *общие* положения, естественно распадаются на два главных отдела—в зависимости от характера того „общего", с каким имеет дело каждый из этих отделов наук.

В популярном мышлении утвердилось представление, идущее из школьных учебников логики, будто «общее» образуется всегда одним и тем же способом: при помощи *отвлечения* (*абстракции*) исходных признаков от группы сходных представлений (о предметах или событиях), *объединения* их сходных признаков в некоторый более или менее неясный образ (так как совокупность этих *общих* признаков не имеет никаких конкретных, всегда *частных*, черт), обозначения его *названием*, а затем *обобще-*

ния этого умственного образа, придания ему типического, общего значения. Так приблизительно рисуется дело как мыслителям *концептуалистического*, так и *номиналистического* направления: только первые придают больше значения общим *образам* понятий, вторые общим *именам* (conceptus—образ, «концепция»; nomen—имя).

Однако, этот („абстрактивный") способ образования понятий, несомненно, *не единственный*. Кроме него, существует другой, к отчетливому осознанию которого философская методология пришла лишь в недавнее время. Это способ *функционально-конструктивный*, лежащий в основе образования понятий математических.

17. Математические понятия образуются умом не так, как понятия „реальные", связанные с реальными вещами и процессами. Последние „абстрагируются" от конкретных, единичных восприятий и представлений, создаются путем «абстракции», абстрактивно. *Понятия математические*, напротив, *построяются деятельностью ума.*

Эту формулу надо себе совершенно отчетливо уяснить. Как я уже упоминал, она вовсе не означает, будто математические понятия как-то магически „создаются умом" в том смысле, что они не существуют в „реальности", что „на самом деле" об'екты внешнего восприятия, положим, не пространственны и т. п. „Построение умом" в данном случае имеет не онтологическое, а методологическое значение; оно значит то, что *научные*, *математические* понятия создаются умом, в качестве *именно таковых*: *научных*, *математических*. Несомненно, построение совершается *на основе* некоторых элементарных зачатков, имеющих отчасти и чувственно-опытный характер; но в той форме, в какой эти понятия входят *в математику*, они имеют уже не чувственно-опытный, а конструированный характер. Это будет совершенно ясно из дальнейшего. Точно так же и в дальнейшем развитии этих наук метод конструкции имеет первостепенное значение. Математические науки называются иногда поэтому науками *построительными*, или *конструктивными* (от латин. construo=построяю).

На ряду с „построением“ в развитии математических наук огромную роль играет метод *дедукции*, т. е. выведения научных положений из основных понятий и из других общих положений. Поэтому науки математические называются также *дедуктивными*.

По характеру той познавательной способности, которая преимущественно в них применяется (ум, или рассудок), науки эти носят также название наук *рациональных* (латин. ratio=ум, разум). Этот последний термин в прежнее время переводили несколько устаревшим теперь, но хорошо передающим сущность дела словом „умозрительный“, и математику определяли как науку *умозрительную*. Действительно, кто хоть сколько-нибудь подумал над ее методом, не может не признать преобладающего в ней значения „зримых только умом“, т. е. воображением, умственным представлением, а не чувствами, *понятий*, *величин*, *отношений*, *рядов*, *бесконечностей*, *всякого рода мнимостей* и т. д.

Далее, в виду того, что математические науки имеют дело не с реальными предметами, не с субстанциями, а с отношениями, с *формами* группировки, распределения, порядка, расположения предметов, науки эти называются также *формальными*.

Наконец, если взять то же самое с другой стороны, надо признать, что в основе математических наук лежат понятия действенной *связности*, *функциональной зависимости* моментов (от латин. functio =выполнение, отправление, деятельность); отсюда возможность обозначить эти науки термином *функциональных*.

18. Некоторые математики (Г. Кантор) определяют свою науку как совокупность учений о «хорошо упорядоченных многообразиях»—*) о тех формах, в каких мы можем упорядочивать

*) Французы употребляют в смысле немецкого «многообразия» (Mannigfaltigkeit), а частию и «множества» (Menge) термин „ensemble“, передаваемый и порусски также термином «ансамбль». Кутюра («Философские принципы математики», 6) отделяет от теории ансамблей (многообразий) «теорию групп»: „математики, говорит он, построили две новых теории: теорию ан-

вещи. Положим, мы собираем в поле цветы и приносим их домой в виде кучи, охапки; это—многообразие неупорядоченное. Затем мы начинаем это неупорядоченное многообразие упорядочивать,—положим, *пересчитываем* цветы: получается первая форма упорядоченного многообразия—*число*. Потом мы можем упорядочивать их в отношении *пространства* (напр., делаем из них букет в форме конуса), в отношении *порядка* оттенков в пределах каждого цвета, и т. д. В результате получается ряд «упорядоченных» многообразий, из которых каждое подчиняется своим собственным законам (законам числа, пространства, порядка и т. д.) *)

19. *Математические* науки можно разделить на три главных отдела. Первый—это так наз. *анализ*, изучение величин вообще, как таковых или в отвлечении, и зависимостей между ними, или так наз. математических функций. Положения анализа выражаются в форме чисел и разного рода символических обозначений, являющихся гениальным упрощением сложных реальных отношений**).

самблей и теорию групп, иначе говоря, науку о многообразиях и науку о порядке, которые и должны были впредь стать основанием всех математических теорий". Таким образом, кстати сказать, популярное определение математики как науки о количестве (величине, числе) слишком узко: все это лишь частные случаи «хорошо упорядоченных многообразий», или «координированных ансамблей».

*) *Формальный* характер математики дает основание для таких ее характеристик, как (приводимые у Кутюра): «математика есть совокупность формальных выводов, независимых от какого бы то ни было содержания», или «парадоксальное и юмористическое» (как выражается Кутюра), но вполне правильное с известной точки зрения определение, что «математика есть наука, в которой никогда не знают, о чем говорят, а также не знают, истинно ли то, о чем говорят». Действительно, «не знают, *о чем* говорят», потому что *конкретное* воплощение общих математических положений совершенно неопределенно, да и несущественно для *математики, как таковой*, а потому ее положения применимы к очень многому вообще и ни к чему в частности: и «не знают, истинно ли то, что говорят», потому что *истинность* (в смысле соответствия с *реальной* действительностью) также несущественна и зависит от тех гипотез (определений, аксиом, постулатов), из которых исходят при построении науки; а эти гипотезы в математике строятся по известным *систематическим*, чисто логическим принципам, а вовсе не только в соответствии с «реальностью». (*Л. Кутюра*. Философские принципы математики). Об этом см. в дальнейшем.

**) Приведу определения некоторых основных понятий математического анализа, данные в «Парадоксах бесконечного» *Б. Больцано* (Одесса. 1911) Наиболее общим понятием Больцано считает понятие *совокупности*. Совокупности бывают двух родов: 1) такие, в которых соединение одинаковых частей в *двух* совокупностях может делать их совершенно различными в зависимости от того понятия, с точки зрения которого мы их рассматриваем; таковы, напр., два стакана—целый и разбитый, если их рассматривать, в качестве *сосудов для питья*; 2) такие, для понятия которых расположение частей без-

Термин «анализ» возник в связи с развитием науки *алгебры*. Алгебра возникла впервые у арабов. Вот что мы читаем об этом в книге *Ло ен ца*.*) В 820 г.один из той колле ии ученых, которую Халиф Аль-Мамун собрал при своем дворе,—Мохамед Бен Муза аль Хваризми написал трактат о «вычислениях при посредстве *аль-джебр*». Этот последний термин значит «восстановление» (от араб. gebr=восстановлять), под которым разумеется появление отрицательного числа, уничтоженного в одной части уравнения, в виде положительного числа в другой его части: напр.. уравнение $x^2+3x-3=5x$, мы превращаем в уравнение $x^2+3x=5x+3$. Алгебраический способ решения задач по редством уравнений получил название способа *ал алитического,—анализа* Так, *Ньютон* пишет в своей Arithmetica universalis: «Особенное преимущество алгебры состоит в том, что... алгебра (в противоположность арифметике, где вопросы решаются путем перехода от данных величин к искомым) идет от количеств искомых, рассматриваемых как данные, к количествам данным, как будто бы они были искомыми,—с целью придти к уравнению, из которого можно было бы искомые определить». Иначе говоря, этот прием—*аналитический*—состоит в установлении *общей схемы отношений* между входящими в задачу элементами, выражаемой в решении этой задачи. Эта общая схема дается в виде системы отношений между неизвестными величинами, обозначаемыми *буквами* и принимаемыми как бы за известные. В этом в состоит *анализ* соотношения этих элементов в решении задачи. Напротив того, самый процесс вычисления частных ответов на основании общей формулы имел, как обычно его понимали, характер *синтеза*.

Отсюда вообще термин «анализ» получил значение счисления при помощи буквенного символизма.

различно, т. е. в которых не происходит существенных изменений при перемене расположения частей; такие совокупности Больцано называет *многообразиями*. *Множество* есть такое многообразие, в котором в е части рассматриваются как *единицы известного рода*; если, напр., стул, диван, коммод и т. д. суммируются как столько-то «предметов обстановки». *Величина* есть то, что может быть равным другой такой же или представлять собою сумму, содержащую в себе часть, равную другой, или обратно, быть частью, входящею в состав другой, как суммы. *Сумма*—такая совокупность, в которой не произойдет изменения, если мы части ее час ей с анем рассма рива ь как час и целого (2+3; единицы, как части двух и трех, начинают в сумме, в 5, рассматриваться как части этой суммы). *Ряд* е ть такая совокупность, для каждой части которой можно указать только одну такую часть, которую мы можем определить при помощи закона, одинакового для всех частей совокупности. *Количества*—это такие ряды, первый член которых 1, а следующие суть результаты приложения к этой 1 новых единиц.

*) Элементы высшей математики М. 1919. 4 изд. стр. 206 т. I. В этом издании «Исторический очерк развития анализа и его приложений к геометрии» (стр. 92—391) составлен переводчиком книги *В. П. Шереметевским.*

Второй отдел математики—это учение о пространстве, или *геометрия* (от греч. ge=земля и metreo=измеряю; геометрия=землемерие). В самом названии этой науки указывается та практическая функция, которая дала толчок к ее созданию, хотя, конечно, геометрия стала *наукой* только с того момента, как она переросла стадию чисто практических приемов измерения земли и сделалась некоторым внутренно связным, систематическим и логически обоснованным целым.

Третий главный отдел математических наук—*механика* (теоретическая, чистая, или рациональная). Это—система внутренно связных учений о движении, напряжении, покое (т. е равновесии двух напряжений) и о том, что лежит в основе движения (о „силах", «полях напряжения» и т. п., как бы этот элемент ни назывался в разные эпохи развития механических теорий).

20. *Анализ* (от греч. analyo=разлагаю) можно разделить на 1) учение об *элементах* (т. е. о величинах и их выражении—числах) и о *действиях* над ними, 2) на учение о *зависимостях* между этими элементами и 3) на ряд отдельных дисциплин комбинаторно-счислительного характера. (комбинаторика).

Учение о величинах имеет своим содержанием прежде всего *величины прерывные*, т. е. такие, в последовательно идущем „ряде" которых расстояние между двумя смежными членами, как бы оно ни было мало, всегда имеет некоторую конечную величину, не „стремится бесконечно" к нулю, не является „меньше всякой возможной величины". Учение о прерывных величинах, поскольку они выражаются числами, называется *арифмологией* (от греч. arithmos=число). Арифмология, в свою очередь, делится на 1) *теорию чисел*, изучающую законы числа и соотношения между числами и 2) *теорию действий над числами* (*теоретическую арифметику**).

*) *Г. Лоренц* в своих «Элементах высшей математики» (М. 1919, т. I, 83—84) делит арифметику еще на *общую*,—теорию преобразования явных функций («явная функция» есть, иначе говоря, решенное уравнение), и *частную*, состоящую в вычислении числовых формул.

От величин прерывных отличаются величины *непрерывные*, т. е. такие, в которых расстояние между каждыми двумя соседними членами выражающего их «ряда» бесконечно мало, меньше всякой возможной величины, или, иначе говоря, бесконечно приближается к нулю. Отсюда возникает так наз. *счисление* этих бесконечно малых «разностей», позволяющее „аналитически" (при помощи математического анализа) изучать величины сплошные, непрерывные (каковы, напр., пространство и движение). При помощи этого счисления бесконечно малых становится возможным включение в область математического анализа этих основных понятий естествознания.

Счисление бесконечно малых состоит из трех отделов: 1) счисления *дифференциального* (differentia = разность), т. е. разложения непрерывного целого на те минимальные разности, какими различаются друг от друга члена «ряда» непрерывных величин, 2) счисления *интегрального* (integer = неповрежденный, целый), т. е. суммирующего счета этих минимальных разностей, 3) счисления варнационного.*)

21. Второй отдел математического анализа составляют учения о *зависимостях* между математическими элементами. „Зависимость" одних элементов от других называется в математике их *функциональной связью*.

Скажу несколько слов о крайне важном для математики понятии *функции*.

Функция (в широком смысле) значит действование, деятельность; поэтому можно назвать, напр., отделение желчи функцией печени.

В более узком, собственно математическом смысле *функцией* называется всякий математический акт, во первых, потому, что таковой создается функционированием мысли, во-вторых, потому, что он опирается на отношения между членами того или

*) См., напр., «Исторический очерк анализа бесконечно малых» проф. А. В. Васильева. Казань. 1906, предпосланный „Началам анализа бесконечно малых» *Папелье*, а также Г. Лоренца: Элементы высшей математики (4 изд. М. 1919), отдел. 1.

другого ряда, имеющего характер *связный*, предполагающий зависимость одних членов этого ряда от других.

В еще более узком смысле математической функцией называют соотношение между двумя (или более) величинами, изменяющимися *в зависимости* одна от другой. В этом смысле не будет функциональным, хотя и параллельное, но независимое одно от другого возрастание или уменьшение членов двух рядов. Так, температура тела больного есть «функция»—но не самого течения времени, как такового, а *процесса болезни, протекающего во времени.*

Г. Лоренц («Элементы высшей математики») дает такую *классификацию функций:* функции делятся на *математические* (в них зависимость между параллельно изменяющимися величинами можно выразить уравнением) и *эмпирические*, или *конкретные* (в них не известен закон, по которому один из факторов изменяется вместе с изменением другого). Функции математические делятся на *алгебраические* (для вычисления их значения—по данному значению переменного—надо произвести над переменным определенное число раз алгебраические действия: сложение, вычитание и т. д.) и *трансцендентные* (такие, значение которых нельзя вычислить такими действиями). Алгебраические функции делятся на *рациональные* (в которых «переменное» не входит под знак корня) и *иррациональные* (где переменное входит под знак корня: $y=\sqrt{x}$). Наконец, рациональные функции делятся на *целые* (в них переменное не входит делителем) и *дробные* (в них переменное входит делителем: $y=\frac{3x+a}{x^2-x+b}$).

Из других популярных изложений основ математического анализа у *Николая Морозова* («Функция. Наглядное изложение дифференциального и интегрального исчисления и некоторых его приложений к естествознанию и геометрии». Спб.—Киев 1912) мы находим следующие основные определения и разделения: 1) Всякая переменная величина, числовые значения которой получаются в зависимости от значений другой переменной посредством каких-нибудь действий над последней, есть ее *функция.* 2) Функции разделяются на *явные* и *неявные*, *алгебрические* и *трансцендентные*; алгебрические—на *рациональные* и *иррациональные*, *целые* и *дробные*; трансцендентные—на *тригонометрические*, *круговые*, *логарифмические*, *экспонентные* и ряд *других*, менее употребительных (стр. 10).

В учебных курсах по теории функций (напр., *С. Е. Савича.* Теория функций комплексного переменного, Спб. 1906, *J. Tannery* Introduction à la theorie des fonctions d'une variable, 1904) даются несколько иные перечни типов функций.

В общее учение об отношениях математических величин входят: 1) *алгебра*, задачей которой являет-

ся решение уравнений в смысле нахождения определенных, конкретных значений величин искомых, „неизвестных" — иначе говоря, превращение „неявных" функций (т. е. таких соотношений между данными и искомыми, которые не имеют очевидного характера; напр., $2x+17=6x+1$) в функции „явные" (т. е. очевидные с первого взгляда: $x=4$); 2) учения о различных частных видах и типах функций и функциональных зависимостей (*теория функций*, в широком смысле, или „анализ" в более узком значении), теснейшим образом связанные в большинстве своих отделов с исчислением безконечно малых, т. е. с дифференциальным и интегральным счислением*).

Отличие алгебры от собственно так называемой „теории функций" состоит преимущественно в том, что в алгебре функции берутся, так сказать, *статически* — не в процессе их изменения, а как бы застывшими, неподвижными. Наоборот, в исчислении безконечно малых функции берутся в *процессе* их возрастания и убывания (*динамически*). *Г. Лоренц* определяет дифференциальное счисление как изучение „скорости изменения функций" (Элементы высшей математики, 4 изд., стр. 47; см. вообще чрезвычайно ясное и интересное изложение этих вопросов в книге Лоренца).

Несомненно, что, строго говоря, в математике имеет место некоторый перекрест делений ее отделов.

Так, исчисление безконечно малых можно понимать и как изучение *величин* (и некоторые математики его так и понимают), и как изучение *отношений* между величинами («функций», — так его понимают по большей части). Так «исчисление конечных разностей» составляет также как бы переход от арифмологии к „анализу" (в узком смысле), и т. д.

Повторяю еще раз, что для нас важны не конкретные деления наук (возможно, что те или другие математики группируют математические дисциплины не так, как указываю здесь *я*), а известные *принципы*, на которых может основываться разделение этих наук и которые вскрывают перед нами *методологические* основы таких разделений.

---

*) Существует, правда, так наз. *исчисление конечных разностей*, т. е. не безконечно малых «дифференциалов».

Вариационное счисление тем отличается от дифференциального, что в дифференциальном изменяется лишь числовое значение функции (между тем, как характерное отношение, связующее ее с аргументом, остается неизменным), в вариационном же счислении предполагается более общий процесс изменения самой формы функциональной зависимости. Вариационное счисление было впервые систематически развито во второй половине XVIII в. (в 1762—1771 гг.) французским математиком Лагранжем.

Тот же Лагранж создал и *аналитическую механику*, выразив в 1788 г. все содержание науки о движении символическим языком математическаго анализа. „Мой метод, говорит Лагранже в предисловии к своей Mè hanique analytique, не нуждается ни в построениях, ни в рассуждениях геометрических или механических, а лишь в алгебрических операциях, подчинённых правильному, единообразному последованию“*).

Аналитическую геометрию, т. е. изучение пространственных отношений под формой чисел и числовых отношений и уравнений создал, в качестве систематической науки, как известно, еще Декарт, «Геометрия» которого вышла в 1637 г.

В третий отдел математического анализа можно сгруппировать различные дисциплины, которые можно подвести под общее понятие *комбинаторики*. Сюда подойдут такие дисциплины, как „теория соединений“, „исчисление вероятностей“ и проч.

22. Являются важные вопросы: 1) в каком отношении к другим отделам *анализа* стоит учение о числе? Можно ли весь анализ свести на арифмологию, или же в нем есть элементы, не сводимые на число? 2) в каком отношении к учению о числе стоит вся вообще *математика*, т. е. не только анализ, но и геометрия и механика?

По этим вопросам мнения математиков расходятся. Такой авторитет, как знаменитый «князь математиков» Гаусс считал учение о числе как бы основным стволом *всей математики*. «Арифметика, говорит он, стоит в таком же отношении к математике, в каком последняя стоит к изучению природы. Математика есть царица наук, а арифметика есть царица математики»... Проф А. В. Васильев, приводя эту фразу Гаусса в своей книжке «Целое число» (1922 г., стр. 14), идет, с своей стороны, дальше и считает «обобщенное понятие о числе» даже *«единственным объектом чистой математики*, которая может поэтому быть названа арифметикой». Это последнее положение, очевидно, не тожественно с Гауссовским,—ибо ясно, что в гаус

*) *Г. Лоренц*. Элементы высшей математики, стр. 373—4.

совском «изучении природы» математика составляет не единственный об'ект, а лишь *основную схему*, центральный остов, к которому присоединяется очень много наглядного, конкретного материала; а следовательно, и в математике арифметика является лишь таким же центральным остовом, а не исчерпывающим об'ектом изучения.

Другие математики считают мысль о сведении всей своей науки к арифметике крайностью и указывают на интуитивные (не арифметические) элементы в геометрии и механике, признавая возможным сведение на арифметику лишь для математического анализа. «В настоящее время большинством математиков разделяется мнение, что можно построить весь анализ, беря в основание идею числа, и даже целого числа. Таков, повидимому, философский вывод всей той работы реконструкции нашей науки, которая была выполнена за 30 или 40 лет под влиянием Вейерштрасса и его школы»... (*Л. Кутюра*, Философские принципы математики», 41). Но тот же автор предостерегает от «всякой односторонности: сводя всю чистую математику к единственной данной—числу, произвольно суживают значение математического метода*). Кроме того, игнорируют существование теорий несомненно математического характера, совершенно не опирающихся на идею числа».

Повидимому, вопрос этот должен быть решен так, что в геометрии и механике нельзя обойтись без интуиции, без конкретного воззрения—*при построении научных положений*; но в процессах *доказательства* и *применения* этих положений можно обойтись одной арифметикой.

23. *Второй* основной отдел наук математических составляет *геометрия*,—точнее, целый ряд геометрических дисциплин.

Некоторые сведения по методологии геометрии, которые более или менее выясняет основания разделения этой науки на отдельные дисциплины, будут даны ниже. Сейчас же я просто перечислю эти дисциплины.

Прежде всего, в настоящее время создается *общая* геометрия (иногда называемая также «метагеометрией», „воображаемой", „неэвклидовой" и т. п. геометрией)—общее учение о многообразиях любого числа измерений. По отношению к этой «общей геометрии» частными случаями будут: 1) традицион-

*) Кутюра очень широко понимает математический метод, почти сливая математику с логикой.

ная, «эвклидова» геометрия (3 прямолинейных измерений), 2) геометрия Лобачевского-Болиаи (псевдосферическая), 3) Риманнова (сферическая)*). Эти геометрии в настоящее время разработаны; но кроме них, может быть неопределенное количество иных геометрий, исходящих из других предпосылок.

Л. Кутюра в своей книге „Философские принципы математики" (рус. пер. Спб. 1913) делит геометрию (эвклидову) на 1) *топологию*, 2) *геометрию проективную*, 3) *начертательную* и 4) *метрическую*.

Топология (analysis situs—«анализ положения» Риманна, «теория связей» Энриквеса) имеет «своим существенным предметом связи поверхностей и, общее, отношения смежности и непрерывности между точками линий и поверхностей, независимо от величины этих фигур и даже их формы... Вообразим клубок спутанных и связанных нитей, одну или несколько скрученных и перепутанных поверхностей и будем изменять форму этих нитей и поверхностей, не разрывая и не рассекая их (словно они сделаны из совершенно тягучего и гибкого материала), а также не склеивая их,—вот идея преобразований, характерных для топологии. ... Гордиев узел был проблемой топологии; как человеку со связанными руками вывернуть свой жилет и надеть его на изнанку,—это тоже предложение топологии». Топология, говорит дальше Кутюра, очень трудна, мало разработана и представляет область изолированную, не имеющую ничего общего с элементарной геометрией (стр. 119—123).

Все остальные геометрические теории Кутюра распределяет между 3 дисциплинами: *проективной, начертательной и метрической* геометриями. Они „отличаются друг от друга не по своему предмету (который может быть у всех одним и тем же), а по аксиомам и в особенности по первым понятиям. Общим для всех трех первым понятием является *точка*. Но проективная геометрия присоединяет к нему, в качестве дальнейшего первого понятия, (неограниченную) проективную прямую **); начертательная геометрия—прямолинейный отрезок; а метрическая геометрия—расстояние, конгруэнтность***) или движение" (стр. 128).

---

*) Иначе эти геометрии называют (по Ф. Клейну) *параболической, гиперболической* и *эллиптической*, а также (по Саккери) геометриями, исходящими из гипотез: 1) *прямого угла*, 2) *острого*, 3) *тупого*. См. *Ф. Энриквес*. Начала геометрии («Новые идеи в математике», сборник IV, Спб. 1914); см. также акад. *Я. Успенский*, Неэвклидова геометрия, а также проф. *А. В. Васильев*. Пространство, время, движение. Петроград. 1922 и др.

**) Эта „неограниченная," или безконечная прямая линия в проективной геометрии есть линия *замкнутая*: она дает *круговой* порядок, две точки делят ее на 2 (а не на 3) части, и т. д. (стр. 152—153 и пр.)

***) От латин. congruere—совпадать; „совпадаемость".

„*Проективная* геометрия изучает исключительно проективные свойство фигур, т. е. те, которые остаются неизменными при преобразовании фигуры с помощью проекции.... Из всех возможных относительных положений проективная геометрия рассматривает только линейные расположения, т. е. явление принадлежности нескольких точек одной и той же прямой." И Кутюра перечисляет затем постулаты, достаточные для обоснования этой науки, и формулирует главные положения, вытекающие из этих постулатов (стр. 123—137).

„*Начертательная* геометрия отличается от проективной тем, что в основание берет не безконечную прямую, но конечную часть прямой, заключающуюся между двумя точками.... Начертательная геометрия на первый взгляд очень сходна с проективной геометрией: обе они противостоят метрической геометрии в том отношении, что не рассматривают ни величины, ни расстояния, ни конгруэнтности, ни движения; та и другая представляют собой *геометрии положения* и долго смешивались под этим именем.... Но в начертательной геометрии прямая линия берется как конечный отрезок, как незамкнутая линия; в ней порядок не круговой, а линейный; две точки делят здесь прямую на 3 части, и т.д. „В начертательной геометрии каждой точке пространства соответствует связка лучей, исходящих из этой точки, которую называют *вершиной* связи" (стр. 137—156).

Метрическая геометрия это известная каждому элементарная геометрия, предмет занятий всех геометров со времен Эвклида. Исторически она предшествует проективной и начертательной; но логически следует за ними и опирается на ту или другую, так как включает отношения расположения, на которые она налагает отношения величины. Поэтому она совсем не так элементарна, как можно было бы думать, судя по учебникам; наоборот, это самая сложная из частей геометрии. Ее кажущаяся простота зависит только от того, что в ней «отношения расположения обычно не замечаются или оставляются без внимания... Никто не подозревает, к какому числу постулатов бессознательно прибегали Эвклид и его подражатели при доказательстве самых простых теорем: на самом деле у них нельзя найти почти ни одного доказательства, которое было бы логически строгим и не заключало бы в себе никакого обращения к интуиции. Репутация строгости, какой Эвклидова геометрия пользовалась в течение веков, была совершено незаслуженной, и философы-рационалисты XVII в, считавшие ее моделью и типом логической дедукции, заблуждались. Лишь в наши дни стало отчетливым представление обо всех этих постулатах, скрытых в «элементах» геометрии, и только теперь, когда все эти постулаты сполна перечислены, геометрия вновь построена чисто аналитически.... Для логического построения метрической геометрии надо к понятию *точки* присоединить другое первое понятие, включающее идею величины. Это второе понятие различно в каждой системе геометрии и

составляет существенный признак различия самих систем. Самым простым будет понятие *расстояние* (или более сложное понятие *вектора*, т. е. длины, имеющей *направление*; равенство векторов предполагает, кроме равенства длин, еще тожество направления и стороны—sens) В других системах этой геометрии таким вторым основным понятием будет *конгруэнтность*, или «геометрическое равенство» (системы Паша. Гильберта. Веронезе), особым случаем которого можно считать обоснование геометрии на понятии *движения* (перемещение фигур или их частей, наложение фигур)—(стр. 156 след.).

Общее определение геометрии Кутюра, вслед за знаменитым современным английским математиком-философом *Бертраном Рёсселем*, дает в такой форме: *геометрия есть изучение последовательностей* *) *о нескольких измерениях*... **) «Пространство, как об'ект чистой геометрии, есть расположенный ансамбль, или порядок, т. е. система отношений» (178). Геометрия не сводится на арифметику: нельзя «построить пространство из чисел: можно лишь построить из чисел такой ансамбль, который имел бы все основные свойства расматриваемого пространства» (182).

Общеизвестными отделами метрической геометрии являются *планиметрия* (геометрия на плоскости, т. е. в двух измерениях) и *стереометрия* (геометрия в пространстве, т. е. в 3 измерениях).

Тригонометрия составляет один из специальных отделов геометрии, обрабатываемый *аналитически* и имеющий важные *практические* приложения как при изучении природы, так и в технике.

Выделение тригонометрии в особое целое коренится преимущественно в ее практическом значении.

Как геометрия двух измерений, так и тригонометрия могут быть либо *прямолинейными* (планиметрия, прямолинейная геометрия), либо *криволинейными* (геометрия на поверхности шара, конуса и т. д.; сферическая тригонометрия).

23. Третья из основных математических наук—*механика* (от греч. mechane=машина), наука о

---

*) Т. е., иначе говоря, «хорошо упорядоченных многообразий». Кутюра вместо этого последнего термина употребляет либо „последовательность," т. е. связный и, значит, упорядоченный ряд, либо «расположенная совокупность (расположенный ансамбль»).

**) В отличие от арифметики, изучающей «последовательность об *одном* измерении (натуральный и другие ряды чисел).

движении*), силах и массе. Она делится на три главных отдела.

Первый из них занимается общим изучением движений, как таковых, как «перемен места во времени», их форм и видов; отдел этот стоит близко к геометрии и называется *кинематикой* (от греч. kinema=движение).

Второй отдел изучает движения в их отношении к производящим их „силам" (или вообще к их причинам). В прежнее время он назывался *динамикой* (от греч. dynamis=сила); в последнее время, в связи с общим поворотом в физике от идеи „силы" к понятию „движения" (иначе говоря, от „ньютоновской" физики к „декартовской", об этом смотри, напр., статью *Н. А. Умова*: „Значение Декарта в истории физических наук",—в «Вопросах фил. и психол.» за 1896 г. и в собрании сочинений), термин „динамика" заменяется по большей части другим—*кинетика*.

Наконец, равновесие напряжений, явления нейтрализующих друг друга тенденций к движению, дающих в результате покой, изучаются *статикой* (от греч. корня sta, равнозначного русскому *сто*—„стоять").

24. Математические науки представляют собою системы умственных построений, хотя и вырастающие на основе некоторых реальных восприятий, но преобразуемые умом в систематических целях, а потому и не имеющие полного себе соответствия в данных и строе «опытного» знания. В этих науках мы имеем совокупность тех или иных „возможностей", логически выводимых из известных основных предположений, или предпосылок: определений, аксиом и постулатов; причем эти предпосылки построяются в значительной степени *произвольно*—в том смысле, что они не должны непременно и прямо подтверждаться опытом или прямо прилагаться

*) Движение в собственном смысле, или механическое, называется иначе «форономическим» (от греч. phora=перемена места). От форономического движения греки отличали „изменение" (качественное).

в опыте и в деятельности человека. Иначе говоря, *собственно-математические науки* суть *общие* формулы известного рода систематических отношений, получающие „реальное“ значение и приложимость к „действительности“ лишь в *одном* из своих частных значений,—при подстановке нами во все их формулы известного коэффициента. Так, если взять геометрию в ее целом, то это будет наука об известного рода многообразиях любого числа (n) измерений. Частным случаем этой науки—тем, который оказывается наиболее *приложимым в области нашего опыта*, раннее считалась Эвклидова геометрия (геометрия 3 прямолинейных измерений), теперь, как мы увидим ниже, начинает (в известном смысле и для известных, определенных реальных фактов) считаться «реальной» и некоторая криволинейная геометрия—с различной кривизной в разных участках пространства. То же самое и в отношении других математических наук.

Таким образом, на ряду с *собственно математическими науками*, или с *чистой математикой* („чистой“ в смысле в смысле ее незаполненности опытным материалом, независимости от этого последнего) мы получаем ряд наук, для обозначения которых я предложил бы термин *наук реально-математических*. Это науки о *реальностях* математического рода: о *реальных* числе, пространстве, движении.

Еще в XVIII в. Юм указывал на то, что наукой, строимой из одних понятий, иначе говоря, строго «аналитической» и дедуктивной, является только совокупность дисциплин, охватываемых в настоящее время термином «математического анализа», но что в геометрии и механике есть уже некоторая примесь опыта. Наука XIX и XX столетий дала основания для окончательного, как мне кажется, решения этих вопросов. В течение этих столетий создаются во всех отделах математики «не-реальные», «мнимые», «воображаемые» дисциплины, которые, с одной стороны, превращают «собственно математические» науки в некоторый *ассортимент* умственных построений, которые (уже в силу одной их множественности) не могут все иметь одинакового отношения к «реальности», между которыми, следов., приходится *выбирать* в смысле их приложимости к опытному материалу; а

с другой, вызывают очевидную необходимость в „реальных“ математических построениях.

Действительно, на ряду со старой арифмологией «вещественных» чисел возникает в XIX в. арифмология чисел «мнимых», комплексных, гиперкомплексных, кватернионов и т. д, а позже и чисел трансфинитных (об этих видах чисел см. ниже). Знак i (от imaginaire=мнимый, воображаемый) для обозначения мнимой единицы ($\sqrt{-1}$) и термин «комплексное число» были введены знаменитым Гауссом (1777—1885 г.) в одном из его трактатов по теории чисел от 1817 г.

Немного позже «мнимой, или воображаемой арифмологии» возникла «воображаемая геометрия». В 1823 г. вышел мемуар Больяи об «общей» геометрии; а начиная с 1826 г. развивает свою новую, воображаемую геометрию Н. И. Лобачевский (об этой, не-эвклидовой геометрии я также буду говорить в дальнейшем).

Наконец, в наши дни трудами Эйнштейна создается другая, не-ньютонова механика и выдвигается идея (параллельной с «общей, или воображаемой геометрией») *общей механики*, по отношению к которой как ньютонова, так и эйнштейнова механика были бы частными случаями, из которых лишь один (или возможно оба, но частично в разных частях пространства и в зависимости от различия физических моментов) имели бы прямое приложение к «реальности».

Таким образом, мы имеем 1) ряд *собственно математических*, конструктивно-дедуктивных дисциплин, исходящих из произвольных (в известных пределах) определений, аксиом и постулатов и сбразующих внутренно связные, логические целые, для которых вопрос о соответствии с „действительностью“ не имеет никакого значения, и 2) учения о *реальном числе*, о *реальном пространстве* и о *действительно «значимых» законах движения*, т. е. „реальную“ арифмологию, геометрию и механику. Эти последние науки состоят уже из таких конструктивно развитых положений, *приложимость которых к действительности оправдывается совершенно таким же* (говоря принципиально) *процессом проверки, какой имеет место в естественных, реальных науках.*

25. От математических и реально-математических наук надо строго отличать науки, имеющие дело с вещами (res), „реальными“ предметами и про-

цессами, с тем, что „действительно“ существует, *есть*. Эти науки можно поэтому назвать *реальными*, или *естественными* (в широком смысле этого слова). У нас обычно термин „науки естественные“ употребляется в более узком смысле, обозначая лишь дисциплины, изучающие природу неорганическую и органическую, но не охватывая природы сознательной и социальной, каковая, при таком словоупотреблении, оказыаается чем-то отличным от „естества“; чем-то не то „не-естественным“, не то „сверх-естественным“ (если не „противоестественным“). Я убежден, что распространение термина «естественный» на все, что реально существует, вполне рационально. „Естественные науки“—это *науки о природе* в самом широком смысле: о природе неорганической, органической, сознательной и социальной.

Реальные науки делятся на два главных отдела: *на науки об общем и науки о частном, индивидуальном.*

Науки об общем (реальном), устанавливающие общие законы и отношения, называют нередко поэтому *науками генерализирующими* („обобщающими“; от латин. generalis=общий), а также *номотетическими* («устанавливающими законы»; от греч. слов: nomos=закон и tithemi=ставлю, устанавливаю).

Имея дело с „реальностями“, науки эти не могут обойтись без процессов наблюдения и искусственного опыта; поэтому их называют также науками *опытными*, или *эмпирическими* (от греч. empeiria=опыт, а также наблюдение).

Некоторые отделы опытных наук—те, в которых играет особенно большую роль наблюдение над искусственно производимыми явлениями при точно известных обстоятельствах и условиях,—или так наз. *эксперимент*, называются науками *экспериментальными* (от латин. experimentum=опыт). В некоторых эмпирических науках роль искусственно производимого опыта, или эксперимента, очень невели-

ка, другие же допускают весьма широкое применение эксперимента.

Я попрошу заметить и отчетливо запомнить следующее. Характеристика «реальных» наук, как *эмпирических*, имеет только предварительное, пропедевтическое значение: цель ее—резче подчеркнуть для начинающего специфические отличия двух групп наук—математических и реальных. Но на самом деле в основе строя самого опытного материала, в основе законов самих наук эмпирических и экспериментальных мы находим известные соотношения и пропорции математического характера. Многие крупные мыслители считают даже, что «опыт», конкретные восприятия дают, в сущности, *только толчки* для работы математического (измеряющего в т. д.) мышления, и таким образом сводят почти всю методологию реальных наук к математическим приемам (определение форм, величин, температур, давлений, пропорций в смешениях и т. д., и т. д.). Детальное выяснение значения математических приемов мысли в строе наук реальных составляет важную заслугу неокантианства (так наз. «марбургской» школы: Коген, Наторп, Э. Кассирер, Иоэль, Горланд, Форлендер и мн. другие). Смотри капитальную работу *Э. Кассирера* Substanzbegriff und Funktionsbegriff, изданную по-русски под заглавием: «Познание и действительность», а также книги *П. Наторпа* Die logischen Grundlagen der exacten Wissenschaften и *Пьера Дюгема* „Физическая теория».

Вопрос о значении математических методов мышления в строе наук реальных можно обозначить также как вопрос о «трансцедентном» (т. е. выходящем за пределы самой математики) значении математического знания. Первостепенная роль математики в физике (с ее «математической», а не „опытной", или «экспериментальной» стороны) оправдывает обозначение физики (а отчасти и химии) как области «математического естествознания».

Я коснусь вкратце этих вопросов в одном из дальнейших параграфов.

Опытный материал генерализирующие науки обобщают, устанавливая на основании *индукции* (т. е. „приведения" отдельных, частных фактов и случаев) *общие* положения, «единообразия», или *законы*. Отсюда науки эти называются еще науками *индуктивными* (по методу).

26. Науки эти изучают свой материал и устанавливают свои законы двумя способами: одни из них выдвигают на первый план общие *закономерности*, присущие вещам и явлениям данного рода *вообще*,

другие прослеживают выражения этих общих закономерностей в *группах конкретных вещей или событий*, описывают, классифицируют эти группы и т. д. Законы, устанавливаемые науками первого рода, имеют более общий, более отвлеченный, более основной характер; поэтому многие из *единообразий, устанавливаемых этими науками*, называют «законами природы». Напротив, законы наук второго рода имеют преимущественно производный, вторичный характер; в них, относительно говоря, немало *простых* описаний, классификаций, простых обобщений наблюдаемого, так наз. „эмпирических законов" (об этом см. ниже) и т. п. Науки первого рода называются *отвлеченными*, или *абстрактными* (от латин. abstraho=отвлекаю); науки второго рода—*предметными*, или *конкретными* (от латин. concretus=сросшийся из элементов).

Законы наук конкретных об'ясняются, или разлагаются, с оеной стороны, на более основные законы наук отвлеченных, а с другой—на так наз. „распределения", т. е. сочетания конкретных условий и обстоятельств, при которых проявляется действие тех законов. Хорошую теорию «об'яснения» законов дал в своей „Системе логики" Д. С. Милль; к ней я вас и отсылаю.

Примером об'яснения законов может служить хотя бы сведение (производных) законов вращения планет вокруг солнца на комбинацию общих законов, с одной стороны, инерции, или первоначального толчка, давшего движение планетам, а с другой—притяжения к центральному телу системы. Комбинация этих законов, при данных, определенных массах солнца и планет и ряде других конкретных условий, и дает начало вторичным законам движений планет вокруг солнца.

Каждой „отвлеченной" науке соответствует одна или несколько наук „конкретных".

27. Перехожу теперь к перечню реальных наук.

Если мы посмотрим на всё *реально* существующее, на природу в ее целом, мы заметим, что все

вещи и события распадаются на несколько отделов, различающихся друг от друга по содержанию, или материалу, и по методам их исследования.

Эти отделы можно расположить в таком порядке, что изучаемые „в них явления будут переходить постепенно по „содержанию" от сравнительно простых к все более сложным. „Простые" явления очень широко распространены в природе (у них широкий „об'ем", говоря термином логики); а явления «сложные» встречаются сравнительно редко (у них „об'ем" узкий, малый).

Иначе говоря (словами О. Конта) отвлеченные (естественные) науки можно расположить в *единый ряд*—по возрастающей сложности и убывающей общности их содержания. Этот ряд начнется, значит, с науки, изучающей наиболее часто попадающиеся, но зато и очень простые, имеющие всего менее признаков, вещи и явления, и закончится наукой о фактах, наиболее редких и наиболее сложных. Каков этот ряд наук?

Его можно разделить, прежде всего, на три крупных отдела: 1) на науки о природе *неорганической*, 2) науки о природе *органической*, 3) науки о природе *сознательной* и *общественной* (иногда употребляют термин: *надорганической*). К первому из этих отделов относятся *физика* и *химия*; ко второму—*биология*; к третьему—*психология* и *социология*.

Этими науками мы теперь и займемся и начнем с той из них, содержанием которой являются наиболее элементарные, простые вещи и явления.

28. *Наиболее простыми вещами* мы должны признать минимальные частицы наиболее простого, элементарного вещества; параллельно этому, наиболее простыми явлениями, или *процессами* будут процессы механического движения и механического подлепоставления. Такие движения могут происходить даже в веществе первообразном*), совершенно

*) Возможно, что из такого первообразного вещества состояла некогда вселенная; позже из него сложились наши «элементы». Об этой теории придется еще упоминать ниже. См. несколько суб'ективное изложение ее у Н. Морозова «Вселенная» («Итоги науки», т. II, стр. 624—626).

неоформленном в структурном отношении; но и в тех случаях, когда они происходят в веществе, структурно оформленном, такая структурная оформленность играет всего лишь второстепенную роль, видоизменяющую, но не уничтожающую их основной, механический, „машинообразный“ характер. Эта наука—*физика*. В составе физики мы имеем 1) отвлеченную, общую науку об основных процессах природы механико-фороно мического типа (теория тяготения и других общих свойств материи, теория материального движения, механическдй работы, теплоты, света, магнетизма, электричества, звука и т. д.) и 2) конкретную физику—точнее, ряд „конкретных“ физик, каковы, напр., физика земной коры и атмосферы („метеорология“,от греч.ta meteora=небесные явления), кристаллофизика, физика солнца, астрофизика (физика звезд) и т. д. Само слово „физика“ также греческое и значит буквально „то, что относится к природе“; у греков слово это обозначало всё вообще учение о природе; в настоящее время значение его значительно уже.

Основными элементами, с которыми имеет дело физика, в разное время считались то *атомы* (греч. atomon=неделимое), т. е. неделимые далее, мельчайшие частицы, отделенные друг от друга пустотой, то *корпускулы* (латин. corpusculum=тельце)—первичные тельца разных величин, сплошь выполняющие пространство—без взяких пустот и промежутков, то *непротяженные точки*—центры сил (гипотеза Босковича), то гораздо более мелкие, чем атомы, электрические частицы (электроны, ионы и т. д.).

Все эти простейшие элементы физика изучает в их покое и движении, в состояниях напряжения, столкновения, механических комбинаций и перегруппировок и т. д.

29. Проф. О. Д. Хвольсон в своей книге «Физика и ее значение для человечества» определяет физику очень широко—так, что она включает в себя и химию. Физика, по проф. Хвольсону, есть «наука о явлениях, происходящих в мертвой, неорганизованной материи».

В этом определении мне кажется не совсем удачным ходячий термин «мертвый». Термин «мертвый» слишком связан не только с соотносительным ему понятием жизни, но и с понятиями смерти, умирания и т. п.: мертвый—это как бы «умерший». Между тем, понятие было бы чище и яснее без этих привходящих, дополнительных ассоциаций. Физический и «мертвый»—понятия диспаратные: «физический»—это не „мертвый" (но, конечно, и не «живой»), а нечто, не имеющее прямого отношения ни к жизни, ни к смерти,—нечто особое,—из чего, может быть, может возникнуть «живое», а следов. и «мертвое» (т. е. умершее живое), но что с этим последним не тожественно.

Если оставить в стороне это терминологическое сомнение, то под определение проф. Хвольсона, как он указывает, подойдут преимущественно следующие важнейшие природные процессы, которые и составят область «физики» (в широком смысле,—включая в нее и химию):

1) переход теплоты от одного тела к другому (или от одного места тела к другому).

2) переход работы в теплоту и теплоты в работу,

3) растворение твердого или газообразного вещества в жидкости, и обратно—выделение тех же веществ из жидкости,

4) переход веществ из одного состояния (твердаго, жидкого, газообразного) в другое, т. е. плавление, затвердение, испарение, сжижение,

5) диффузия, т. е. постепенное проникновение частиц этого вещества в другое,

6) переход энергии *) из одного вида в другой,

7) изменения об'ема или давления или температуры тела,

8) изменения степени электризации или намагничения тела,

9) всякая химическая реакция соединения, разложения, двойного обмена и т. д.,

10) упругая деформация твердого тела,—напр., растяжение, сжатие, скручивание, гнутие. («Физика и ее значение,» стр. 229).

Физика в собственном смысле (без включения химии) состоит, по проф. Хвольсону, из следующих отделов: а) учение о движении и силах, составляющее, ближайшим образом, предмет механики и являющееся для физики как бы вводным отделом; б) учение о состояниях тел: твердом, жидком, газообразном (то, что по большей части называют «физикой частичных, или молекулярных сил», «или молекулярной физикой»; в) учение о звуке (акустика,—от греч. acuo=слушаю); г) учение о свете («точнее: лучистой энергии»—оптика); д) учение о теплоте, е) учение об электричестве и магнетизме. («Физика», стр. 50).

---

*) Т. е. способности произвести „работу".

30. Второю из основных реальных наук, имеющих дело вещами и процесами природы неорганической, является *химия*. Термин этот происходит, как полагают, от египетского слова «хема», что значит «черное красящее вещество».

Об'екты, изучаемые химией, сложнее по своей структуре, чем об'екты физики. В химии основной реальностью, с которой она имеет дело, является уже не простая, элементарнейшая частица элементарного вещества (электрон, ион, положительный заряд электричества, атом водорода и т. д.), а некоторое более оформленное в своем строении и более сложное целое — атом *) или молекула **) структурно оформленного вещества.. Каждый тип таких структурно оформленных частиц обладает специфическими внешними свойствами, а также и специфическими реакциями на другие структурные типы вещества. Эти специфические действия друг на друга таких веществ, называемых *элементами*, ***) приводят к образованию новых веществ, не похожих по внешнему виду и по другим свойствам на те вещества, из соединения которых они образовались. Здесь на почве чисто механических, фороиомических группировок, перемещений, подлеположений создаются глубокие изменения *качественного* характера.

Правда, специалисты физики и химики склонны ставить в теснейшую связь физику и химию. подчас почти сливать обе эти

---

*) Атом (греч. a—tomos; от корня tem—режу), значит буквально *неделимое*. Латинский перевод этого термина: *индивидуум*.

**) Молекула (от латин. moles—масса) значит «маленькая масса», частица.

***) Слово „элемент" долго смущало историков научной терминологии. Его происхождения не могли об'яснить иначе, как простым сопоставлением букв: l, m, n. Лишь сравнительно недавно вопрос этот был окончательно выяснен в замечательном исследовании известного немецкого филолога Дильса. Дильс доказал, что термин „элемент" происходит от слова elephantum (полатыни elephantus—слон); так назывались небольшие квадратики из слоновой кости, на которых были нарисованы буквы (складная азбука). Квадратики эти служили детям богатых римлян одновременно и игрушкой, и первым букварем. Дети на своем языке переделали elephanta в elementa, и последняя форма получила право гражданства. А так как эти буквы были *простейшими составными частями* слов, то отсюда и возникло теперешнее значение этого слова. По гречески этому понятию соответствовало stoicheion («стихия»).

науки; они указывают на то, что определенной и резкой границы между процесами физическими и химическими указать нельзя. что внешние движения и механические подлеположения и группировки физики постепенно переходят во внутренние перераспределения и качественные преобразования химии. Это, конечно, справедливо: переходы есть; и тем не менее, *типические* процесы физическего и химического порядка определенно различны одни от других. И наша цель здесь как раз указать эти типические различия.

В составе химии мы можем также различить, согласно указанному выше принципу, 1) химию *отвлеченную*,—изучающую *общие* свойства и законы химических элементов и их соединений, и 2) химию *конкретную*, исследующую *фактически* существующие в том или другом об'екте комбинации химических элементов. Таковы, напр., „химия земной коры", «химия солнца», „почвенная химия", а также «геохимия» (химия земли) и тесно с нею связанная *минералогия*, являющаяся в основе своей по преимуществу отделом конкретной химии.

Отвлеченная химия делится на два главных отдела: на 1) химию *неорганическую*, изучающую те соединения элементов, которые входят по преимуществу в состав природы неорганической (металлы, земли, камни, минералы), и 2) химию *органическую*—теорию таких соединений, которые составляют основу и субстрат организмов живых существ. Органическая химия изучает преимущественно соединения четырех элементов: азота, кислорода, водорода и углерода, лежащие в основе растительнаго и животного мира.

Отвлеченно говоря, «об'ем» области химических явлений не так широк, как об'ем явлений физических. Вполне законно предположение, что способность материи к структурному оформлению наступает лишь при известных условиях, напр., при известной температуре. При температурах более высоких, можно думать, материя теряет химические свойства, но сохраняет еще физические. Таким образом «химическое» состояние вещества будет *частным случаем* по отношению к состоянию физическому—более общему: физические явления можно представляет себе существующими и там, где химических уже нет.

В отношении своего «содержания» об'екты химии сложнее об'ектов физики: химические элементы и соединения сохраняют

физические свойства и кроме них обладают еще свойствами специально химическими (соединяемость в известных пропорциях друг с другом, известные внешние свойства—цвет, строение, удельный вес, плотность, электрические свойства, действия на другие сложные тела и элементы и т. д.).

31. Науки о природе живой, организованной можно об'единить под общим названием наук *биологических*, или *биологии* (от греч. bios=жизнь). Таким образом, биологию можно определить как науку о явлениях жизни и о живых существах.

Основным элементом науки о жизни является, с одной стороны, *живая клетка*—та мельчайшая часть сложнейшим образом организованной материи, которая обладает жизненными функциями дробления и размножения, роста, развития, питания, выделения, сокращения и движения и т. д.; а с другой, живой *организм*, *как целое*, обладающее способностью к самостоятельному, отдельному существованию. Отсюда в биологии два основных частию отдела, частию научных направления: одно в центре своих иследований ставить клетку, другое—организм, как целое. Возможно, конечно (и фактически бывает) и совмещение этих двух направлений в изучении живого мира.

Живая клетка, не говоря уже о живом организме, как целом, несравнено сложнее не только простейшей физической частицы, но и химического атома и молекулы. Гораздо сложнее и ее функции и проявления.

Несомненно, как между физикой и химией, так и между химией и биологией нет резкой пограничной черты: процессы химические очень постепенно подводят нас к процессам жизненным. Поэтому, с одной стороны, некоторые физики прямо говорят даже о „процесах жизни в мертвой природе", а с другой—биология стремится все, что возможно, об'яснить в живом организме законами физического и химического порядка. И тем не менее, типичное чисто химическое явление определенно отличается от столь же типического жизненного: питание и воспроизведение, рост, движение и т. п. суть функции собственно

биологические, не присущие средним собственно химическим явлениям. Есть какие-то моменты (быть может, создаваемые *также* физико-химической основой жизни, но все же не присущие явлениям химическим в узком смысле, регулирующие течение химических процессов в живых существах; моменты эти еще недостаточно изучены.

В составе биологии мы должны также различать: 1) биологию, как науку *отвлеченную*, или общую, изучающую *общие законы* жизни в двух основных ее типах—растительном и животном, и 2) биологию *конкретную*, изучающую *реально* существующие *живые организмы* в их типах или отдельных особях и распадающуюся на целый ряд дисциплин ботанических и зоологических.

Таким образом понятия: *ботаника* и *зоология* обозначают основное, в пределах биологии, различие между организмами растительными и животными и лежат в основе крупнейших подразделений как общей, или отвлеченной, биологии, так и конкретных биологических дисциплин. Термин «ботаника» (от греч. botane=корм для скота, фураж) изучает растительные организмы, начиная с мельчайших, едва видимых в сильнейшие микроскопы бактерий и кончая самыми крупными представителями древесной флоры. Собственно «растение» по гречески будет phyton; поэтому некоторые из авторов классификаций наук пробовали заменить термин «ботаника» словом «фитология»; однако, такая замена не привилась, и термин этот утвердился лишь в частном случае: учение о болезнях растений обычно называют «фитопатологией». «Зоология» (от греч. zoon=животное) изучает мир животных, также начиная от мельчайших «протозоев» (вроде, положим, вызывающего малярию лаверановского плазмодия, так наз. «бледной спирохеты», возбудителя сифилиса, и др.) и кончая крупнейшим животными.

Современная биология считает, что растительная и животная жизнь имеют один общий корень, что они дифференцировались из одного и того же элементарного зачатка. Существует целый ряд организмов, которые биология ставит *между* растениями и животными, не относя их вполне ни к тем, ни к другим. Эти организмы выделяются в особую группу «протистов» (от греческого protos=первый),—наиболее первоначальных живых существ.

Конкретные науки--ботаника и зоология—распадаются на несколько отделов, которым придаются специальные названия; и нам не мешает с этими названиями познакомиться.

Изучение форм и строения растительных и животных орга-

низмов и их отдельных частей называется *морфологией* (от греч. morphe=форма). Морфология делится на два главных отдела: 1) описательную *анатомию* (от греч. корня tem=резать) наука о том, что изучается с помощью разрезывания организмов); анатомия изучает строение и формы органов, поскольку они доступны невооруженному глазу: 2) *гистологию* (от греч. histos=ткань)— изучение мельчайшего строения тканей и клеток живых тел при помощи микроскопа. В зоологии выделяется еще особо «сравнительная анатомия» составляющая переход между собственно морфологией и другими отделами зоологии (палеонтологией, физиологией и т. д.) и изучающая строение животных в связи с внешними и внутренними условиями их существования.

Изучение самих жизненных *процессов* называется в настоящее время *физиологией* растений и животных (от греч. physis= =природа; буквально: наука о природе). В древности термин «физиология» часто употреблялся в смысле науки о природе; „физиолог" значило то, что теперь «естествоиспытатель»; в настоящее время за этим термином утвердился более узкий смысл—изучение специально жизненных *процессов*.

Далее, распределение типов растений и животных по степеням сходства между ними и родства их в эволюционном ряду организмов, а также классифицирование типов составляют задачу *систематики* растений и животных (от греч. sy—stema=со-став. распорядок).

Изучение зародышей организмов, пока они находятся в материнском теле, называется *эмбриологией* (греч. embryon=зародыш).

Типы вымерших растений и животных изучает *палеонтология* (от греч. palaeos=древний и ont=существо; наука о древних существах).

Наконец, отдельно стоит изучение *географического распространения* растений и животных, их «содружеств», общих типов флоры и фауны, как целых, в зависимости от географических условий и т. д. (*фитогеография и зоогеография*).

Очевидно, что к биологии и ее отделам приложимо сказанное выше об отношениях между физикой и химией. Явления жизни представляют, с известной точки зрения, частный случай явлений химических; но их содержание сложнее, а об ем их уже явлений химических; биология изучает свои об'екты в отношении большего числа признаков, но само число случаев „жизни", т. е. число живых существ, меньше числа случаев явлений химических, так как есть много химических реакций и соединений, не сопровождаемых «жизнью». *)

*) Конкретные науки сами далее делятся на более мелкие отделы. Та, напр. анатомия (человека) делится на *остеологию* (греч. osteon=кость; изучение костей), *миологию* (изучение мышц; греч. mys=мышь, а затем и «мышца»), *синдесмологию* учение о связках; греч. syndesma=связка), *спланхнологию* (учение о внутренностях,—splanchna), *ангиологию* (учение о сосу-

32. *Четвертое* место в ряду наук реальных займет *психология* (буквально; „наука о душе“,—от греч. psyche=душа), в настоящее время понимаемая по большей части как „наука о сознательных состояниях“ *).

Вопроса об отношении сознательных состояний к нервно-физическим процессам, происходящим в организме, я буду касаться в дальнейших главах курса. Сейчас я преследую только цели элементарной группировки наук в общей системе классификации.

Процесс образования понятия о *душе* изображается исследователями различно. Повидимому, наиболее правильно *зерно* этого понятия (к которому, конечно, потом присоединяются и другие моменты) истолковывает теория Тайлора—Спенсера.

Первобытное мышление плохо различало „субстанции“ и «функции», вещи и акты; оно отдавало решительное предпочтение «субстанциям» и везде, где находило своеобразные проявления, признавало существование особых *вещей*. Поэтому естественно, что и для об'яснения деятельностей сознания оно принимало особую «опору» (*субстанцию*) в виде вещи—души.

Дикарь видел, рядом со своим телом, свою *тень*; он наблюдал в спокойной воде *отражение* своей фигуры; нередко слышал *повторение* своего голоса (эхо) и т. п. Отсюда идея *двойника*, какого то существа, то находящегося внутри человека, то выходящего из него и являющегося ему в зрительных или слуховых образах... Эта идея двойника получает подкрепление во множестве биологических состояний, ежедневно наблюдаемых человеком. Дикарь спит под деревом и видит места, отстоящие на десятки верст от этого дерева. Мы говорим: это *во сне*... Но первобытное сознание еще не установило тех различий, какие устанавливаем мы, между «сном» и „бодрственным состоянием“, воображаемым (вспоминаемым, мыслимым и т. д.) и реально воспринимаемым и т. п., и все понимало и связывало, так сказать, в одной плоскости: для него все было реальным. Тип его «аппер-

---

дах,—греч. angion=сосуд), *нейрологию* (учение о нервной системе; neuron=нерв), и т. д. В составе зоологии различаются, напр., *орнитология* (изучение птиц; греч. ornis-птица), *энтомология* (изучение насекомых; греч. entomon=насекомое), и т. д. В составе ботаники *бактериология*, *дендрология* (dendron=дерево) и др. Номенклатура отделов наук необозрима; она изучается постепенно по мере ознакомления с каждой наукой. Для нас достаточно приведенных примеров.

*) Термин «психология» вошел в общее употребление только с половины *XVIII* в.—с Хр. Вольфа; впервые он встречается у Меланхтона. Ранее для обозначения этой науки употребляли либо название главного психологического сочинения Аристотеля—Peri psyches («о душе») или латинский перевод его-De anima, либо термин «пневматология» (греч. корень pne=дух).

цепции» (понимания) и истолковывания была не наш, а другой. Отсюда очевидная концепция: пока человек спал под деревом (все видели, что тело его лежало тут), его двойник отделился от его тела и «летал» по местам, виденным им («во сне»). И пока двойник был в человеке, человек все сознавал, двигался, работал; когда же двойник улетал, человек лежал почти неподвижно, не сознавал окружающего. След., двойник—*принцип* и *основа* сознавания, движений, работы, всех жизненных проявлений Иногда двойник оставляет человека окончательно, и тогда человек умирает,—прекращается всякая жизнь. Иногда в человека входит другой, чужой „двойник"; тогда меняется все содержание его сознания, двойники—свой и чужой—борются, равновесие жизни и сознания нарушается (бред лихорадящих больных и сумашедших, экстаз, наитие, опьянение и другие отравления, припадки падучей, истерии и т. д.). В этой идее двойника—души была основа первобытного анимистического мировоззрения и первая форма «спиритуализма», т. е. учения о душе, как особой субстанции. В области религиозного миропонимания мы находим, среди других отложений культуры, также и эти древнейшие представления. И так как вообще область религиозных представлений является складом обрывков воззрений, возникших в разные эпохи и при разных культурных условиях (причем отдельные верующие выбирают себе то те, то другие из этих элементов соответственно уровню своего научно-философского развития), то наименее культурные группы людей могут и теперь еще представлять себе душу именно в виде «двойника» данного человека. Нередко в церквах мы находим картины Страшного суда, на которых черти вытаскивают ливо ра грешников похожих на этих грешников маленьких людей, т. е. «души», «двойников» этих грешников Позже идея „души" отрывается от мысли о двойнике: душа начинает представляться *особой субстанцией, не имеющей чувственного образа и сходства с данным человеком.* Эту стадию понятия о душе мы находим, напр., у Платона и у других древних философов, а также у большинства христианских средневековых мыслителей; ее можно назвать *субстанциалистической* стадией понятия души. Позже понятие души приобретает еще иной вид: *динамический*; душа начинает пониматься не как особая субстанция, могущая иметь независимое от тела существование, а как *сила*, как деятельный принцип, сам по себе не имеющий пространственного характера, непротяженный, умещающийся, так сказать, в одной геометрической точке. Таковы «монады» Лейбница. Монадическое понятие души являетвя переходом к новейшему, *актуалистическому* (Вундт), с точки зрения которого «душа» есть не что иное, как принцип *связности всех актов сознания*, как тот факт, что все сознательные состояния одного и того же субъекта существуют в виде *одного связного целого*, в виде *одной системы актов.* Таким образом, спиритуализм, т. е. учение о душе, как особой—если не субстанции, то,

по крайней мере, особом принципе сознательных состояний, пережил четыре главных стадии: 1) стадию «души—*двойника*», 2) стадию собственно *субстанциалистическую*, 3) *динамическую*, 4) *актуалистическую*.

Параллельно со спиритуализмом развивались и другие точки зрения на «душу» и на принцип сознательных состояний вообще. У большинства до-сократовских философов Греции мы находим „гилозоизм", т. е. идею «живой» (и сознательной) материи—тожества принципов жизни и сознания с материей. Стоики и эпикурейцы были материалистами; материализма же держались и некоторые из отцов церкви (Тертуллиан). В новое время из великих систематиков XVII в. Декарт был дуалистом, Гоббз—материалистом, Спиноза—параллелистическим монистом. Локк начал критику идеи души, как субстанции, а Юм ее закончил, признав, что никакого основания в «опыте» (как его понимал Юм) для этой идеи нет, а потому и понятие это не реально: то, что мы называем обычно «душой», есть лишь серия конкретных переживаний, сохраненная и связанная памятью. Юмова критика легла в основу так называемой «психологии без души», чисто эмпирического изучения *сознательных состояний, как таковых*, помимо всяких предположений о душе, как субстанции. Это *эмпирическое* («опытное»,—от греч. empeiria= опыт) изучение сознательных состояний и составляет психологию, как науку, в современном смысле.

33. С сознательными состояниями связана весьма обширная система знаний, которую можно разделить на два основных отдела.

В *первый* отдел войдут дисциплины, изучающие сознательные состояния 1) *как таковые* (их основные типы, законы их возникновения, образования, осложнения и течения, их значение в жизни вообще и в общественной жизни в частности и т. д.), 2) в *связи с материально-жизненными* состояниями живого организма. Во *второй* отдел можно включить изучение тех же состояний в связи со всеми разнообразными способами их *выражения*.

К первому отделу надо отнести *психологию* в собственном смысле (включая сюда и психологию физиологическую, биологическую, психофизику и т. д.). Задача этой наукй состоит в том, чтобы изучить состояния сознания и вызывающие и сопровождающие их материальные и нервные процессы—так, как они протекают в живом и сознательном существе—под

влиянием ли других сознательных существ, или же благодаря действию иных—внешних либо внутренних, —факторов. Собственно говоря, в отношении своего *субъекта*, или *носителя*, психология всегда остается *индивидуальной*: сознание мы с несомненностью констатируем лишь в единичных конкретно-индивидуальных существах; но *содержание* изучаемых психологией состояний сознания, источники их возникновения, условия течения их и т. д. очень часто связаны с социальной жизнью, с общественными отношениями, а потому дают начало тому, что называется психологией *коллективной*, или *социальной*.

Во *второй* отдел психологических (в широком смысле) дисциплин войдет изучение состояний сознания в теснейшей связи со способами их *выражения* и самых этих *способов*. Таких способов очень много: поступки человека, мимика и другие выразительные движения (напр., музыкальные звуки), создаваемые человеком комбинации материальных форм, цветов и красок,— но главным образом членораздельная речь.

В совокупности все эти выражения можно объединить под понятием «поведения» человека. В настоящее время часто сказывается тенденция выдвинуть в психологии на первый план этот объективный момент поведения; некоторые психологии всю психологию определяют как «науку о поведении живых существ» (напр., *П. П. Блонский.* Очерк научной психологии, М. 1921, стр. 13). В этом сказывается здоровая реакция против нередкой в прежнее время трактовки сознательных состояний вне отношений их к окружающей среде—к фактам биологическим и социальным. И тем не менее, неправильно одну крайность заменять другой: само понятие «поведения» получает смысл лишь *на основе зависимости его от сознательных состояний* («поведение» камня или азота, если употреблять в применении к ним этот термин, мы представляем себе совсем иначе, чем «поведение» Сократа или Карла Маркса), а потому выкинуть из психологии изучение этих последних нельзя. Бояться термина «сознательные» состояния только из-за того, что с «сознанием» может войти в психологию «душа», как субстанция, нет никаких оснований. А потому мы считаем вполне возможным определять психологию как *науку о сознательных состояниях* (или фактах, явлениях) *и их выражениях* в поведении, в искусстве, в речи, слове и т. д.

В прежнее время с изучением речи и слова связывалось и

изучение многого из того, что выражалось в слове и словесных произведениях, и все это обширное целое обозначалось устаревшим теперь уже термином: *филология* (от греч корня phil=любить и logos=слово, речь; буквально «любовь к слову»). В это целое входили не только элементы таких «систематических» дисциплин, как языкознание, теория литературных форм, теория искусства вообще и отдельных искусств в частности и т. п., но и значительная часть исторических изучений. В настоящее время эта широкая область распалась на отдельные ее элементы; каковы, напр., языкознание, или *лингвистика* (от латин lingua=язык) наука о формах словесных произведений (теория литературы, *поэтика*), *теория искусства* и т. д. Соответствующие отделы исторических знаний вошли в общую систему наук исторических.

Немецкие мыслители часто употребляют для обозначения всей области наук психологических термин Geisteswissenschaften —«науки о духе», и против этого термина особенно возражать нельзя: некоторый субстанциалистический оттенок присущ одинаково обоим терминам—как «психологии» (науке о *душе*), так и „наукам о *духе*". Однако, это неудобство можно обойти ясным и точным определением содержания этой области наук, исключающим всякие субстанциалистические ассоциации.

34. Область наук психологических также можно разделить на сферы: *отвлеченную* и *конкретную*. В первую войдет изучение общих законов течения сознательных состояний в отвлеченном от конкретных обстоятельств и случаев виде; во вторую - те реальные формы, какие может принимать действительность в результате влияния, с одной стороны, этих общих тенденций, а с другой—конкретных обстоятельств. Так, в сфере изучения самих содержаний сознания мы будем иметь, в качестве наук «отвлеченных», *общую психологию* в ее различных отделах; в области изучения „выражений" *общую теорию выражения* или *поведения* в его целом и частных, отдельных его видов. Им будут соответствовать в сфере конкретных изучений, напр., различные специальные психологии (полов, возрастов, наций, общественных классов, темпераментов и характеров и т. д.), а также теории различных конкретных „выражений" (напр., положим, теории классицизма, романтизма, символизма, футуризма и т. д., как литературных направлений и т. п.)

Надо иметь в виду для ясности, что ступеней «конкретизации» науки и ее материала может быть неопределенное количество: психология детского возраста *конкретнее* общей психологии, психология дошкольного возраста конкретнее психологии детского возраста вообще и т. д. Дальнейшая конкретизация может вводиться другими специфицирующими принципами: напр., психология английских дошкольников будет конкретнее общей психологии дошкольного возраста; психология английских дошкольников таких-то годов такого-то века или в такой-то местности Англии еще конкретнее, и т. д.

35. Хотя психология часто определяется в настоящее время как наука о сознательных состояниях, однако, в нее входит также и изучение *бессознательного*, поскольку таковое вообще доступно изучению.

В прежне время психологи, особенно английские, часто вовсе отрицали возможность изучения *бессознательных* состояний *психологического* характера на том основании, что эти состояния «не сознаются» нами и следовательно мы о них ничего не знаем. Рассуждение это исходит из предпосылки, которую оно безмолвно принимает за несомненную: а именно, что мы можем изучать только то (и вообще можем знать только о том), что мы *непосредственно сознаем*. Однако, предпосылка эта неосновательна, так как мы знаем и изучаем многое такое, чего мы *непосредственно* не сознаем, о чем знаем только при помощи аналогий, построений, гипотез, выводов, умозаключений и т. д. —вообще лишь косвенным путем. Так создаются, напр., все картины прошлого, восстанавливаемого нами при помощи разнообразнейших выкладок и построений на основании материала, который нередко *совершенно не похож* на эти картины. Когда зоолог по кости вымершего животного определяет размеры этого животного, внешний вид, образ его жизни, говорит нам, чем это животное питалось и т. д., все это *непосредственно* зоологу не дано, им *прямо не переживается, как таковое*, а составляет *выводы* на основании некоторых непосредственно сознаваемых признаков костей и т. п. Таким же путем изучается и «бессознательное», т. е. по известным его «следам», отголоскам, проявлениям в том, что непосредственно сознается. Дело в том, что психическая жизнь тесно связана с жизнью организма,— во многом она обусловливается этою последнею: корни сознания глубоко уходят в органическую жизнь, которая очень часто и прорываются в деятельности собственно «сознания» в виде безотчетных стремлений, инстинктивных предрасположений, так наз. автоматизма, актов творчества и вообще массы проявлений «подсознательной» сферы психики. Человеческая личность представляет собою иерархию психических деятельностей, из кото-

рых только высшая сопряжена с «сознанием»; а потому сфера «психического» шире сферы «сознания» (в смысле *непосредственного* сознавания).

36. Сознательные состояния мы можем изучать, *как таковые*, в их непосредственно сознаваемом *содержании*, в законах их течения, формирования, развития, взаимодействия и т. д. Это будет *психология* в ближайшем смысле этого термина,—„психология" без всякого дополнительного определения.

Общие проблемы об отношении физического к психическому, жизни к сознанию и т. п. составляют содержание диспиплины, называемой *психофизикой*.

Поскольку мы сознательные состояния изучаем в частности при помощи *измерений* скорости, напряжения и других измеримых свойств сопровождающих эти состояния процессов в организме, мы имеем то, что обычно называют *психометрией* („измерение души").

Если мы берем обладающий сознательными состояниями организм, как целое, в его отношении к *внешней,* преимущественно *материальной* среде, мы имеем *психологию биологическую*. Сюда надо отнести, напр., проблемы психической изменчивости и приспособления, отбора, наследственности, самосохранения, самозащиты, добывания средств к существованию, борьбы и т. д.

Детальное изучение разнообразных процессов, происходящих в живом организме, протекающих параллельно процессам сознательным, имеющих для этих последних процессов то или иное значение, составляет содержание так называемой *физиологической психологии*. Нередко течение таких жизненных процессов, устройство органов чувств и нервной системы и т. п. проливали свет и на ход связанных с ними (как сознательных, так и безсознательных) психических состояний.

Поскольку мы—в значительной степени на *том же* конкретном материале—изучаем, (так сказать, сквозь него) отношения сознательного существа к

другим, ему подобным, мы получаем *психологию социальную*, или *общественную*.

Все эти исследования—как самих содержаний сознательных состояний, так и сопровождающих их и связанных с ними явлений физического и органического порядка—могут вестись как при помощи простого *наблюдения*, так и с участием планомерно проводимого *эксперимента*.

Отсюда дополнительное подразделение указанных выше областей психологической науки на отделы: *эмпирический* в собственном смысле (основанный на *наблюдениях* фактов, как они представляются нам сами собою в реальной действительности) и *экспериментальный* (основанный на искусственно производимых „опытах"—экспериментах)*). Так, я могу (в области психологии в тесном смысле) свои собственные психические силы и сознательные состояния изучать, разбираясь, напр., при помощи памяти в своем прошлом, умственно „наблюдая" (а затем, конечно, анализируя, истолковывая, об'ясняя) его; и могу изучать все это «экспериментально»,—напр., ставя себе те или иные цели или задачи, а затем констатируя, решены ли эти задачи, достигнуты ли эти цели, и устанавливая, как и каким путем, какими приемами они решены, и т. д. В первом случае мы будем иметь исследование при помощи *наблюдения* (*эмпирическое*—в широком смысле), во втором—исследование *экспериментальное*.

Подобным же образом и в области психологии биологической и физиологической я могу либо просто *наблюдать*,—напр., образ жизни животных (положим, пчел) на воле или процессы расширения зрачка при различных степенях освещения, либо

---

*) Надо помнить, что разграничение простого *наблюдения* от искусственно производимого *эксперимента* не имеет строгого характера: наблюдение может рядом постепенных приближений, усилением планомерно вводимого искусственного момента переходить в эксперимент. Так, часто наблюдение нуждается в *приборах* для лучшего восприятия наблюдаемого (луна, микроскоп, телескоп и т. д.), в разного рода *приспособлениях* (концентрированное освещение, производство срезов живых тканей, окраска их, вивисекция) и т. д.; а это все уже непосредственно приводит к *эксперименту* в собственном смысле.

экспериментировать с людьми и животными в лаборатории,—исследуя их поведение при определенных, искусственно созданных условиях, определяя скорость нервного и сознательного процесса или количество об'ектов, охватываемых в одном акте внимания, и т. п.

37. При этом как наблюдение, так и эксперимент имеют в психологии различный характер в зависимости от того, производим ли мы их на над нами самими, или же над другими людьми. Констатирование своих собственных состояний мы производим *непосредственно*, при помощи *самонаблюдения*; напротив, сознательные состояния других существ мы констатируем *опосредствованным путем*—при помощи *истолкования*, *понимания* внешних выражений этих состояний, как они имеют место в их мимике и речи, в выражении их лиц и фигур, в их поведении и поступках. Такой *непрямой* путь познания психики других существ предполагает правильное функционирование в нас всего того аппарата, при помощи которого совершается это понимание чужих состояний. Мы должны 1) правильно *наблюдать* все эти внешние выражения, 2) иметь в своем опыте достаточный запас более или менее отчетливых состояний, *аналогичных* тем, какие протекают перед нами в другом существе (без этого «сытый голодного не разумеет»), 3) уметь пустить в ход при истолковании *нужные* именно в *данном* случае об'яснительные аналогии (иначе можно «голодного от пьяного не уметь отличить»),—надо обладать чутьем, талантом и опытом «психологического диагноза»; для этого надо иметь в уме прочные ассоциации «выражений» с выражаемыми содержаниями; 4) наконец, надо уметь *построить* из материала своего опыта, своих в данный момент имеющихся (в «памяти», условно говоря) состояний чужое переживание, ибо очень часто мы не буквально отожествляем эти косвенно «наблюдаемые» чужие состояния с теми или иными из наших собственных, а видоизменяем, модифицируем эти последние, построяем эти чужие состояния—в зависимости от конкретных указаний каждого отдельного случая. Так, мы, может быть, никогда не переживали сами чувства страха при встрече в лесу или в степи с какими-либо опасными животными (напр., очковой змеей), и тем не менее мы можем *вообразить* такое чувство, читая, положим, рассказы из индусской жизни Р. Киплинга.

В огромном большинстве встречающихся в практической жизни случаев такое толкование выполнимо; однако, иногда оно может оказаться и недоступным—в зависимости, напр., от неимения у нас аналогичного материала (напр., вряд ли каждый сможет ясно воспроизвести переживания опиофага или того, кто одуряется гашишем), или же в силу слабости построяющей, творческой способности (дефективному человеку или идиоту может

быть недоступно понимание очень многого в переживаниях других людей; то же самое в случаях полной невосприимчивости, непонятливости в науке, искусстве), или, наконец, в силу экстраординарности или болезненного, извращенного характера того, что надо «понять» (напр., патологическая кровожадность, некрофилия и многое другое).

Со всем этим связано большое различие в значении для психологического знания наших собственных и чужих переживаний. Наши собственные состояния мы знаем *непосредственно*, как таковые; чужие—*посредственно*, при помощи понимания их, производимого *нами же самими*. Несомненно, наши личные переживания (в собственном смысле) далеко не так широки и разнообразны, как вся масса «чужих» переживаний: все наши переживания носят отпечаток нашей личности, нашего опыта и т. д., а потому до известной степени однообразны и односторонни, и в значительной мере субъективны. В обоих этих отношениях коррективом является широкий, разнообразный и об'ективный материал переживаний других суб'ектов. Но с другой стороны, сам этот чужой материал получается, благодаря *нашей* деятельности построения на основе восприятия и истолкования чужих выражений. Эту деятельность „построения" чужих психологических содержаний надо строго отличать от собственно „суб'ективного" источника наших личных, *непосредственных* переживаний; ее результаты могут быть уже свободными от ограниченности, случайности, и недостоверности данных «самонаблюдения» в собственном смысле. Получается таким образом, взаимопроникновение и взаимодействие обоих элементов: собственно суб'ективного и об'ективно-построительного. Суб'ективный момент дает качественное содержание переживаний и придает им характер достоверности; об'ективно-построительный расширяет запас материала и исправляет недостатки момента собственно суб'ективного.

38. В настоящее время, как я упомянул, выдвигается точка зрения так наз. „об'ективной психологии", согласно которой об'ектами психологического исследования являются не сознательные состояния (в связи с состояниями организма, конечно, как это было у всех научных психологов), а совокупность одних только *внешних реакций* органического существа, называемая обычно «поведением» его. В нашей научной литературе эта точка зрения восходит к нашему замечательному физиологу И. М. Сеченову*); ее давно уже развивает русский зоопсихолог, заслужен-

*) „Отцу русской физиологии", как его называет акад. *И. П. Павлов* («Двадцатилетний опыт об'ективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Условные рефлексы». Сборник статей, докладов, лекций и речей. 1923) Брошюра И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» вышла еще в 1863 г. «В этой брошюре была сделана—и внешне блестяще—попытка для того времени чрезвычайная попытка (конечно, теоретическая, в виде физиологической схемы) представить себе суб'ективный мир чисто физиологически... Потом Иван Михайлович более не возвращался к этой теме в ее первоначальной, решительной форме".

ный исследователь жизненных реакций некоторых из безвоночных животных В. А. Вагнер; из нее исходит в своих физиологических исследованиях наш знаменитый ученый И. П. Павлов *); ее пропагандирует академик В. М. Бехтерев; наконец, в последнее время к ней примкнул П. П. Блонский. Поскольку эта точка зрения требует *особого* внимания к *активным* реакциям организма, она заслуживает сочувствия, потому что *некоторые направления психологической науки* несомненно страдали односторонним *интеллектуализмом* и недостаточно считались с этими активными реакциями (таково, напр., было особенно старое гербартианство). Однако, другие психологические направления отнюдь не страдали этим: стоит взять хотя бы классическую, английскую эмпирическую психологию, у видного представителя которой А. Бэна учение *о воле и о движениях* составляет, конечно, самую лучшую часть, наиболее разработанный отдел его психологии. Мало того, интеллектуализмом не страдает, напр., даже английское гербартианство, виднейший современный представитель которого Стаут, исправляя односторонность старого гербартианства, кладет в основу своей психологической системы понятие *активности, готовности к действию* (conation). Таким образом, для того, кто знает историю и современное состояние психологии в ее целом, упрек ей в одностороннем интеллектуализме сам представляется односторонним: он справедлив лишь отчасти. Далее, в формулировке точки зрения самой об'ективной психологии замечается большая неотчетливость. В автореферате сообщения, сделанного на „Всероссийском научном с'езде по психоневрологии" (в Москве в янв. 1923 г.), акад. Бехтерев пишет: «Никакие внутренние или психические пережи-

---

*) В этой же книге акад. *Павлов* указывает и иностранных начинателей *экспериментирования* над животными с этой точки зрения. «Честь первого по времени выступления на новый путь должна быть предоставлена E. L. Thorndike. (Animal Intelligence. An experimental study of the associative Processes in Animals. 1898), который на 2—3 года предупредил наши опыты и книга которого должна быть признана классической как по смелому взгляду на всю предстоящую грандиозную задачу, так и по точности полученных результатов. Со времени Thorndike американская работа о нашем предмете все разрастается, именно по-американски во всех смыслах: в отношении участвующих работников (Yerkes, Parker, Watson и др.), средства исследования, лабораторий и печатных органов» (стр. 8). Затем акад. Павлов указывает на то, что «об'ективное изучение поведения животных начинает привлекать к себе внимание и во многих европейских физиологических лабораториях: венской, амстердамских и др.». Претензии нашего акад. Бехтерева и Калишера (в Германии) „на какой-то приоритет в этом роде исследования" акад. Павлов считает «совершенно эфемерными для всех сколько-нибудь знакомых с предметом».

Могу прибавить, что идеи и опыты Thorndike'а возбуждали интерес и в других странах. Так, в весеннем семестре 1902 г. в оксфордском университете мне удалось прослушать специальный и очень обстоятельный курс об'ективной психологии, широко использовавший данные Thorndike, читанный тем же английским психологом (неогербартианского направления), о котором я упоминаю в тексте, G. F. Stout'ом.

вания не могут иметь об'ективного значения, пока мозговые процессы... не появятся в форме слова (как символа), действия, мимики, жеста и других внешних форм. Отсюда ясна необходимость и важность об'ективно-биологического исследования личности, которое должно *заменить собою* (курсив мой *В. Л.*) распространенное ныне суб'ективное изучение» («Известия В. Ц. И К.», янв. 1923 г.).

Здесь, прежде всего, неясно, что разумеет акад. Бехтерев под «суб'ективным изучением». Я уже сказал, что без переживания самим изучающим тех или иных основных типов сознательных состояний, у него не будет и материала для изучения; так, слепорожденный никогда не станет ни живописцем, ни теоретиком живописи, ни исследователем—психологом в области зрительных переживаний. Равным образом, психическая деятельность самого изучающего необходима и для «воображения», представления себе чужих сознательных состояний: слабоумный может иметь удовлетворительное зрение, и тем не менее не в состоянии будет вообразить картины природы, положим, Индии. Поэтому в этих двух отношениях обойтись без чего-то, *быть может*, включаемого акад. Бехтеревым в понятие «суб'ективного изучения», безусловно нельзя.. Далее, об'ектами психологического изучения являются не два момента, как думает акад Бехтерев (мозговые процессы и их «внешние проявления»), а три: мозговые процесы. сознательные состояния и их внешние проявления. И вычеркивать из сферы изучения сознательные состояния тем менее допустимо, что, как я уже упомянул, само понятие „проявления" (или поведения) имеет смысл только в связи с «проявляемым». или отражаемым: «проявления» камня одно. «проявления», или поведение Маркса при написании «Капитала» нечто совершенно иное. Исследование слова, действия, мимики, жестов и др. внешних форм «проявления» необходимо; но *заменить* собою исследование сознательных состояний оно не может,—оно может и *должно* его *дополнять* и *контролировать*... Наконец, неясен и следующий пункт. По акад. Бехтереву, выходит, что в психологии может существовать какое-то такое „суб'ективное изучение», которое будет совершенно игнорировать «проявления мозговых процессов в форме слова, действия» и т. д. Я думая, что такого изучения не бывает и быть не может. Каким бы кто ни был «суб'ективным» психологом, но раз такой исследователь *излагает* результаты своих («суб'ективных») наблюдений в форме книги, статьи и т. п., он *уже в процессе написания* своего труда принимает во внимание проявления своих («суб'ективных») состояний в форме *слова* и *действий* (писания, перечитывания, исправления, чтения корректур и т. д.); он оценивает то, в какой степени его слова выражают его мысли, критикует свой текст—словом, *уже тут* изучает соотношение своих сознательных состояний (и косвенно—мозговых процессов) с их проявлениями... Акад. Бехтерев допускает сбивчивость в своем рассуждении, отожествляя «об'ективно-биологическое исследо-

вание личности» с изучением «проявлений (мозговых процессов)». Такое изучение имеет полную силу и помимо об'ективно-биологического исследования; оно входит необходимой составной частью и во всякое «суб'ективное» изучение психики. Здесь недоразумение происходит от полной неясности употребляемых в разсуждении терминов.

Мой взгляд на отношение между изучением своего и чужого сознания, а также между физиологическим и психологическим моментами я вкратце изложил выше.

39. Последнею в ряду реальных наук, наиболее богатой по содержанию и наименее широкой по об'ему, является *социология*.

Слово «социология» введено О. Контом в его „Курсе положительной философии". Термин этот составлен из корней двух различных языков (латин. soc=союз и греч. log=наука) и обозначает науку об обществе, об общественном союзе.

Социопогия изучает факты и законы различных форм преимущественно человеческого общения, некоторых типических отношений между входящими в общение индивидуумами. Такими типическими формами общения, выполняющими известные общественно необходимые функции, можно считать, напр., 1) формы сохранения „вида", произведения и воспитания потомства, 2) формы общения племенного, языкового, расового и т. д., 3) формы организации отношений, связанных с производством и трудом, 4) формы общения политического, 5) религиозного 6) идейного, 7) формы передвижения и „народной связи" и т. д. Все эти формы общения дают начало специфическим типам отношений между индивидуумами, причем эти отношения в каждой стране, в каждую эпоху слагаются особенным образом, в особые типы, составляя с течением времени ряд усложняющихся, восходящих форм общения в данной сфере. Так, мы имеем ряд эволюционирующих форм брака и семьи, производственных отношений, типов народного хозяйства, материального и идейного обмена (дороги всех типов, почта во всех ее формах, телеграф, телефон, авиация и т. д.), отношений власти и подчинения, и т. д. Изучение фактов разви-

тия этих форм, законов их строя и эволюции, их взаимодействия и т. д., и составляет главную задачу социологии.

Основным элементом социологического изучения является простайший тип *союза, простейшее соотношение между человеческими индивидуумами*,, вступающими в более или менее определенные об'ективные отношения для выполнения какой-либо определенной жизненно необходимой функции.

В составе социологии можно выделить также *отвлеченный* и *конкретный* отделы.

Отвлеченная социология состоит 1) из общей теории связи и зависимости всех отдельных сторон общественного целого—в их одновременности, в их «консензусе», и в их последовательности, в динамике их эволюции, а также из учения о „факторах" (основных и производных) общественного процесса и 2) из ряда частных теорий, касающихся строя и законов отдельных сторон общественного процесса, взятых в отвлечении. Первое составит „общую социологию", или общую теорию исторического процесса; второе—ряд частных дисциплин, каковы, напр., политическая экономия, теория права, государства, теория искуства, науки, религии, политики и т. д., как отдельных сторон общественного процесса, в их общих, отвлеченных от конкретных форм чертах.

Конкретная социология будет изучать явления и законы фактически существовавших и существующих, конкретных форм общественных организаций, как целых (или их отдельных сторон). Таковы, напр. факты и теория развития античного города-государства или той или другой разновидности этого типа, учение о капиталистическом государстве, учение о формах власти в феодальном обществе и т. д. Так как такие иследования производятся обычно в связи с изучением исторического материала и на основе этого последнего, то очень большое количество их фактически выходит под рубрикой „исторических исследований".

Со времен О. Конта в составе социологии часто различают, в качестве главных отделов, *социальную статику* и *социальную динамику* Cours de philosophie positive, tome IV, 1908, 167 след., а также лекции 50 и 51). Кратко резюмирует эту мысль Конта *L. Lèvy-Bruhl* (La philosophie d'Auguste Comte, 1900, 286) в таких словах. «Как биология различает точку зрения анатомическую», соотносительную с идеей организации", и точку зрения физиологическую, „соотносительную с идеей жизни", так и социология отделяет изучение условий существования общества от изучения условий его движения... Конт защищается от обвинения, будто он делает из социальной статики и социальной динамики две отдельных науки. По Конту, социология образуется при помощи постоянного сближения этих двух дисциплин. Тем не менее, каждая из них имеет свой собственный об'ект".

Социология не сводится на социальную психологию (о последней см. несколько дальше): социология имеет дело не с самими суб'ективными, психическими содержаниями, вызываемыми общественным процессом, а с необходимыми, об'ективными формами, создаваемыми этим процессом. Правда, эти формы вырабатываются через посредство человеческой психики; но они имеют свою собственную закономерность, свой об'ективный строй и состав, который может—в его целом—не охватываться ни одним из индивидуумов, входящих в состав коллектива; социология не сводится на «социальную психологию».

40. Здесь я ограничусь этими краткими и формальными замечаниями относительно социологии, так как разбор каких-либо вопросов по существу этой науки, требующий значительного места, не может уложиться в рамки этой главы, имеющей целью самый общий обзор системы наук.

Теперь я сообщу еще некоторые сведения из области классификации наук.

Между каждыми двумя основными науками—как математическими, так и реальными—мы находим науки, которые можно назвать *переходными*, или *промежуточными*. Этого рода науки изучают материал, относящийся к какой-либо науке, по методам и с

точек зрения другой науки, предшествующей той, первой в общей схеме наук.

Так, пространственные элементы могут изучаться не как таковые—воззрительно, или синтетически, а *аналитически*, при помощи выражения в числовой форме и в системах уравнений, их расстояний от системы произвольно построенных определяющих (прямых или кривых) линий (так наз. „координат"). Такое, аналитическое изучение пространства составляет содержание *аналитической геометрии*—науки, созданной Декартом и занимающей промежуточное положение между математическим анализом и геометрией: наука эта изучает пространственные отношения под формою чисел.

Наукой переходной между геометрией и механикой можно считать *кинематику*—общее учение о движениях с геометрической точки зрения.

Между механикой и физикой стоит *механическая физика*,—или теоретическая часть физики, изучающая общую теорию движений материальных частиц и их систем.

Между физикой и химией мы находим *физическую химию*, которая рассматривает химические элементы и их соединения как частные случаи физических процессов движения, механического подлепоставления, перераспределения и т. д. материальных частиц.

Жизненные явления с химической точки зрения изучает *биологическая химия* (называемая часто также «физиологической химией», часть которой преподается на медицинских факультетах под названием «медицинской» химии). Эта дисциплина исследует процесы жизни с их химической стороны, рассматривает химический состав как тканей и клеток живого организма, так и всех его продуктов, выделений и отделений.

Промежуточное место между биологией и психологией занимают *биологическая* и *физиологическая психология*, о которых я уже говорил. Первая из этих наук изучает явления сознания с точки зрения

жизни организма, как целого, его отношений к окружающей среде, его реакций на внешние возбуждения и его активных жизненних проявлений; вторая исследует процессы и состояния сознания в связи с их физиологическими основами, выражениями и их „сопровождениями" в организме.

Наконец, социальные явления в терминах и с точки зрения психологии исследует *социальная психология*. Социальные формы создаются людьми при помощи разнообразных деятельностей их мышления, чуствования и воли; общественные формы оказывают, в свою очередь, различные обратные влияния на человеческую психику. Таким образом, хотя социальные формы имеют свою собственную логику, свой особый об'ективный строй и состав, но все это осуществляется *через посредство* моментов психологических, имеющих таким образом техническое, „инструментальное" значение по отношению к фактам собственно социологическим. Изучение этих моментов и составляет задачу социальной психологии, с которой приходится считаться и социологии—особенно в ее диамическом отделе («социальная динамика").

41. До сих пор я говорил о таких „конкретных" науках, которые соответствуют каждой в отдельности из наук „отвлеченных" (физике, химии, биологии, психологии и социологии).

Однако, есть еще другая группа конкретных наук, требующая особой характеристики. Эти науки соответствуют не какой-либо одной отвлеченной науке, а двум или более: в них об'екты рассматриваются с *нескольких* точек зрения, из которых каждая специфична для отдельной отвлеченной науки.

Дело в том, что в пределах *об'ективной* классификации реальных наук (т. е. распределения их по их *материалу*, а не по тем способностям, какими эти науки создаются,—что мы называли выше „суб'ективной" классификацией) человечество в общем оперировало двумя способами: иногда бралось *ти-*

ническое явление, типическая совокупность фактов и признаков, и об'екты изучались с точки зрения этих типических признаков и явлений. Такой характер имеют в особенности „отвлеченные“ науки, как физика, химия и др.; однако, и в „простых“ конкретных науках такие об'екты изучаются преимущественно с той или другой особой, специфической точки зрения. В других случаях человечество исходило из *определенного об'екта, как целого*, и изучало его во всех его важнейших проявлениях, *со всех его сторон*. Тут в центре внимания стоит *не абстрактное представление об известной группе свойств*, а *конкретный, цельный об'ект*. Само собой понятно, что этот способ изучения применялся к об'ектам, особенно важным для человечества, сильно приковывавшим к себе его интерес.

С исторической точки зрения этот способ группировки изучений является, быть может, более древним, более первоначальным: внимание людей вызывали раньше *цельные предметы*, а лишь затем уже отдельные признаки их, отвлеченные от целого. Однако, в отношении к некоторым об'ектам такое более древнее распределение материала осталось и до наших дней.

Вселенную—мир, как целое,—изучает группа наук о мире, о космосе („космологических“; греч. kosmos=порядок, строй, потом мировой строй, мир, как гармоническая система), известных под различными названиями: *астрономия* (греч. astron—звезда, небесное тело, nomos=закон), *космография* („описание космоса“), *космология* и т. д. В этих науках космос, как целое, изучается с точек зрения наук математических (науки о числе, геометрии и механики), физики и химии. Так, астрономия небесные тела считает и измеряет в различных отношениях, изучает их размеры, форму, скорость и т. д. их движений, их положения относительно друг друга, их физическое строение и химический состав (при помощи спектрального анализа); наконец, на-

мечает фазисы их истории, их физическую и химическую эволюцию.

Другой интересный и важный для человечества об'ект—планета Земля, место нашего обитания; в геологии (греч. ge=земля) Земля изучается также с точек зрения наук математических, физических, химических, и также и биологических, поскольку геология изучает также и растения и животных минувших эпох, остатки которых сохранились в пластах земной коры и, так сказать, сами стали „землею", вошли в состав планеты Земли.

Точно так же в геологию входит и исторический момент, поскольку один из отделов этой науки занимается рассмотрением истории Земли (соприкасаясь в этом отношении, с одной стороны, с „исторической астрономией", а с другой—напр.. с минералогией, как наукой о конкретных формах химических, а частию и физических образований, как они имели место в Земле—в процессе ее образования и эволюции).

Таким образом, мы видим. что выделение ряда наук, в качестве «наук о естественных целых (или аггрегатах)», представляя очень полезную мысль для уяснения методологических основ и состава этих наук, для которых существуют особые термины, отнюдь не мешает и иному распределению их материала—не около единого природного об'екта, а по *типическим методологиям* и *основным принципам* отдельных элементов такой сложной науки. Я предпочитаю понимать «астрономию» и «геологию», как науки о Вселенной и о Земле, *как целых*, со всех приложимых *к ним, как целым*, точек зрения; и тогда такие дисциплины, как *небесная механика*, *астрофизика*, *астрохимия*, *истории Вселенной* и др. будут отделами этой единой, общей науки о цельном об'екте. Но можно эти отделы отнести и в те науки, к которым они относятся по существу: к механике, физике, химии, к наукам историческим и т. д., и это будет тоже, с известной точки зрения и для известных целей, вполне рационально. Важно не то, чтобы составить «непогрешимую» и окончательную таблицу классифицированных наук, которую нужно было бы защищать во что бы то ни стало.—важно понять *основы*, логику, динамику, *смысл* самого акта классифицирования. А тот или другой результат этого акта, та или другая таблица—это дело удобств, целесообразности, а частию и привычки.

Третий „цельный“ об'ект, интересный для человечества,—это поверхность Земли в ее взаимодействии с окружающей Землю атмосферой и все те физические, химические, биологические, а частию и психологические и социальные (поскольку они зависят от физических, химических и биологических фактов) явления, среди которых протекает жизнь человечества. Все это составляет содержание обширной конкретной науки *географии* (греч. буквально= „землеописание“) в ее различных отделах: *орографии* (греч. oros=гора), *океанографии*, *климатологии*, *географии растений и животных*, *антропогеографии* (греч. anthropos=человек) и т. д. Само собой понятно, что география использует весьма разнообразный материал и совмещает в себе весьма различные научные точки зрения (физические. химические, биологические, психологические, а также экономические, политические и др.)—в их взаимодействии и в совокупном применении их к изучению определенной конкретной совокупности об'ектов и явлений. Можно сказать, что география изучает *распределение в пространстве*, *зависимость* от общих условий и *взаимодействие* различных факторов, действующих на земной поверхности, их размещение и содружество. Как ботаник изучает растительные «сообщества», связанные с типическими сочетаниями естественных данных (флору болот, сухих степей и т. д.), так географ занимается различными «сообществами» разнообразных факторов земной жизни. Если за центральный об'ект исследования принимаются факторы и продукты физической природы, мы имеем *географию физическую*. Если речь идет о других сторонах жизни (в указанных выше отношениях), то получаются *география экономическая* (а также *промышленная*, *коммерческая*, *хозяйственная*), *политическая*, *этическая* и т. д.—Наконец, человечество выделило в ряд таких же „смешаных“ конкретных наук и изучение самого человечества в его разнообразных проявлениях. Сюда можно отнести *этнографию* с близкой к ней в некоторых пунктах

антропологией (греч. ethnos=племя; точный перевод термина „этнография" будет «описание племен»), а также *филологию*, о которой я говорил уже выше.

Все конкретные науки этого типа мы можем назвать „смешанными", или «науками о естественных аггрегатах»; все они выделились в особые целые в силу того, что об'екты их имели особо важное значение для человечества, приковывали к себе особенно сильно его внимание; поэтому они уцелели, в качестве законченных целых, и до настоящего времени. В своей совокупности они охватывают— частию в описательном, частию в об'яснительном разрезе— всю конкретную внешнюю обстановку, в которой живет человек.

43. Обращу еще раз ваше внимание на то, что я стараюсь представить вам здесь известное *систематическое*, исходящее из определенных точек зрения распределение наук. Но, конечно, если стать на другие точки зрения, иначе определить понятия, можно будет тот же самый материал сгруппировать и иначе. Так и делают другие авторы, работавшие над классификацией наук. Так, напр., проф. Л. С. Берг под «геологией» понимает лишь «*историю земли* после образования на ней твердой коры», т. е. считает ее наукой только *исторической*, физику же Земли обозначает терминами: *общая геоморфология*, которую он определяет как «физику твердой земной коры (литосферы)», и *гидрология* (физика земных вод, гидросферы). Две последние дисциплины Л. С. Берг об'единяет, прибавляя к ним еще *метеорологию* (физику атмосферы), под общим названием *физической географии*, или *физиографии*. Против такой классификации, поскольку она удобна для известных целей, ничего возразить нельзя; но только она не об'ясняет того процесса мысли, каким, несомненно, создался в истории науки такой термин, как «геология» (*наука о Земле*, как таковой, как о целом).

Прибавлю здесь кстати несколько слов о взглядах проф. Берга, изложенных в его интересной книжке: «Наука, ее смысл, содержание и классификация». Пргд. 1923). Проф. Берг делит науки на *систематические*, *исторические* (или хронологические, или генетические) и *хорологические* (от греч. choros=место). Систематические делятся у него на науки о *природе неживой* и *живой*. Науки о природе неживой распадаются на науки о *процессах* (*физика и химия*), о *предметах* (*минералогия*, *петрография*, *почвоведение*, а также *систематическая кристаллография* и *специальная* (*систематическая*) *геоморфоло-*

гия). Науки о природе живой изучают либо *формы* (*морфология*, *палеонтология*, *систематика*), либо физико-химические *процессы*, происходящие в организмах (*общая и частная физиология*, а также *экология*, т. е. изучение отношений организма, как целого, к окружающей его естественной среде), либо *психические процессы и их следствия* (*зоопсихология* и *психология*, а также *языкознание*, *демография*, *правоведение*, *социология*).

Науки исторические у проф. Берга перечислены в такой схеме: *наука об эволюции космоса и его частей* (туманностей, звездных, солнечных, планетных систем и отдельных планет), *история Земли* после образования на ней твердой коры (*геология*), *филогения* (наука об эволюции растений, животных и человека), *онтогения* с *эмбриологией* (наука о физическом развитии индивидуума) и *история культуры*. Наконец, к наукам хорологическим отнесены: *описательная астрономия* и *география*.

Науку вообще проф. Берг определяет как изучение действительного мира, а потому логику и математику он к наукам и не причисляет, считая их «весьма совершенными методами, лежащими в основе всех наук».

С последней мыслью проф. Берга я не могу согласиться: логика и математика—не методы, а *теории методов*, имеющие дело также с «действительностью»—в лице правильного, ясного, доказательного, эффективного и т. д. *мышления*; методы науки—*лишь результаты*, *теоремы логики и математики*, а не все эти науки в их целом. Кроме того, математика дает не только „метод", но и множество известных систематических, рядовых *построений* (числа разных родов, геометрические элементы и аксиомы и т. д.), которые имеют и самодовлеющее значение и могут вовсе не применяться в качестве „методов".

Что же касается до основного подразделения наук у проф. Берга (систематические, хронологические и хорологические), то вторая из его рубрик совпадает с моими «историческими», третья приблизительно с конкретными (и особенно со вторым подразделением конкретных наук—с науками о естественных аггрегатах). Но различные соотношения между точками зрения и исходными моментами наук, думается, у меня проведены детальнее, чем у проф. Берга.

Проф. Берг ссылается на мою книжку „Введение в философию. Ч. I.", выпущенную в 1909 г. и бывшую как бы предварительным конспектом настоящего моего курса. В настоящей работе я ввел очень много нового, в частности совершенно изменил отдел о науках математических.

Хотя я историк и методолог, а проф. Берг естественник, но я позволю себе заметить, что характеристика теории Дарвина у проф. Берга (стр. 122) кажется мне неверной. «Теория Дарвина, говорит он дает механическое об'яснение *происхождению* целесообразностей». Мне казалось, что она дает такое об'яснение не

происхождению, а *выживанию* и *сохранению* целесообразностей, а вопрос об их «происхождении» оставляет почти всецело в стороне.

44. Остановимся на этой схеме систематических наук и посмотрим на некоторые отношения между отдельными входящими в нее науками.

Прежде всего, „реальные" науки ясно распадаются на несколько крупных отделов: 1) науки физико-химические, или науки о *природе неорганической*, 2) науки биологические, или о природе *органической*, 3) науки о сознании и поведении, как явлениях природы,— о природе *сознательно-активной*, 4) науки об обществе. Науки о сознании и об обществе иногда соединяют в одну рубрику под названием „наук о природе надорганической".

Далее, каждая следующая в общем порядке наука, кончая биологией, предполагает подчинение своих об'ектов точкам зрения, законам и способам действия, характерным для наук, идущих впереди ее. Так, химические элементы и соединения подлежат законам физики: они могут нагреваться, обладают весом, электрическими свойствами и т. д. В живых существах жизнь протекает по законам физики и химии. Собственно живыми существами и заканчивается ряд реальных *существ*; дальше (в психологии и социологии) мы имеем, собственно говоря, уже *функции* и *отношения*, подлежащие законам физики, химии и биологии лишь через закономерности, проявляемые в жизни живых существ. Явления сознания сами по себе не подчинены законам физики и химии: нельзя „наэлектризовать" чувство надежды или определить химический состав того или другого понятия; но законам физики и химии (как и биологии, конечно) подлежит тот живой организм, с деятельностью которого тесно [illegible] функционирование сознания, которою это со[illegible], как функция, в значительной степени прям[illegible]деляется. Наконец, факты порядка социаль[illegible]лежат законам явлений сознания,—а чере[illegible](и

в меру этой зависимости) и законам физики, химии и биологии.

Такое же постепенное усложнение замечаем в ряде наук математических: законы пространственных отношений подчиняются общим закономерностям как числа, так и учения о „непрерывных" величинах (счисления безконечно малых); положения механики—общим нормам как математического анализа, так и геометрии.

Наконец, и реальные науки в их целом стоят в таком же отношении обусловленности к наукам математическим: первая же из реальных наук—физика—подчиняется положениям математики; а через физику смыкаются с системой математических наук и все остальные реальные науки.

Что математические науки составляют такой ряд постепенно усложняющихся ступеней (анализ, геометрия, механика), это вполне понятно, так как науки эти суть построения ума, и ум мог систематически провести в распределении этих дисциплин принцип такого постепенного усложнения. Но и „реальная" природа, оказывается, построена также на этом принципе, также представляет собою пирамиду, лежащую на широком основании и постепенно суживающуюся вверх. Все „реально" существующее опирается для научного анализа, в последнем счете, на факты порядка *физического* (на элементарные процессы, совершающиеся в сфере элементарнейших частиц материи); это—основной и самый широкий слой об'ективного бытия—физический. Возможно предположить, что часть подчиненного законам физики вещества вовсе не сформирована в химические элементы*); остальная масса оформлена в элементы и их комбинации и составляет некоторую более тесную сферу бытия. Из этой сферы еще более узкая часть

*) Мысль о том, что химические элементы представляют собою известные специфические комбинации более простейших частиц, предносившаяся в смутной форме уму многих более старых натур-философов (алхимиков и др.), высказана в XIX в. в научной форме английским физиком У. Круксом и в настоящее время получила признание в химии, ведущей речь о «переходе», превращении одних элементов в другие.

сформирована в тела живых существ—растений и животных, прочее остается в сфере собственно химии (и физики). Часть живых существ обладает функцией сознания—животные; растения, вероятно, сознанием не обладают*). Наконец, некоторые из животных соединяются в коллективы и тем дают начало фактам социальным.

Таким образом, высшие формы бытия имеют место в природе в меньшем количестве случаев—как в силу своей большей сложности, требующей участия в каждом единичном случае многих процессов более простых порядков, так и потому, что всё более значительные сферы бытия остаются вне высших форм его организации.

Высшие формы не только подлежат законам более элементарных циклов бытия (напр., химические соединения—законам физики), но и сами „законы" этих высших форм в известной мере сводятся к законам тех более элементарных сфер: законы биологии к законам химии, законы химии к законам физики. В таком „разложении" законов более сложных сфер действительности на законы более простых ее областей в значительной мере состоит прогресс научного знания: сведение химических явлений на механико-физические процессы, законов биологии на законы химии и физики, законов социологии на законы психологии и биологии является действительным *об'яснением*. Однако, такое сведение имеет определенные границы: всего без остатка в явлениях более сложных порядков законами более простых явлений об'яснить нельзя. Всегда остается нечто не поддающееся полному сведению,—по меньшей мере, тот самый факт, что из комбинации явлений более элементарных получается нечто новое, некоторое явление, обнаруживающее свойства, не

*) Правда, немецкий физик и философ Теодор Фехнер признавал и в растениях «душу». Однако, в конце концов такое признание опирается скорее на общее представление о картине мира, чем на определенные, конкретные факты. Принцип «непрерывности» может говорить за наличность сознания в растениях; но указать его несомненные проявления вряд-ли возможно.

имевшиеся в первоначальном, основном явлении. Пусть все законы химических соединений сведены на законы физико-механические; все же для области химической остается в силе то, что известные комбинации физических фактов дают начало явлениям, обладающим не просто физико-механическими свойствами, а обнаруживающих признаки „химические" (изменение внешнего вида, консистенции и др. физических свойств, а также химических действий веществ). Точно так же, если бы даже все жизненные явления нашли себе об'яснение в законах физики и химии, и тогда остался бы факт, что известные комбинации физических и химических явлений получают—в форме явлений жизненных—новые, „жизненные", органические признаки: питание, рост, размножение, выделение, сократимость, возбудимость и т. д.

Словом, природа в ее целом не составляет одной сплошной, непрерывной системы, в которой все явления происходили бы в одной плоскости и „механически" и потому допускали бы полное математическое исчисление с начала и до конца. Картина мира прерывается в нескольких местах появлением новых свойств, не выводимых просто механически из более элементарных, представляющих собою как бы «критические точки» развития. Эти новые свойства можно назвать „остаточными" явлениями, потому что они получаются, в качестве неразложимых остатков, при таком сведении законов явлений более сложных на законы более элементарные. Такое понимание природы делает невозможным *чисто* механическое представление ее и выведение всех ее явлений из *одного* типа законов: мир не укладывается в рамки *одной* механической формулы. Кроме элемента предусмотримого, выводимого по законам механики, в мире есть и другой элемент—качественного разнообразия, возникающего какими-то ближе нам неизвестными путями на почве предполагаемого основного количественно - механического начала. Этот элемент мы узнаем опытным путам,—он имеет фактический, не предусмотримый, не выводимый из

„механизма“ характер,—ибо число и характер этих „критических точек в развитии мира“ логически не об'яснимы, а известны нам лишь как факты. Эту мысль о ступенеобразном строе природы, о критических точках в ее развитии и о невозможности провести от начала до конца один механический принцип об'яснения развил французский мыслитель *Эмиль Бутру* в сочинении: Sur la contingence des lois de la nature („О случайности законов природы“).

Установление этой „ступенеобразности“ в строе природы и наличности в ней „остаточных“, не поддающихся механическому выведению, новых явлений и свойств соответствует гипотетической картине космологической эволюции: логическому ряду усложняющихся реальных наук (физика, химия, биология, психология, социология) соответствует об'ективно эволюционный ряд (первичная материя, химические элементы и их соединения, живые существа, существа сознательные, коллективы таких сознательных существ). Гипотеза мировой эволюции строится на логическом принципе перехода от более простого к более сложному.

На обсуждении этих вопросов нам придется еще остановиться в одной из дальнейших частей нашего курса.

45. Скажу несколько слов еще об одном подразделении некоторых из реальных наук. А именно, науки биологические, психологические и социальные могут изучать факты и явления либо *нормальные*, либо *ненормальные*, *патологические*. Разграничение „нормального“ и «патологического» есть чисто *оценочное* различение: оно не имеет для себя опоры в природе, как таковой, без отношения к нуждам и потребностям человека. Сами по себе болезни и другие «патологические» явления совершено так же „естественны“ (а потому и нормальны), как и явления, которые мы признаем «нормальными» в собственном, узком смысле. Мы обозначаем термином «нормальный» такое течение процессов и такие состояния, которые благоприятствуют сохранению и процветанию людей или таких существ, которыми люди в данном случае интересуются, а термином „патологический“—процессы и состояния характера противоположного. Так, мы различаем в составе ботаники *фитопатологию* (греч. phyton=растение, pathos=

страдание), учение о болезнях растений, в составе зоологии *зоопатологию*; от нормальной анатомии человека (и животных) мы отделяем *патологическую анатомию*, от физиологии—(общую и частную) *патологию*, от психологии—*психопатологию*. Подобным же образом можно назвать *социальной патологией* учение о тех формах, в каких проявляются ненормальные, болезненные комбинации общественных факторов и сил; сюда можно отнести, напр., *криминологию* и *криминальную антропологию*, социальное учение о преступности, а также изучение общественных кризисов различных типов.

«Патологии» имеют огромное практическое значение, так как всем соответствующим техникам, всем прикладным наукам, имеющим задачей придать *желательное*, нормальное течение процессам жизни личной или общественной, приходится опираться на изучение уклонений от нормы, болезней и т. п.

46. Рядом с науками систематическими, науками об общем стоят науки *исторические*, науки об индивидуальном. Задача наук систематических состоит в установлении „законов", или общих положений, имеющих „значимость" (или силу) в той или другой области действительности или умственных построений. В науках исторических излагается *течение единичных*, неповторяемых, индивидуальных *событий*, *генезис* (от греч. корня gen = происходить) и *развитие отдельных* вещей.

В виду этого некоторые мыслители называют науки исторические *индивидуализирующими*, а также *идиографическими*, *) т. е. „описывающими частное, единичное"—в противоположность (реальным же) науками, устанавливающим более или менее общие отношения.

Как я уже говорил, в даваемой мною классификации научного знания я указываю лишь типические *логические элементы*, которые необходимо различать в науках для сознательного отношения к их точкам зрения, к их содержанию и методам. Поэтому из сказанного вовсе не следует, чтобы существовала в виде особой исторической науки такая, напр., история общества, ко-

*) Греч. idios- -частный, собственный, специфический; отсюда человек, живущий только частными интересами, не отправляющий общественных функций, назывался в Греции idiotes; в настоящее время термин этот—в форме «идиота»—получил резко порицательное значение—человека бессмысленного, крайне ограниченного, дурака.

торая строго ограничивалась бы изложением хода «событий», не пользуясь постоянно установленными ранее «единообразиями» общественных явлений (социологическими законами разных порядков) и не приходя к установлению такого же рода новых единообразий в результате своих исследований.

Напротив, «история» (человеческих обществ и других об'ектов) всегда оперирует такими единообразиями. Они необходимы, прежде всего, потому, что подбор одних строго «единичных» фактов давал бы почти исключительно лишь картину хода *внешних* событий, не вскрывал бы тех лежащих в основе этого хода событий более глубоких причин и оснований, к которым подводят исследователя не сами единичные факты, как таковые, а известные *общие схемы координации и об'яснения* таковых фактов. История есть изучение «фактов» в широком смысле, т. е. включая, напр., и *причины* единичных фактов, которые, как таковые, всегда имеют характер общий—согласно определению причины, как общего—*неизменного и безусловного*—«предшествующего» своего следствия.

С этим связано и другое. Потеря лошади *одним* крестьянином есть факт в «истории» жизни этого крестьянина и его хозяйства и небольшой ингредиент (составная часть) истории хозяйства данного села, данной хозяйственной области, данной страны.... Но и потеря почти всех лошадей *массой* крестьян данного района есть также *исторический* факт, который можно обозначить также *единичным* термином: напр., «*обезлошадение* крестьян такой то области». Между тем, этот (относительно единичный) факт является условным, резюмирующим обозначением для *множества* сходных случаев, для некоторого *общего* факта, являющегося сокращенным выражением тех, *строго* единичных фактов. Таким образом, *общее* в известной форме часто входит во внутреннее строение самого «исторического», все же остающегося, однако, в другой плоскости *единичным*, или *индивидуальным* в своем *цельном* составе. Далее, история пользуется общими положениями и для *установления* течения единичных событий и возникновения и развития индивидуальных вещей. Так, история человеческих обществ сплошь и рядом исторические факты внутренних изменений в строе общества и т. д. констатирует и построяет при помощи *установленных ранее обобщений* социологического, психологического и биологического характера. Дело в том что ни для одной исторической эпохи, ни для одного исторического об'екта нет и не может существовать такого «источника», который давал бы все факты в таком подборе, группировке, в таком обобщении и освещении, какие нужны историку: «история» не может создаться без активной, группирующей, связывающей и об'ясняющей работы этого последнего. И вот, эти-то связывания и об'яснения единично-исторического историк и делает, исходя из известных «общих» схем построения и об'яснения, им принятых,

составляющих его „историческое“ (точнее сказать, социологическое) мировоззрение. *)

Так, напр., если историк в каком-либо заслуживающем доверия документе эпохи находит указание на дороговизну в это время предметов первой необходимости, то он с уверенностью ожидает и ищет в своих источниках проявлений народного недовольства, опираясь на очевидное социологическое обобщение, в роде следующего: дороговизна предметов первой необходимости всегда вызывает недовольство городских масс населения. И если он найдет указания, которые сами по себе были бы далеко недостаточными для констатирования факта такого недовольства, то приведенное выше обобщение значительно увеличит в его глазах силу этих намеков. И даже если не будет и намеков в источниках на такое недовольство, то и тогда оно останется для него в высшей степени вероятным. Легко может оказаться, что факт народного недовольства, прямо не констатированный ни одним показанием источников, может быть выведен, в качестве истолкования какого либо факта из совершенно другой области, на основании какого нибудь другого социологического или психологического или биологического единообразия (напр., из факта массовой эмиграции из страны, из констатирования уменшения роста солдат и т. д.). Тогда будут взаимно подкреплять друг друга два вывода из двух групп разнородных фактов, дедуцированные на основании известных общих положений.

Но историк не только использует в полной мере разного рода социологические и психологические единообразия в процессе первой стадии своей работы—в процессе установления фактов прошлого: после такого установления он может формулировать, на основании установленных им фактов, новые единообразия, которые в дальнейшем процессе научной работы опять, может быть, послужат средством к установлению исторических фактов. Таким образом, работа историка состоит в постоянном сочетании констатирования фактов с угадыванием их на основании ранее установленных единообразий, и с выработкой новых единообразий... Получается целая в высшей степени сложная мозаика—ткань, в которой нельзя отделить частного от общего, не разрушив целого.**) Историк общества, по нашей классификации, всегда будет

---

*) Очень хорошие замечания по логике исторических наук вы можете найти в статье проф. *Д. М Петрушевского* „К вопросу о логическом строе исторической науки“, помещенной в научном органе Петроградского Политехнического Института за 1915 год Мне приходилось касаться этих вопросов в статье «Д. Ст. Милль и его Система логики», предпосланной 2-му изданию выпущенного под моей редакцией перевода этого сочинения Милля (М. 1913 г.), а также в статье «Логика истории, как онтология единичного», посвященной разбору книги Г. Г. Шпета «История, как предмет логики» (в Трудах Белорусского Госуд.унив., № 1 и 2—3, Минск, 1922 г.)

**) Тот факт, что историк в результате своей работы приходит к известным общим положениям, очень хорошо отмечен проф. Спб. Унив. А. И. Введенским в его «Логике». Проф. Введенский отмечает там большую

в то же время и социологом, и его функции, как социолога, будут не чем-то внешним по отношению к его исследованиям собственно исторического характера, тот и другой элемент должны сливаться в некоторое органическое целое.

47. Исторической точке зрения, историческому изучению подлежит решительно все конкретно *существующее*. Поэтому историческое знание имеет столько же об'ектов и отделов, сколько их имеет знание систематическое. Если я изучаю отдельную, положим, березу, я могу установить *ход ее развития*; я могу фиксировать и последовательный *ход моих наблюдений и изучений*; сопоставляя мои исследования с другими, прежними, следя за эволюцией ботанической науки, я могу установить *ход развития науки ботаники*; ставя в связь современный тип березы с другими—как существующими, так и исчезнувшими—типами деревьев и вообще растений, я могу составить себе понятие *о ходе развития самой природы в данной области*, и т. д. Несомненно, что эволюционируют и сами единообразия, или законы. Крайне важно понять и всегда иметь в виду различие между законами, с одной стороны, первичными, или основными, и с другой — вторичными, или производными. Последние сплошь и рядом возникают на основе первых, являясь их частными, усложненными и комбинированными применениями при известных конкретных обстоятельствах. Таким, напр., образом на наших глазах слагаются новые единообразия, новые законы звуко—и словочетаний в том или ином языке, психологические особенности того или другого народа, и т. д.

Эти производные единообразия попадаются нам в наших непосредственных наблюдениях,—они имеют «эмпирический» характер. Поэтому их часто так и называют „эмпирическими законами". Д. С. Милль в своей „Системе логики" (кн. III, гл. XII—XVI,

---

трудность формулировки этих единообразий, в силу которой сплошь и рядом они не формулируются, так сказать, полными словами: историк часто дает их только почувствовать, намекает на них общим ходом своего исследования и изложения.

стр. 424—477 во 2 изд. второго руского перевода, М. 1914) дает весьма ценное исследование эмпирических законов.

Строго говоря, только такие случаи, где слагаются некоторые новые, производные единообразия и составляют «историю», как науку, в собственном смысле слова. Где есть только одно *повторание* тех или иных явлений, *без изменения самого субстрата*, участвующего в процессе, там еще нет истории. Океан всегда вздымает волны, всегда шлет их прибоем к берегу,—и тем не менее, это постоянное волнение вод океана не составляет «истории». Напротив, изменение этими волнами конфигурации берегов, образование новых форм береговой линии, создание условий для вступления в действие новых единообразий в этой сфере (геологических, географических, социальных и т. д.) представляют собою факты в собственном смысле *исторические*.

48. Итак, *исторически*, как *конкретно* существующее, может изучаться решительно *всё*: и важное, и неважное, и интересное с какой бы то ни было точки зрения, и неинтересное. Мы можем, отвлеченно говоря, изучать историю каждой песчинки, каждой травки, каждой лужицы в нашем саду; но фактически мы обычно этого не делаем.

Мы изучаем исторически, т. е. как действительно и *конкретно* существующее, лишь то, что имеет для нас то или иное *значение*, тот или иной *интерес*.

Таким образом, в основе самого выбора материала и об'ектов исторического изучения лежат некоторые процессы *отбора*, основывающегося, конечно, на *оценке*, на том, что Г. Риккерт называет «теоретическими отнесением к ценности».

Надо иметь в виду, однако, что в известной связи, при определенных *заданиях* нам может быть интересно решительно *всё*. Если мы заботливо ухаживаем за грядкой цветов, нас может интересовать каждый малейший физический, химический или биологический факт, связанный с этой грядкой. Или мы можем сделать, положим, с учащимися экскурсию в сад специально для изучения той или другой лужи, оставшейся от дождя. И тогда мы будем следить за всеми связанными с этой лужей фактами: за ее постепенным усыханием от испарения и впитывания воды в землю, за выползанием из земли дождевых червей, за появлением и движениями на ее поверхности водяных жуков и паучков, за влия-

нием воды на растительность на дне лужи и т. д. Однако, *обычно* изучается исторически лишь, относительно говоря, очень немногое из того, что происходит в мире: изучение всего и невозможно,— на него не хватило бы ни сил, ни времени, и безполезно. Изучается *всегда* (а не только в отдельных, специальных случаях— в роде той экскурсии к луже, о которой я только что говорил) то, что имеет для людей определенное значение, вызывает в них определенный *интерес*.

Интерес этот может быть симпатическим, *этико-эстетическим* (драматическим или трагическим),— поскольку мы факты истории переживаем как „драму", как борьбу людей между собою и с природой, „судьбой и т. д. Частными случаями такого интереса могут быть наши симпатические переживания национального и патриотического, классового, бытового, собственно личного, индивидуального, религиозного характера. В других случаях интерес этет может быть *умственным*; таков, напр, в значительной степени интерес к прошлому в природе, к минувшим фазисам мирового бытия. С ним может сплетаться либо быть от него отдельным интерес *практический*.

Вообще говоря, история интересна для нас потому же и постольку же, почему и насколько нам интересна *жизнь*; и не даром история издавна называется „учительницей жизни".

Все перечисленные виды интереса соединяются и доходят до высшей остроты, когда их об'ектами являются люди, их переживания и действия, их отношения, борьба и судьба, их торжества или поражения и гибель, их культурные достижения и их ошибки и преступления. Поэтому прерогативная сфера исторического изучения—это *история* человека и человечества: человеческих переживаний и их выражений—и человеческого общественного бытия. В применении к общественности слово „история" часто употребляется без всякого дальнейшего определения.

48. История общества и всех продуктов культурно - общественного процесса требует, для своей разработки, целого ряда дисциплин, имеющих частию *номотетический*, частию *описательно-прикладной* характер.

Как я сказал, историку часто приходится устанавливать конкретные, *единичные* факты на основании *общих* положений и соображений. Еще большее значение имеют общие положения при тех многообразных процессах, какими строго и собственно «единичные» события суммируются в относительно единичные «исторические» факты, а также причинно об'ясняются, связываются, построяются в ряды (процессы), в эволюционные схемы и т. д. Поэтому для составления «истории» необходимы все те *теоретические* науки, в которых данного рода явления изучаются в их общих законах, формах и отношениях. Сюда относятся, например, как общая социология, психология и биология, так и более частные науки, каковы теоретическая экономия, учение о праве и государстве, лингвистика, теории литературы, искусства, религии и т. д.

На ряду с этим общественная история требует услуг целого ряда *вспомогательных* дисциплин частию описательного, частию прикладного свойства, помогающих историку собирать, критиковать, очищать и проверять разного рода данные вещественных и словесных источников—монументов и документов. К этим дисциплинам относятся:

1) историческая *критика текстов*, обычно разделяемая на критику *низшую* (установление подлинного текста) и *высшую* (истолкование его)*); критика в широкой мере использует данные *лингвистики*;

2) *палеография* (греч. palaios=древний, grapho=пишу), изучающая все разнообразные внешние данные, связанные с письменностью (алфавиты, материал, на котором писали, датирование текстов и т. д.);

3) *эпиграфика*—изучение разного рода надписей как с их внешней стороны, так и по содержанию;

4) *дипломатика*—изучение форм разнообразных документов;

5) *метрика*—учение о формах и законах ритмической, стихотворной речи;

6) *метрология*—сведения о разного рода употреблявшихся человечеством мерах и способах измерения;

7) *нумизматика*—изучение монет и того, что на них бывает оттиснуто;

8) *сфрагистика*—изучение форм и содержание печатей, дающих часто весьма ценные для истории сведения;

9) *геральдика*, изучающая гербы и тому подобные символы;

10) *генеалогия*, устанавливающая последовательность поколений в родах, почему-либо интересующих историка и оставивших достаточные данные для фиксирования смены своих генераций;

11) *мифология*—собрание и истолкование сведений о продуктах поэтически-религиозного творчества;

---

*) См. об историческ. критике, как и о других вспомогательных для истории науках, в книжке *Сеньобоса* «Исторический метод в социальных науках», а также книжку *А. М. Большакова* «Вспомогательные исторические дисциплины», 3-ье изд., Петроград 1923.

12) *историческая география*—с *топографией* (или *хорографией*);

13) *хронология* и *хронография*—учение о способах установления временных дат у разных народов в разные эпохи (эры, календари и т. д.) и о всех приемах, к каким приходится прибегать историку при расположении изучаемых им событий во временной схеме;

14) *археология*—наука о сохранившихся целиком или в остатках памятниках прошлого (здания, могилы и способы погребения, украшения, продукты обихода, орнамент и т. д.); археология стоит близко к истории искусства;

14) *этнография*—учение о человеческих расах, племенах и народностях и о всех сторонах их быта и жизни, поскольку материал этот не захватывается специальными историческими науками (напр., историей искусства, литературы, религии и т. д.);

16) *практическая статистика*—учение о формах, приемах и т. д. переписей, кадастров, о способах обработки получаемых таким образом данных и о важнейших выводах, достигнутых этими приемами в интересующих историка областях: напр., в *демографии* (изучении народонаселения), *в учении о формах хозяйства и хозяйственного быта* и т. д.

Исчерпывающего перечня вспомогательных для истории наук дать нельзя, так как в зависимости от разных обстоятельств всякая отдельная группа полезных историку сведений может быть выделена в особую дисциплину.

Дальнейшие сведения об исторических науках я сообщу в отделе, который будет посвящен специально этим наукам. Здесь же, в общей схеме классификации наук, достаточно сказанного сейчас.

49. От всех перечисленных до сих пор (теоретических) наук надо отличать науки *практические*, или *прикладные*, называемые также *нормативными, теориями искусств*, *техниками* (или иногда *технологиями*).

Их перечня, а также общего отношения их к наукам теоретическим и особенностей «теоретической» и «практической» позиций суб'екта я уже касался частию в параграфах, посвященных культурной системе «техники», частию в тех, где я говорил об общем разграничении теоретических и практических наук. Здесь я добавлю лишь несколько замечаний.

Основное содержание всех практических наук составляют *системы правил действия*, составляемые на основании, во-первых, достоверных положений

теоретического *знания*, во-вторых, ясно поставленных *целей* и указывающие *средства* для достижения этих целей.

Отсюда следует, что как для составления этих правил, так и для применения их на практике необходимы известные мыслительные операции и предпосылки.

Во-первых, необходимо возможно полное и точное *знание* того об'екта, с которым имеют дело на практике. Необходимо знание как общее (номотетическое), т. е. знание *общих законов* данного рода об'ектов, так и понимание специально *данного* индивидуального *случая*; необходимо умение *конкретизировать* общие познания, совершенно особая методика установления специфических комбинаций общих законов, имеющихся именно в данном об'екте.

Во-вторых, необходимо ясное сознание той основной *цели*, какая имеется в виду при данной деятельности. Это понятие *конечной* цели в технических областях бывает более или менее самоочевидным (напр., снабжение людей пищей, одеждой, жилищем и т. д.); но в других областях требует огромного напряжения высших форм творчества («цель жизни человека», «цель общественного развития» и т. п.).

Наконец, подыскивается ряд целей промежуточных, являющихся *средствами* для достижения той, конечной цели. Отыскание этих средств требует угадки, находчивости, тонкого чувства аналогий (для перенесения по сходству на новые области того, что так или иначе оказалось уже пригодным в прежних случаях). Нужно иметь в уме возможно больший *общий запас* технических средств и приемов; надо понимать, в каких именно случаях пригодно каждое из этих средств; и нужно, когда представится необходимость, *понять*, *какого* именно *рода случай* имеем мы перед собой, а след. и какие средства надо здесь применить.

В силу зависимости „правил“ наук практических от „законов“ наук теоретических обычно собственно практический элемент прикладных наук излагается в тесной связи и зависимости от обосновывающих правила данных теоретических. Без понимания лежащих в основе самих правил, а также в основе оценок каждаго данного случая „законов» действительности слепое применение правил может принести вред: иногда лучше ничего не предпринимать, чем применять, без понимания дела, совсем не подходящие средства. А так как в некоторых областях го-

раздо легче самому подыскать подходящие средства, чем теоретически изучить действительность, то культурная практика давно установила, что для *особенно сложных* и *ответственных* сфер деятельности большее значение имеет теоретическое знание, чем голое усвоение „правил"—без их глубокого научного, теоретического обоснования.

Это убеждение давно легло в основу германской системы подготовки к практике *через усвоение теоретической науки.* В противоположность этому французская после-революционная система была склонна придавать самостоятельное значение прикладному знанию, как непосредственно приложимому и потому особенно полезному. И лишь немногие из французских ученых понимали все глубокое значение немецкой системы; среди них на первом плане великий Луи Пастёр с его афоризмом: нет прикладных наук; есть лишь приложения *) науки (т. е. теоретической).

В прежнее время у нас в общем преобладала немецкая точка зрения; теперь же, под влиянием широкой демократизации технического образования, нам может грозить противоположная крайность. По крайней мере, в официальном издании Главпрофобра Р. С. Ф. С. Р. «Профессионально-техническое образование в России за 1917—1921 г.» (М. 1922, стр. 18) мы читаем: «Основной недостаток старой высшей школы заключался в «строго научном» образовании, которое она давала при полном игнорировании того обстоятельства, что 90% студентов выходили из школы не для научной, а для той или другой практической деятельности". Основное недоразумение состоит здесь в мнении, будто «строго научное» образование нужно только для научной деятельности, а не для практической также. Во всяком случае, ранее таких утверждений нужно было доказать неправильность афоризма Пастера и нецелесообразность той системы «строго научного» образования, при господстве которой Германия достигла такого необычайного прогресса во всех областях техники. Ведь «высшие учебные заведения» готовили руководителей, пролагателей путей, организаторов, исследователей, а не простых исполнителей готовых чужих рецептов; а потому упрек в «строгой научности» их образования представляется и неожиданным, и зловещим: узкий практицизм может убить ту *глубину понимания* и *широту кругозора*, которые даются настоящим «строго научным» образованием и которые составляют одно из условий для проложения

*) В этом смысле надо понимать и те «прикладные» науки, о которых говорю я в классификации наук. Термин «прикладные *науки*» я употребляю в параллель к «наукам» теоретическим—для того, чтобы можно было представить в одной схеме все знание—как теоретическое, так и практико—техническое.

новых путей, для смелой инициативы и широкой постановки каждого практического дела и предприятия.

50. Наш общий обзор научного знания окончен, и я должен перейти к более детальному рассмотрению отдельных наук по их естественным группам, начиная с наук математических. Это рассмотрение будет производиться преимущественно с методологической точки зрения и сопровождаться некоторыми сведениями из истории наук. Ему будут посвящены ближайшие следующие главы.

Теперь же я сообщу несколько общих замечаний о проблеме классификации наук.

Классификация наук—вопрос, пожалуй, на первый взгляд мало интересный. Тут приходится иметь дело с формальными различениями, с разграничением целого ряда разнообразных наук, которые далеко не для всякого представляются в живых, конкретных чертах и т. д. И тем не менее, проблема эта имеет серьезное образовательное значение. Под сухой формой разграничений отдельных наук и их типов скрыто большое количество методологических принципов, и правильные взгляды на общую систему и взаимные отношения наук могут оказаться очень полезными при самостоятельном продумывании научных проблем. Случаи такого рода могут быть высшей степени разнообразными, и предусмотреть их нет возможности. Вообще говоря, всегда полезно по поводу каждого вопроса отдавать себе ясный отчет в том, имеет ли он характер теоретический или же прикладной, практический, и в последнем случае, от каких теретических дисциплин зависит его решение; относится ли он к одной из систематических дисциплин или же имет характер индивидуальный, „исторический“; в каком отношении в данных для его решения стоят элементы «математический» и реальный, и т. д. Раз эти методологические принципы поняты и усвоены (о деталях методологий отдельных наук речь будет ниже), вы уже владеете в известной степени ключем к самостоятельному освещению некоторых могущих здесь возникнуть вопросов.

В различных случаях, в зависимости от разных подходов к материалу и разных потребностей, можно научные дисциплины

группировать различно. Напр., можно *палеонтологию*, учение об историческом развитии растений и животных в минувшие геологические эпохи, относить *либо*—по принадлежности—к ботанике и зоологии (по *свойствам* изучаемых об'ектов), *либо* к геологии (по связи с историей развития Земли, как *носительницы* растительного и животного мира), *либо* к наукам историческим (по *методу*). И то и другое и третье может оказаться в различных случаях целесообразным.

Или *фито-* и *зоогеография* может быть отнесена либо к ботанике, либо к географии, и т. д., смотря по удобству в каждом отдельном случае.

Кроме того, и фактически для обозначения циклов познаний, об'единяемых тожеством их об'ектов, употребляется ряд терминов, игнорирующих указанные выше методологические различения. Термины эти обозначают *всё* вообще относящееся к известной области действительности или человеческой деятельности—без различия теоретического, практического и т. д. элементов.

Так, напр., под *педагогикой* в широком смысле разумеют и 1) *практическую* дисциплину о воспитании (а также образовании, обучении и т. д.) в двух ее отделах: в учении о *целях* и о *средствах* и *приемах* педагогической деятельности; 2) и совокупность положений *теоретических* наук, касающихся тех об'ектов, с которыми приходится иметь дело в этой сфере деятельности: жизненных и сознательных проявлений детей (анатомия и физиология детского возраста, психология детей; иногда все это об'единяется под общим понятием «педологии», науки о детях,—от греч. pais=дитя; далее учение о социальных факторах воспитания и т. д.); все эти теоретические дисциплины обосновывают положения практической педагогики; сами они, в свою очередь, имеют либо отвлеченный, либо конкретный (в об'ясненном выше смысле) характер; 3) и целый ряд дисциплин *исторических*: а) историю педагогических воззрений, теорий; б) историю самой воспитательной практики: школ всех типов, их организации, обстановки, отношений к ним общества и т. д., учебников и пособий, методов преподавания и т. д.; сюда же можно отнести и описание современной школы во всех отношениях, как последнего по времени момента их истории.

Учение о целях воспитания имеет этико-социальный характер; учение о средствах и приемах распадается на ряд дисциплин *гигиенических* (греч. hygieia=здоровье),—напр., индивидуальная гигиена, школьная гигиена, профилактика (греч. корень phylak=оберегаю; учение о предохранении от болезней и расстройств), эвгеника (греч. eu=хорошо, genos=род; учение о произведении хорошего потомства) и т. п., *этико-педагогических* (теория социального воспитания), *умственно-образовательных**)

*) Термин „образование“ возник в Германии около половины XVIII века—в связи с неогуманистической идеей свободного, изнутри, из любви к зна-

(общая и частная дидактика и теория образования), наконец *методических* (методики отдельных образовательных средств), имеющих частию практико-психологическое, частию теоретико-логическое основание (последнее поскольку научно-образовательный материал имеет *свой собственный*, логико-систематический строй).

Подобным же образом, когда говорят о *праве*, напр., имеют в виду либо 1) социальные и психологические *основы* правового сознания, 2) либо право, как систему *средств* общественного воздействия, 3) либо *историю* правового сознания и правовых норм, и т. д. И каждая из этих дисциплин имеет свой, присущий ей логический строй, свою особую методологию; каждая берет тот же самый (принципиально говоря) материал с иной точки зрения в ином освещении.

И каждая сфера человеческой деятельности, каждая группа объектов, изучаемых теоретическими науками (как материальных, так и умственных), дает содержание для особой практической, или прикладной дисциплины (или дисциплин).

Дальнейшие методологические соображения (о процессах постановки *целей* о технике *подбора средств* и т. д.) я сообщу в дальнейших отделах курса.

Литературные указания. О платоновской и аристотелевской классификациях наук E. Zeller. Die Philosopdie der Griechen; *В. Вундт.* Введение в философию. Спб. 1902. О средневековых «7 свободных искусствах» Fr. Paulsen. Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen *Н. В. Сперанский.* Очерки по истории народной школы в Зап. Европе. М. 1896. Fr. Bacon. Works (разные издания). Д'Аламбер—в издании «Родоначальники позитивизма». 1910, вып. I. *О. Конт.* Курс положительной философии, т. I, лекция 2. J. Bentham. Essai sur la nomenclature et la classification des sciences. 1829. Ampère. Essai sur la philosophie des sciences. I—II. Cournot. Essai sur les fondements de nos connaissances, ch. XXII. *И. Жоффруа Сент-Илер.* Общая биология. I том. М. 1860. *Г. Спенсер.* Классификация наук. М. 1897. *Д. С. Милль*, статья в сборнике: О. Конт и позитивная философия. Спб. 1867.—Проф. *Г. Г. Шпет* при-

---

нию, к искусству, из вдохновенного «сроса» идущего преобразования сырого материала человеческой индивидуальности в одухотворенную, творческую личность—и представляет собой перевод немецкого Bildung (вероятно, тот же корень, что и Beil=топор). Русский корень „раз» означает *удар* («разить», „поразить", „разразить", отсюда «дать раза»=ударить), так как первоначальный способ записи счета состоял в „зарубках" ножом или топором («бирки»), то слово «раз» стал обозначать «один» (=один удар, одна зарубка; этот способ остался и до сих пор у плотников: пригнав друг к другу на свободном месте бревна сруба, они—для переноски его на фундамент—разбирают сруб, и чтобы не перепутать уже пригнанные вырубки, перемечивают номера венцов по порядку, и начиная с низу, соответствующим количеством зарубок—ударов топором, «разов»). Поэтому первое значение термина «образование»—обтеска (ударами топора).

водит в своей интересной книге «Очерк развития русской философии», ч. I, Петербург, 1922, одну из первых русских попыток классификации наук—профессора Московского унив. шеллингианца *М. Г Павлова*, делившего науки на физические, психические, богословские, словесные, политические и умозрительные, или философские (в которые он включал, с одной стороны, математику, а с другой «идеологию»), стр. 286 и след —*Н. Я. Грот*. К вопросу о классификации наук (в сборнике статей: Философия и ее общие задачи; ранее в журнале Рус. Бог. за 1884 г. и отдельной брошюрой). *П. Струве*. Введение в философию. Варшава. 1890. *А. Лаланд*. Этюды по философии наук. *М. М. Троицкий*. Учебник логики. кн. Ш, вып I *И. Бачоский*. Метод классификации и единство наук. Киев. 1891. Th. Masaryk. Versuch einer concreten Logik. Wien 1887. *Е. Чижов*. Классификация наук. (Сев. Вестн., 1896, № 12), E. Gob'ot. Essai sur la classification des sciences. 1898. A. Naville Nouvelle classification des sciences. 2 изд. 1901 (а также статья De la classification des sciences—в Critique philosophique. 1888). *В. Вундт*—в разных сочинениях (Введение в философию, Система философии, Log k, 3 изд., т. II). *К. Пирсон*, Грамматика науки. *В. Хвостов*. Теория исторического процесса, М. несколько изданий (а также статья «Классификация наук и место социологии в системе научного знания», Вопросы фил. и псих., кн. 39 и в книге «Социология», т. I). R. Flint. Philosophy as scientia scientiarum and a history of classifications of the sciences. 1904. Проф *Л. С. Берг*. Наука, ее смысл, содержание и классификация. Петроград. 1922. *Н. А. Рубакин*. Среди книг, т I, М. 1911. *Г. Риккерт*. Науки о природе и науки о культуре. Спб. 1910 и мн. др.

Общая схема классификации наук, сведенная для удобства обозрения в таблицу, прилагается на отдельном листке; здесь же я дам еще перечень отделов лингвистики и схему философских дисциплин.

Отделы лингвистики (языкознания) — по Бодуэну де Куртене.

Фонетика (фонология) — изучение звуковой стороны языка как в ее преходящих проявлениях, так и в ее постоянной психической и физиологической основе	Семасиология (семантика) — изучение значений слов, т. е. ассоциаций внеязыковых представлений с представлениями строго языковыми.	Морфология языка — изучение его строения.		Лексикология — наука о запасе слов, имеющихся в языке.	Этимология — наука о происхождении слов и их частей, о их родстве и о их изменениях.
		Морфология в тесном смысле (наука о построении отдельных слов).	Синтаксис (наука о построении предложений и их сочетаний, а также о связи слов в предложении и о их взаимной зависимости).		

Классификация наук и дисциплин *философских.*

Теоретические

Систематические.

Логика и гносеология.

Теория познавания
Критика и теория знания

Методология (философия) наук: математических, естественных, исторических, прикладных и более мелких отделов (наук общественных, наук о языке и т. д.) кончая отдельными науками.

Методология (философия) других «культурных систем» и областей жизни и деятельности человека (искусства, религии, морали, техники и т.д.)

Онтология (теория бытия) — общая и частная, т. е. отдельных областей действительности: напр., природы неорганической, органической, сознательной и социальной, общественно-исторического процесса и т. д.

Аксиология (теория ценностей и оценок) — 1) общая, 2) частная: теория оценок практических, умственных, эстетических, этико-общественных, религиозных.

Теория соответствующих сфер человеческой деятельности, поскольку они определяются такими оценками.

Исторические.

История философии — в связи с историей науки и других культурных систем.

История отдельных философских дисциплин: логики, гносеологии, этики и т. д.

Прикладные

(*нормативные*)

Прикладная, или практическая логика.
Нормативная эстетика.
Практическая этика.
Философская педагогика и др. практические дисциплины, поскольку они используют философские точки зрения и материал философских наук.

ОБЩАЯ СХЕМА КЛАССИФИКАЦИИ НАУК.

Науки теоретические.

Систематические.

Математические.

А н а л и з.

Учение о величинах.

Прерывных (учение о числе,— арифмология).
- Теория чисел.
- Теория действий над числами (теоретич. арифметика).
  - Общая
  - Частная.

Непрерывных (исчисление бесконечно малых).
- Дифференциальное,
- Интегральное,
- Вариационное исчисление.

Учение об отношениях между величинами (о математических функциях)

Алгебра (теория уравнений).

Учения о различных видах математических функций.

Исчисление конечных разностей. Исчисления дифференциальное и интегральное и вариационное, поскольку бесконечно малые рассматриваются как способ установления функциональных отношений между непрерывными величинами

Комбинаторика

Исчисление вероятностей. Теория соединений.

Г е о м е т р и я.

Общая.

Частная

Эвклидова, Лобочевского - Римана, Болиаи и др.

„Синтетическая“ геометрия
- Топология.
- Проективная геометрия.
- Начертательная геометрия.

Метрическая геометрия (с тригонометрией).
- Прямолинейная.
  - Планиметрия.
  - Стереометрия.
- Сферическая и др

М е х а н и к а.

Общая.

Частная

Точки, системы
- Кинематика, кинетика (динамика), статика.
  - Галилея.
  - Ньютона.
  - Эйлера.
  - Даламбера.

Реально-матем.

„Реальная“ арифметика (учение о вещественном числе).

„Реальная“ геометрия (уч. о действительном, **физическом** пространстве)

„Реальная“ механика (учение о действительном, **физическом** движении).

Реальные („естественные“ в широком смысле).

Отвлеченные (абстрактные).

Физическая химия.

Биологическая (физиологическая) химия

Физика
Химия:
общая, неорганическая, органическая.

Биология:
общая,
ботаника,
зоология.

Науки о природе неорганической

Науки о природе органической

Биологическая (физиологическая) психология. Психофизика. Психометрия Рефлексология

Социальная психология.

Коллективная психология.

Психология:
1) учение о сознательных состояниях,
2) учение о их „выражениях“ в мимике, слове, письменности и литературе, искусстве, науке, религии, поведении человека и т. д.: психологические и психофизиологические теории жестов, языка (лингвистика), литературы, искусства и т. д.

Социология (с „этнологией“):
1) общая,
2) частные отделы ее: теория политич. экономии, теория права и государства, общие теории других сторон общественности.

Науки о природе сознательно-общественной („надорганической“).

Предметные (конкретные).

Простые

Конкретная физика (напр., кристаллография, кристаллофизика, астрофизика, геофизика. метеорология и т. п.)

Конкретная химия (напр., химия земной коры, химия солнца, астрохимия, минералогия, петрография и т. д.).

Конкретные биологические (ботанические и зоологические) дисциплины

Конкретно-психологические дисциплины: напр., характерология (учение об индивидуальных складах личностей), психология полов, возрастов, народов, обществ. классов, исторических эпох и т. п.; учения о конкретных формах выражения (стилях) в языке, искусстве, религии и т. д.

Различные конкретно-социологические дисциплины: учения о конкретных типах социальных образований в условиях места, времени и обстоятельств (напр., об античном государстве-городе, о феодальных обществах, о капиталистической и социалистической обществен. организациях и т. д.)

Смешанные („науки о естественных целых, или агломератах“)

Науки о мире как целом (астрономия, космология, космография).

Наука о земле, как целом (геология).

Наука о взаимозависимостях всех естественныхявлений, происходящих на поверхности земли (география).

Наука о взаимозависимостях естественных и культурных проявлений человека (этнография с антропологией, филология и т. п.).

Историческ.

Столько отделов, сколько есть вообще об'ектов какого бы то ни было рода —вещественных или умственных история Вселенной, как целого и каждого отдельного небесного тела, история земли, ист. растений и животных, каждой отдельной вещи, каждого события, каждого живого существа, история человеческих обществ*) и всех общественных проявлений (хозяйства, права, политики, наук, искусств, литературы, философии); история техники, быта, одежды, утвари, обстановки и т. д.; история каждой отдельной мысли, каждого понятия, слова и т. д.

*) „История“, а также „генетическая социология“.

Науки практические.

(Прикладные, нормативные, теории искусств).

Каждая теоретическая наука может иметь, в зависимости от потребностей жизни, целый ряд „приложений“.

Прикладная, практическая арифметика (школьная).

Прикладная геометрия и тригонометрия (геодезия и т. п.).

Прикладная механика.

Различные приложения физики и химии,—физические и физико-химические технологии и техники: строительная, керамическая (гончарная), горная, металлургическая, машиностроительная, отопительная, собственно химическая (краски, лаки, лекарства) и т. д.

Технологии и техники, имеющие дело с органическими существами, веществами и продуктами: а) физико-механические (древообделочная, чесальная, прядильная, ткацкая и т. п.); б) химические (спиртовая, винная, пивная, дрожжевая, кожевенная и др.); в) „биологические“ в собственном смысле: земледельческие, животноводственные; ветеринарная; медицинская; санитарно-гигиекическая; эвгеническая; физико-педагогическая и т. д.

Техники психологические и социальные: напр., техники разных видов производственного труда; так наз. „психотехники“; техники воспитания, образования, обучения; техники наук и мышления, искусств, поведения и проч.; техники „общественные“ в собственном смысле („политики“): хозяйственная и экономическая, частно- и общественно-правовая, криминально-пенитенциарная, административная, собственно „политическая“, военная, международная, религиозная, „идейная“ и т. д.

Содержание.

Стр.

Предисловие III

Введение IX

I. *Социологическая и логико-методологическая точки зрения на «науку».*

1. Знание, как обусловленное, с одной стороны, социальной действительностью, с другой — систематическим моментом.—2. Зависимость знания от природных и социальных условий.—3. Зависимость знания от условий собственно познавательных.—4 Значение научной традиции.—5. Необходимая осторожность в применении правильных принципов.—6. Задача творцов научных теорий.—7. Значение научного творчества.—8. Существует ли истина? и какая?—9. Процесс накопления капитала научных истин.—10. Пролетарская наука.—11. Отдельные моменты понятия «наука».—12—13. То же.—14. Социализация науки.—15. Об этическом влиянии науки.—16. Наука и трудящиеся.

II. *Основные точки зрения, развиваемые в настоящем сочинении, и их отношение к другим философским направлениям.*

1. Философия должна быть «научной»; значения понятия «научности» философии.—2. Методологичность и историко-эволюционный момент.—3. Отношение к «русской национальной» философии.—4. К философии религиозной.—5. К спиритуализму, к ф—ии бытийственной, к кантианству.—6. К ф—ии материалистической.

III. *О задачах момента в области научно-философского образования.*

1. Слабость философской мысли в России.—2. Она об'ясняется историей.—3—4. Задачи момента.

Глава I. *Культурные системы* 1

1. Труд, как источник культуры, и его разновидности.—2. Культурные системы.—3. Система эгоистических интересов.—4. Система интересов альтруистических.—5. Этическая система.—6. Система жизненной лирики.—7. Система искусства.—8. Система религиозная.—9. О теориях происхождения религи-

озных представлений.—10. Схема отдельных моментов религии.—11 Стремление верить в сохранение в мире ценностей, как основное зерно религиозного сознания.—12. Об'екты такой веры.—13 Жизнь—психическая и физическая.—14. Человечество и Земля.—15. Этическая природа человека и строй мировых законов —16. Значение методологических точек зрения для критики религиозных идеализаций —17. Борьба науки и философии с религиозной традицией —18 Система техники.—19. Система науки.—20 Система философии.—21. Взаимные отношения различных культурных систем —Литературные указания.

Глава II. *Философия* 43

1. Философия, как построение и как совокупность известных личных воззрений и убеждений.—2. Философия систематическая —3. Творчество новых философских воззрений.—4. Нет единой философии.—5. Трудности научного образования и его психологические предпосылки и результаты.—6. О философском образовании.—7 Термин «философия» —8. Философия - наука, ее особенности —9 Главные проблемы философии.—10. Проблема познания Логика —11 Гносеология и методология.—12. Проблема систематизации знания.—14. Проблема оценки.—15 Философия, как самосознание культуры.—16. Связь трех проблем философии друг с другом —17 Связь между философией и остальными культурными системами.—18. История философии.—19. Связь между историей философии и историей науки —20. Значение истории философии для теоретической философии.—20. Две концепции историко-философских изучений.—21. Факторы философии (в ее истории) по Виндельбанду.—22. Философия в ее зависимости от социальной действительности —23 Отношение между философией и историей философии по Гегелю.—24 Самобытность греческой философии.—25. Первый период греческой философии.—26. Второй ее период.—27. Третий период.—28. Стоицизм и эпикуреизм.—29. Скептицизм и эклектизм —30. Неоплатонизм.—30. Христианская философия до падения античной культуры.—32. Упадок античной культуры —33 Варварство новых народов.—34. Начало новой культуры (средневековой).—35. Схоластика; ее первая эпоха (до 1200 г.).—36 Арабское влияние в XII в.—37. Вторая эпоха схоластики.—38 и 39. Разложение схоластики.—40. Новая философия.—XVI век.—41. Аристотелевско-средневековое понимание мира.—42. Новая картина мира —43—44. Философия XVII в. и влияние на нее математики.—45. Главные мыслители XVII в.—47. Философия XVIII в; Локк.—48. Беркли.—49. Юм.—50-51. Другие мыслители XVIII в.—52. Кант.—53. Фихте, Шеллинг, Гегель и др.—54. О. Конт и английские утилитаристы.—55. Характеристика философии XIX в —56 Философия второй

половины XIX в. и современная.—57. Некоторые итоги исторического развития философии.—58—59. Перспективы дальнейшей эволюции философии.—60 Значение философии для реальной жизни. -60 Необходимость принимать во внимание философию в ее целом.—61. Борьба философов за свои воззрения.—62. Перечень значений терминов «идея», «идеализм», «диалектика», «метафизика».—Литературные указания —Добавление к параграфам о греческой философии.

A. Философия, как методология.

Глава III. *Классификация наук* 148

1. Значение классификации наук.—2. Классификация наук Платона — 3 Аристотеля.—4 Классификации после-аристотелевские и средневековая.—5. Классификация Фр. Бэкона.—6.—О. Конта.—7.—других мыслителей.—8. Основы правильной классификации знания.—9. Науки теоретические и практические.—10. Отношение между теорией и практикой.—11. Комбинирование «законов» в «правилах» практики.—12. Теоретическая и практическая позиции человека.—13. Смешение этих позиций —14. Может ли практика противоречить теории?—15. Науки систематические и исторические.—16. Науки математические и естественные (реальные).—17. Способ образования математических понятий и характерные черты математических наук.—18. Определение математики Г. Кантора.—19. Три отдела математических наук.—20. Анализ; учение об элементах.—21 Учение о функциях; комбинаторика.—22. Учение о числе в его отношении к остальным частям анализа и к остальной математике.—23. Геометрия и механика — 24. Науки реально-математические.—25. Науки естественные (реальные) — 26. Науки абстрактные и конкретные.—27. «Ряд» абстрактных наук.—28. Физика —29. Содержание физики по проф. Хвольсону.—30. Химия.—31. Биология.—32. Психология.—33 —34. Отделы психологии —35 Бессознательное также изучается психологией. -36. Психофизика, психометрия, биологическая, физиологическая психология и проч —37. Наблюдение непосредственное (самонаблюдение) и опосредствованное.—38. Проблема «объективной» психологии —39. Социология.—40. Науки переходные, или промежуточные. 41. Науки о естественных целых —43 Возможность других группировок наук.—44. Система реальных наук.—45. Науки нормальные и патологические.—46. Науки исторические.—47—48 Их содержание —48. Науки вспомогательные для истории.—49. Науки практические.—50 Заключение.

Таблицы отделов языкознания, философских дисциплин и общая схема классификации наук.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ